

БОРИС СЛУЦКИЙ

3

**БОРИС
СЛУЦКИЙ**

3

**БОРИС
СЛУЦКИЙ**

БОРИС СЛУЦКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРЕХ ТОМАХ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1991

БОРИС СЛУЦКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ТРЕТИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ
1972·1977

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1991

ББК 84Р7
С49

Составление с научной подготовкой текста,
комментарии
Ю. Болдырева

Оформление художника
М. Шлосберга

С $\frac{4702010202-263}{028(01)-91}$ Подписное

ISBN 5-280-01617-9 (Т. 3)
ISBN 5-280-01615-2

© Составление с научной подготовкой текста, комментарии
Болдырев Ю. Л., 1991 г.

ПРОДЛЕННЫЙ ПОЛДЕНЬ

1975

РЕКОНСТРУКЦИЯ МОСКВЫ

Девятнадцатый век разрушают.
Шум, и гром, и асфальтная дрожь.
Восемнадцатый — не разрешают.
Девятнадцатый — рушь, как хошь.

Било бьет кирпичные стены,
с ног сшибает, встать не дает.
Не узнать привычной системы.
Било бьет.

Дом, где Лермонтову рождаться
хорошо было, — не подошел.
Эти стены должны раздаться,
чтоб сквозь них троллейбус прошел.

Мрамор черный и камень белый,
зал двусветных вечерний свет, —
что захочешь, то с ним и делай,
потому — девятнадцатый век.

Било жалит дома, как шершень,
жжет и не оставляет вех.
Век текущий бьет век прошедший.
На подходе — грядущий век.

ФРЕСКА «ЗЛОБА ДНЯ»

(Фрагменты)

Старики обижаются, что старость хуже,
чем это кажется в молодости.
Старухи не обижаются, а ходят за стариками,
как толковые секундные стрелки
за неспорными часовыми.
Впрочем, это — из фрески «Вечность».

Кандидат наук добился приема
у председателя райисполкома
и просит отдельную, трехкомнатную,
с окнами на двор, квартиру.
— Я сделал открытие! Не верите — звоните
хоть директору института!.. —
Председатель райисполкома не верит,
но звонить никому не будет:
он самолично сделал открытие,
что кандидат наук — дубина.

Небо не изменилось с шестнадцатого века,
когда, согласно летописи, оно было голубое.
Солнце заходит в том же самом месте,
где заходило в шестнадцатом веке.
Впрочем, это — из фрески «Вечность».

Закат багровит, кровавит пьяных.
Впрочем, трезвых он также багровит.

Три десятиклассницы — народные дружинницы
с белыми бантами в русых косичках
и красными повязками на белых блузах —
бродят по улице в часы получки.
На этой улице одна читальня,
одна забегаловка и два ресторана.
То-то девчонки наслушаются фольклору!

Солнце зашло, и бледные звезды
вышли на бледное небо.
Впрочем, это — из фрески «Вечность».

Три телевизионные программы
слышатся из трех соседних окон.
Фестиваль студенческих песен
заглушает рассуждения
престарелого музыковеда
о вреде студенческих песен,
а истошный крик футбола
заглушает и музыку и слово.

Созвездие за созвездием
ходят по небу, как положено.
Впрочем, это — из фрески «Вечность».
В подъезде большая студентка
громко целует маленького студента
и говорит: «Ты некрасивый,
но самый умный на целом свете!»

Это тоже из фрески «Вечность».

Маленькие девочки с большой силой
выплескивают маленький пруд на берег,
выкликая: «Братцы, тонем!» —
Это тоже из фрески «Вечность».
Слегка замазанная известкой,
эта фреска проступает,
даже выпирает из фрески,
именуемой: «Злоба дня».

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

Это — зал ожидания. Скамейки узки, тверды.
Хочешь—ляг. Хочешь—сядь. Полежи, посиди снова.
Ожидай что положено: удачи, беды.
Потому что тебе не положено зала иного.

Это — зал ожидания. Счастья, страдания,
здесь навалом, насыпом, слоями, рядами.
Влево, вправо — немедленно ступишь в рыдания,
потому что достаточно здесь нарыдали.

Впрочем, выбора, этой единственно подлинной
человеческой роскоши, — выбора нет.
В освещенной неярко и плохо натопленной,
все же в нашей судьбе есть тепло, есть и свет.

То калачиком сжавшись, то вытянув ноги,
потому что скамейка тверда, узка,
ожидает
 с железной, железной дороги
золотого, серебряного звонка.

ЖУРАВЛИ

Летят над нами журавли,
и мы стоим под журавлями,
как будто бы пришли под знамя,
большое знамя всей земли.

Они летят, словно душа
летит чужой душе навстречу.
Торжественна и хороша
жесть журавлиного наречья.

Связует этот перелет
ничем не связанные страны.
Не потому ли жесть поет
или рычит
 так дико, странно.

О чем курлычут, что кричат,
куда кочуют, где ночуют?
С Выг-озера к озеру Чад
летят и что-то чуют, чуют.

Сегодня осень осенив,
весну они увидят завтра.
Без раздраженья и азарта
над редкой желтизною жнив

летят, летят, летят, летят.
Куда хотят, туда летят.

и с человеком настолько скрепленные:
в топь из болота!
С гати на гать!

Где вы, полуторки прошлой войны,
нашей войны,
Великой Отечественной?
Даже в великом
нашем отечестве
где-нибудь вы отыскаться должны.

В кузове тряся,
в кабине сидел,
с гиком
выталкивал из кювета.

Где вы, полуторки?
С вас я глядел
на все четыре стороны света!

ОДИССЕЙ

Хитрый лис был Улисс.
Одиссей был мудрей одессита.
Плавал, черт подери его,
весело, пьяно и сыто.

А его Пенелопа,
его огорчить не желая,
все ждала и ждала его,
жалкая и пожилая.

А когда устарел
и физически он и морально
и весь мир осмотрел —
вдруг заныло, как старая рана,
то ли чувство семьи,
то ли чувство норы,
то ли злая
мысль,
что ждет Пенелопа —
и жалкая и пожилая.

Вдруг заныла зануда.
В душе защемила заноза.
На мораль потянуло
с морального, что ли, износа!
Я видал этот остров,
настолько облезлый от солнца,
что не выдержит отрок.
Но старец, пожалуй, вернется.

Он вернулся туда,
где родился и где воспитался.
Только память — беда!
И не вспомнил он, как ни пытался,
той, что так зажилась,
безответной любовью пылая,
и его дождалась,
только жалкая
и пожилая.

БЕЛЫЕ РУКИ

С мостков,
сколоченных из старой тары,
но резонирующих на манер гитары,
с мостков,
видавших всякое былье,
стирала женщина белье.

До синевы
оттерла фиолетовый
и добела
отмыла голубой
и на мостках стояла после этого,
в речонке отражаясь головой.

Ее цвета цвели, словно цветы,
вдыхали в душу сладкое смятенье,
и удвоила речка
красоты
невиданной
исподнее и тельное.

Казалось, что закат затем горит
и ветер нагоняет звезды снова,
чтоб освещать и стирки древний ритм,
и вечный ритм
течения речного.

Над белой пеной мыла,
белой пеной
реки,
белея белизною рук,
она то нагибалась постепенно,
то разгибалась вдруг.

Белели руки белые ее,
над белизной белья белели руки,
и бормотала речка про свое:
какие-то особенные звуки.

ГРЯЗНАЯ ЧАЙКА

Гонимая
 передвиженья зудом,
летящая
 здесь же, недалеко,
чайка,
 испачканная мазутом,
продемонстрировала
 брюшко.

Все смешалось: отходы транспорта,
что сияют, блестят на волне,
и белая птица, та, что распята
на летящей голубизне.

Эта белая птица господняя,
пролетевшая легким сном,
человеком и преисподнею
мечена:
черным мазутным пятном.

Ничего от нас не чающая,
но за наши грехи отвечающая,
вот она,
вот она,
вот она,
нашим пятнышком зачернена.

ДАВНЫМ-ДАВНО

Еще все были живы.
Еще все были молоды.
Еще ниже дома были этого города.
Еще чище вода была этой реки.
Еще на ноги были мы странно легки.

Стук в окно в шесть часов,
в пять часов
и в четыре,
да, в четыре часа.
За окном — голоса.
И проходишь в носках в коммунальной квартире
в город, в мир выходя
и в четыре часа.

Еще водка дешевой была. Но она
не желанной — скорее, противной казалась.
Еще шедшая в мире большая война
за границую шла,
нас еще не касалась.

Еще все были живы:
и те, кого вскоре
ранят; и те, кого вскоре убьют.
По колено тогда представлялось нам горе,
и мещанским тогда нам казался уют.

Светлый город
без старых и без пожилых.
Легкий голод
от пищи малокалорийной.
Как напорист я был!
Как уверен и лих
в ситуации даже насквозь аварийной!

* * *

Солоно приходится и горько.
Жизнь — как черноморская вода.
Слышу, тонущий товарищ: «Борька!» —
криком мне кричит, как и тогда.

Он захлебывается. Он бы плакать
стал. Но не хватает сил.
Оба не умеем плавать —
я и тот, кто помощи просил.

Как мы далеко тогда заплыли!
До чего там было глубоко!
До чего нам не хватало прыти!
До чего нам было нелегко!

Горького с соленым перепившись,
наглотавшись на всю жизнь,
этот черновик не перепишем:
сколько можешь, на воде держись!

Сколько можешь, слушай крики друга
и плыви на помощь, не зевай
и уже слабеющую руку,
сколько можешь,
подавай!

МОРОЗ

Совершенно окоченелый
в полушерстяных галифе,
совершенно обледенелый,
сдуру выскочивший
на январь налегке,
неумелый, ополоумелый,

на полуторке, в кузове,
сутки я пролежал,
и покрыл меня иней.
Я сначала дрожал,
а потом — не дрожал:
ломкий, звонкий и синий.

Двадцать было тогда мне,
пускай с небольшим.
И с тех пор тридцать с лишком
привыкаю к невеселым мыслишкам,
что пришли в эти градусы
в сорок,
пускай с небольшим.

Между прочим, все это
случилось на передовой.
До противника — два километра.
Кое-где полтора километра.
Но от резкого и ледовитого ветра,
от неясности, кто ты,
замерзший или живой,

даже та, небывалая в мире война
отступила пред тем,
небывалым на свете морозом.
Ну и времечко было!

Эпоха была!
Времена!

Наконец мы доехали.
Ликом курносым
посветило нам солнышко.
Переваливаясь через борт
и вываливаясь из машины,
я был бортом проезжей машины—
сантиметра на четверть —
едва не растерт.

Ну и времечко было!
Эпоха была!
Времена!
Впрочем, было ли что-нибудь
лучше и выше,
чем то правое дело,
справедливое наше,
чем Великая Отечественная война?

Даже в голову нам бы
прийти не могло
предпочесть или выбрать
иное, другое—
не метели крыло,
что по свету мело,
не мороз,
нас давивший
тяжелой рукою.

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ШИК

Все принцессы спят на горошинах,
на горошинах,
без перин.
Но сдается город Берлин.

Из шинелей, отцами сброшенных
или братьями не доношенных,
но — еще ничего — кителей,
перешитых, перекореженных,
чтобы выглядело веселей,
создаются вон из ряду
выдающиеся наряды,
создается особый шик,
получается важная льгота
для девиц сорок пятого года,
для подросших, уже больших.

— Если пятнышко, я замою.
Длинное — обрезать легко,
лишь бы было тепло зимою,
лишь бы летом было легко...

В этот карточный и лимитный
год
не очень богатых
нас,
перекрашенный цвет защитный,
защити! Еще хоть раз.

Вещи, бывшие в употреблении,
полинявшие от войны,
послужите еще раз стремлению
к красоте.

Вы должны, должны
посуществовать, потрудиться
еще раз, последний раз,
чтоб смогли принарядиться
наши девушки
в первый раз!

* * *

Я был человек его века.
Я был человек его круга.
Для этого человека
я был наподобие друга.
Я был наподобие брата,
и этому нету возврата.

Я строчкою вписан в книги,
в бумажные врезан скрижали.
С ним происходившие сдвиги
меня непременно сдвигали.

Мы вместе тонули. Вместе
мы выплывали едва.
Я знал, что на должном месте
будет его голова.

А кто и о ком напишет
такой, как этот, стих, —
не думал, пока он дышит,
покуда совсем не стих.

ПЕВИЦА

Огромная, как белуга,
поставленная на хвост,
стихи покойного друга
пропела она во весь рост.

Певица. Ее рулада —
дебела, крута, кругла.
Но в то же время крылата
эта певица была.

По-рыбьи глаза смотрели.
Вздымало кофту брюшко.
Потусторонние трели
она выводила легко.

Как жаворонок от зноя,
захлебывалась она,
и вся синева с белизною
была ею превзойдена.

И золото все июля,
и все серебро января
к ней струны свои протянули,
образно говоря.

И ротик она разевала,
коротенький ротик свой,
но из мирового развала
творила лад мировой.

АНАЛИЗ ФОТОГРАФИИ

Это я, господи!

Из негритянского гимна

Это я, господи!
Господи — это я!
Слева мои товарищи,
справа мои друзья.
А посередке, господи,
я, самолично — я.
Неужели, господи,
не признаешь меня?

Господи, дама в белом —
это моя жена,
словом своим и делом
лучше меня она.
Если выйдет решение,
что я сошел с пути,
пусть ей будет прощение:
ты ее отпусти!

Что ты значил, господи,
в длинной моей судьбе?
Я тебе не молился —
взмаливался тебе.
Я не бил поклоны,
не обидишься, знал.
Все-таки, безусловно,
изредка вспоминал.

В самый темный угол
меж фетишей и пугал
я тебя поместил.
Господи, ты простил?

Ты прощай мне, господи:
слаб я, глуп, наг.
Ты обещай мне, господи,
не лишай меня благ:
черного теплого хлеба
с желтым маслом на нем
и голубого неба
с солнечным огнем.

ПЛАТОН

Стали много читать Платона.
Любят строй драматических глав.
После выхода каждого тома
выкупает подписчик стремглав.

Интересно, помогут ли совести
эти споры античных времен,
эти красноречивые повести—
те, что нам повествует Платон.

Скоро выяснится. А пока
мы не знаем еще:
причуда,
хобби,
красного ради словца,
что дороже родного отца,

или этот старинный философ,
всех томов его полный объем,
отвечает на пару вопросов —
тех,
что мы себе задаем.

ПРОВЕРКА

Щенок гоняется за воробьем,
но воробей ему не поддается,
и вместе с птицей над щенком смеется
вся сложность мира,
весь его объем.

Мироустройство знает, что щенок
охрипнет, взмокнет и собьется с ног,
устанет, выдохнется и умается,
но воробей проклятый не поймается.

Под солнцем южным, на большом ветру
щенка гоняют, воробья гоняют,
проигрывают
в энный раз
игру,
до энной доли
что-то уточняют.

ЦВЕТНОЕ БЕЛЬЕ

Белье теперь не белое.
Оно — разноцветное.
И рваное и целое,
по всем дворам развешанное,
оно — не белоснежное,
не стая лебедей.
Белье теперь смешанное
у нынешних людей.

Старинная знакомая
мне рассказала как-то,
конечно, пустяковые,
но, между прочим, факты.
В том городишке, где она
работала давно,
белье смотреть ходили,
когда не шло кино.

— И что ж, вам было весело?
— Да, в общем, потрясающе.
Директорша развесила
свои чулки свисающие.
Врачихины заплаты
журчали, как ручей,
о том, что зарплаты
нехватка у врачей.

А белая сорочка
как будто в небе плавала.
А черная сорочка
являла облик дьявола.
А майки и футболки!
А плавки и трусы!
А складки и оборки
изысканной красы!

Две старые рубахи
заплаты открывали.
Как старые рубахи,
махали рукавами.
Одна была вязкая,
другая просто синяя,
одна была роскошная,
другая просто стильная.

Поселок невеселый
без полуфабрикатов,
без разных разносолов —
поселок Африканда.
Лесистые болота,
тяжелая работа,
нелегкое житье.
И вдруг — белье!

И вдруг — все краски радуги.
Душа, пожалуйста, радуйся!
И мне понятно, ясно
житье, бытие, бывье
и почему прекрасно
висящее белье.

ВЫБОР

Выбор — был. Раза два. Два раза.
Раза два на моем пути
вдруг раздваивалась трасса,
сам решал, куда мне пойти.

Слева — марши. Справа — вальсы.
Слева — бури. Справа — ветра.
Слева — холм какой-то взвивался.
Справа — просто была гора.

Сам решай. Никто не мешает,
и совета никто не дает.
Это так тебя возвышает,
словно скрипка в тебе поет.

Никакой не играет роли,
сколько будет беды и боли,
ждет тебя покой ли, аврал,
если сам решал, выбирал.

Слева — счастье. Справа — гибель.
Слева — пан. Справа — пропал.
Все едино: десятку выбил,
точно в яблочко сразу попал.

Раза два. Точнее, два раза.
Раза два. Не более двух
мировой посетил меня дух.
Самолично!
И это не фраза.

ПРОДЛЕННЫЙ ПОЛДЕНЬ

Продленный полдень лучше дня продленного
и солнышко, что с неба полуденного
печет, — по-настоящему печет.
Вечернее же солнышко — не в счет.

В продленный полдень медленней течет
река, поскольку далеко до вечера
и торопиться не к чему и нечего.

В продленный полдень — старикам почет,
поскольку молодость у всех — продленная,
и летний дождик медленней сечет,
и вздрагивает дорога запыленная.

Но представлять приходится отчет
за все: за основное и продленное.

ДОЖДЬ

Шел дождь, и перестал,
и вновь пошел.

Из «Скупого рыцаря»

Мы въехали в дождь и выехали
и снова въехали в дождь.
Здесь шел, мокрее выхухоли,
поэзии русской вождь.
Здесь

русской поэзии солнце
прислушивалось:

в окно

дождь

рвется, ломится, бьется.

Давно уже.

Очень давно.

От прошлого ливня сыра еще
земля,

а он снова льет.

Дождь,

ливший позавчера еще,

и послезавтра польет.

Здесь

первый гений отечества,

в осеннюю глядя мглу,

внимал,

как тычется-мечется,

скребется

дождь по стеклу,

глядел,

как мучится-корчится

под ливнем

здешняя весь,
и думал:
когда он кончится?
Когда он выльется весь!

Шел дождь, и перестал, и
вновь пошел.
У окна
строка написалась простая,
за нею — еще одна.
Они доходят отлично —
вся сила и весь объем,
когда живешь самолично
под тем же псковским дождем.
Да, русской поэзии солнце
как следует и не поймешь,
покуда под дождь не проснешься,
под тот же дождь —
не заснешь.

РАССВЕТ В МУЗЕЕ

Я к Третьяковке шел в обход.
Я начал не сюжетом — цветом.
И молодость мне кажется рассветом
в музее.

Солнышко взойдет вот-вот,
и стены по сетчатке полоснут,
холсты заголосят и разъярятся,
и несколько пройдет минут,
которые не повторятся.

Музей моих друзей и мой!
В неделю раз, а может быть, и чаще
я приходил, словно домой,
к твоим кубам. К твоим квадратам.
В счастье.

И если звуки у меня звучат,
и если я слога слагать обучен,
то потому, что по твоим зыбучим
пескам прошел,
вдохнул трясины чад.

Как учат алфавиту: «А» и «Б»,
сначала альфу, а потом и бету,
твой красный полыхал в моей судьбе
и твой зеленый обещал победу.

И ежели, как ныне говорят,
дает плоды наш труд упорный —
и потому,
что черный был квадрат
действительно — квадрат,
и вправду — черный.

Я реалист, но я встречал рассвет
в просторных залах этого музея,
в огромные глаза картин глаза,
где смыслы есть, хоть толку, верно, нет.

СТАРОЕ СИНЕЕ

Громыхая костями,
но спину почти не горбят,
в старом лыжном костюме
на старом и пыльном Арбате,
в середине июля,
в середине московского лета —
Фальк!
Мы тотчас свернули.
Мне точно запомнилось это.

У величья бывают
одежды любого пошива,
и оно надевает
костюмы любого пошиба.
Старый лыжный костюм
он таскал фатовато и свойски,
словно старый мундир
небывалого старого войска.

Я же рядом шагал,
молчаливо любуюсь мундиром
тех полков, где Шагал —
рядовым, а Рембрандт —
командиром,
и где краски берут
прямо с неба — с небес отдирают,
где не тягостен труд
и где мертвые не умирают.

Так под небом Москвы,
синим небом, застиранным, старым,
не склонив головы,
твердым шагом, ничуть не усталым,
шел художник, влачил
свои старые синие крылья,
и не важно, о чем
мы тогда говорили.

О ВЕЧНОСТИ

Еще неизвестно: вечность — чулан или океан,
звездное небо
или пайка хлеба,
и вычислен этот образ или попросту дан,
умно или безумно, обдуманно или нелепо.

Еще неизвестно:
вечность кончается вместе со мною,
сгинет со мною в могиле,
прорастет ли травой?
И чем она обернется?
Беспрерывной войною?
Беспрерывным ли счастьем?
Язвой ли мировой?

Бескрайняя не как море, где все же есть берега,
бескрайняя, как горе, где берег один — забвенье,
чем же необходима,
почему дорога
цепь гремячая вечности,
где все мы малые звенья?

Дыре этой черной и гулкой
единожды повезло:
какие-то атомы, клетки,
какие-то тусклые светы
в каком-то ее переулке
добро разделили и зло
и нарекли ее: вечность,
и отвечают за это.

А если нас не будет, с нее этикетку сорвут,
Она сама забудет,
как же ее зовут.

УТРО, КОТОРОЕ МУДРЕНЕЕ

Я отстраню ночные страхи —
пластался с ними я во прахе,
и старость смою я водой,
и стану снова молодой.

Все казни с основаньем мудрым
проводят только перед утром.
Ведь с первым утренним лучом
нет страха перед палачом.

Недаром бешено и кратко
радиоточки марш ревут.
Недаром делают зарядку,
как путы рвут,
как цепи рвут.

Я обнадежен и утешен
старинным символом, простейшим —
восходом солнышка.
Оно
восходит так же, как давно.

Восходит, как в молодые годы,
а в молодые те года
не замечал я непогоды
и собирался жить — всегда.

НАБРОСОК АВТОПОРТРЕТА

В этот город разнородный
я вписался где-то сбоку:
краснорожий, толстомордый...
Ну и что же — слава богу!

Я привык к твоим уставам,
город!
Знаю: не простят.
Привыкай к моим суставам,
что от старости хрустят.

Я соблюл твои законы.
Ты теперь моя семья.
Мы теперь давно знакомы,
так-то, город, ты и я.

Я деталь твоих пейзажей:
краснорожий, дошлый, ражий.

СКЛАДНО!

Отец мой никогда не разумел,
за что за строчку мне
такие деньги платят,
и думал: как он все это уладит?
И как он так сумел?

Но, прочитавши раза три-четыре
стихотворение,
он выходил из мглы
и в смысле, словно в собственной квартире,
шагал,
прекрасно зная все углы.

Как и газетной критике,
ему,
по сути дела, форма ни к чему,
фиоритуры, что я выпевал.
Но содержанью не давал он спуску:
внакладку,
и вприглядку,
и вприкуску
он смысл стиха
не выпивал — впивал.

И только раз, а может, раза два,
побившись над моей строкой балладной,
осиливши ее едва,
мне с одобреньем говорил:
— Ну, складно!

СОН ОБ ОТЦЕ

Засыпаю только лицом к стене,
потому что сон — это образ конца
или, как теперь говорят, модель.
Что мне этой ночью приснится во сне?
Загадаю сегодня увидеть отца,
чтобы он с газетою в кресле сидел.

Он, устроивший с большим трудом
дом,
тянувший семью, поднявший детей,
обучивший как следует нас троих,
думал, видимо:
мир — это тоже дом,
от газеты требовал добрых вестей,
горько сетовал, что не хватает их.

«Непорядок», — думал отец. Иногда
даже произносил: — Непорядок! — он.
До сих пор в ушах это слово отца.
Мировая — ему казалось — беда
оттого, что каждый хороший закон
соблюдается,
но не совсем до конца.

Он не верил в хаос,
он думал, что
бережливость, трезвость, спокойный тон
мировое зло убьют наповал,
и поэтому он лицевал пальто
сперва справа налево, а потом
слева направо его лицевал.

Он с работы пришел.
Вот он в кресле сидит.

ПАМЯТЬ СТАРЫХ ЖЕНЩИН

Чашки бьются чаще, чем блюда.
Точно так же и мужеский пол.
Еще женщины плачут, смеются,
а мужчины — мордой об стол.

И поэтому память рода,
исторические остроты,
и распахнутые ворота,
и победы, и повороты,

то, что в книгах и что вне книг, —
твердо старые женщины помнят.
Опыт мира не был бы понят,
не был бы освоен без них.

Помнят старые женщины то, что
в треугольных конвертах почта
привозила еще с войны.
Забывать никак не должны.

Помнят голос черной тарелки,
хрипы, скрипы, смех и плач.
Помнят, как годовые стрелки
то ползли, то пускались вскачь.

У старух бесконечные ночи.
У старух продленные дни.
Изо всей старушечьей мочи
вспоминают, помнят они.

Помнят счастье и горе-горюшко.
И опять — надежды огни.
Как бутылки, по самое горлышко,
памятью

налиты они.

ДЕРЕВНЯ И ГОРОД

Когда в деревне голодали —
и в городе недоедали.

Но все ж супец пустой в столовой
не столь заправлен был бедой,
как щи с крапивой,
хлеб с половой,
с корой,
а также с лебедой.

За городской чертой кончались
больница, карточка, талон,
и мир села сидел, отчаясь,
с пустым горшком, с пустым столом,
пустым амбаром и овином,
со взором, скорбным и пустым,
отцом оставленный и сыном
и духом брошенный святым.

Там смерть была наверняка,
а в городе — а вдруг устроюсь!
Из каждого товарняка
ссыпались слабость, хворость, робость.

И в нашей школе городской
крестьянские сидели дети,
с сосредоточенной тоской
смотревшие на все на свете.
Сидели в тихом забытье,
не бегали по переменкам
и в городском своем житье
все думали о деревенском.

* * *

Оказывается, война
не завершается победой.
В ночах вдовы, солдатки бедной,
ночь напролет идет она.

Лишь победитель победил,
а овдовевшая вдовеет,
и в ночь ее морозно веет
одна из тысячи могил.

А побежденный побежден,
но отстрадал за поражение,
восстановил он разрушенья,
и вновь — непобежденный он.

Теперь ни валко и ни шатко
идут вперед его дела.
Солдатская вдова, солдатка
второго мужа не нашла.

НЕ ЗА СЕБЯ ПРОШУ

Седой и толстый. Толстый и седой.
Когда-то юный. Бывший молодой,
а ныне — зрелый и полупочтенный,
с какой-то важностью, почти потешной,
неряшлив, суетлив и краснолиц,
штаны подтягивая рукою,
какому-то из важных лиц
опять и снова не дает покоя.

В усы седые тщательно сопя,
он говорит: «Прошу не за себя!»

А собеседник мой, который тоже
неряшлив, краснолиц, и толст, и сед,
застенчиво до нервной дрожи
торопится в посольство на обед.

— Ну что он снова пристает опять?
Что клянчит? Ну, ни совести, ни чести!

Назад тому лет тридцать, тридцать пять
они, как пишут, начинали вместе.

Давно начало кончилось. Давно
конец дошел до полного расцвета.
— И как ему не надоест все это?
И как ему не станет все равно?

На солнце им обоим тяжело —
отказываться так же, как стараться,
а то, что было, то давно прошло —
все то, что было, если разобраться.

ПЕРЕМЕНА СУДЬБЫ

Товарищи и начальники
не уважали его,
но это его не печалило.
— Ништо, — говорил, — ничего!
Ништо! — говорил. — Обойдется.
Всему свой день, свой час.
Еще у вас найдется
и уваженье для нас.

И вот под самую старость
незнаемо почему
уваженье досталось —
целый кусок ему.
Он проходит по улице
сквозь вечернюю тьму.
Все кланяются, кланяются,
кланяются ему.

И все недоразумения
выяснились, утряслись,
и все прекрасного мнения
о том, как он прожил жизнь.
Бывшие недоброжелатели,
забывши неправый суд,
словно друзья и приятели,
руки ему трясут.

* * *

Нахал, шарлатан, горлопан,
наш микрорайонный Печорин,
шагающий по головам,
наедине был печален.

Я долго его наблюдал,
когда на него не глядели.
Господь ему счастья не дал,
действительно, в самом деле.

Тяжелой печали печать
уста его начала старить,
как будто привыкли молчать,
а не балагурить, гутарить.

Но только из-за угла
девчонка засемила,
всю гордость с лица согнала
и пошлостью заменила.

* * *

Щенок, отведавший пинка,
уклончиво и вяло лает,
но смолкнуть все же не желает.
Как жалко мне того щенка.

Как был задорен! Как бежал
на цепке впереди прогресса.
Как радостно, для интереса,
но без корысти он визжал.

А все же молодость верней,
милей задиристость и резвость,
чем принудительная трезвость
антабус принявших
парней.

Не пожелаю никому
того, что им легло на плечи.
Войну, тюрьму или суму
перенести куда полегче.

ПОНИМАНИЕ СЛАВЫ

В Эдинбурге — столичке
Шотландского королевства —
я прочел на табличке,
натертой до блеска:
«Не забудьте о Джеке,
скамейку дубовую эту
в девятнадцатом веке
муниципалитету
подарившем,
так же, как четыре другие,
и почившем
в Индии от ностальгии».

Лет сто тридцать скамья
дождалась, в надежде и вере,
что прочту это я,
отдыхая тихонечко в сквере.
Лет сто тридцать табличку
натерли до блеска.
Благодарна столичка
Шотландского королевства!

Это — вечная слава.
А то, что недорого стоит,
пусть волнует нас слабо
и вовсе не беспокоит.
Стивенсон, здесь стоящий,
Вальтер Скотт, здесь стоящий,
удостоились вящей,
но не более настоящей.
Их романы забудут.
Не часто и ныне читают.
На скамейке же будут
отдыхать, как сейчас отдыхают.

Ну и Джек! Он допер,
разорившись едва ли,
чтоб с тех пор до сих пор
вспоминали его на бульваре.
Это ж надо иметь
понимание славы немало,
чтоб бульварная медь
ваше имя навек сохраняла
и чтоб им упивался
всякий, кто на скамейку садился!

Ну и Джек! Не прорвался
к славе, так просочился.

МЫ В ЭДИНБУРГЕ

Стюард в шотландском ресторане
глядит с приличных расстояний:
— Им снова не хватает хлеба,
им снова принести воды.
О небо, до чего нелепы,
хоть симпатичны, не горды.

Он, заработавший в неделю
на пять рубашек, клуба член,
он — прихожанин, джентльмен,
глядит:
— Глаза бы не глядели,
поля они готовы съесть,
моря они готовы выпить. —
Но что-то в них такое есть,
что во всю жизнь ему не выжить.

И призадумался стюард,
как в том же городе шотландском
король задумался Стюарт
перед судьбы зловещей лаской,
задумался и понимает
и, как ни нелегки труды,
хлебá немедля вынимает
и, главное, несет воды.

ТЕМП

В общем, некогда было болеть,
выздоровливать же — тем более.
Неустанная, как балет,
утомительная, как пятиборье,
жизнь летела, как под откос,
по путям, ей одной известным,
а зачем и куда — вопрос
представляется неуместным.

Ветер, словно от поездов,
пролетающих без остановки,
дул в течение этих годов
и давал свои установки.

Как однажды налетел,
так с тех пор и не прекращался,
и быстрее всех небесных тел
шар земной на оси вращался.

Слово «темп» было ясно всем,
даже тем, кто слабы и мелки.
И не мерили раз по семь —
сразу резали без примерки.

Задавался темп — из Москвы,
расходился же он кругами,
не прислушивался, если вы
сомневались или ругали.

Потому что вы все равно,
как опилки в магнитном поле,
были в воле его давно,
в беспощадной магнитной воле.

Был аврал работ и торжеств.
Торопыги устроили спешку.
Торопливый ораторский жест
мир неспешно сдвигал, как пешку.

Торопливо оркестр играл,
настроение вызвать сиясь.
Это был похоронный аврал:
речи скомканно произносились.

С этих пор, на всю жизнь вперед
накопилась во мне и осталась —
ничего ее не берет, —
окончательная усталость.

* * *

Отцы еще молодые
и матери молодые,
а вы вернулись мертвыми
из бесконечной ледяни,

и вековечной зимою
ваш водомет закован:
снова требует жертвы
небо у рода людского.

Мало вышло вам времени.
Много вышло пространства.
Стала для вас последней
первая ваша трасса.

Лучшие звезды спорят,
вашиими именами
чтобы именоваться
и красоваться пред нами.

И молодые матери
плачут о вашем полете,
и отцы молодые
поддерживают их под локти.

И все мальчишки Союза
кулаки сжимают
и вашего долга узы
на себя принимают.

* * *

Кто еще только маленький,
кто уже молодой,
кто еще молодой,
кто уже моложавый,
кто уже вовсе седой и ржавый,
выбеленный,
вымотанный
бедой.

Ручьи вливаются в речки,
речки — в реки.
Реки вливаются в океаны-моря
в то время, как старые древние греки
юным древним грекам завидуют и не зря.

Дед, на людной улице ведущий за руку внука,
объясняет внуку, но его наука
старше, даже, наверно, древнее,
но не вернее,

чем веселое и счастливое
знание молодежи,
и внук, послушав,
говорит: «Ну и что же?»

* * *

В общем, сколько мешков с бедою
и тудою стаскал и сюдою,
сколько горя поразмыкал
бедолага, горемыка.

А теперь он вышел на пенсию,
прекратились его труды
и с веселою пьяною песнею
и туды идет и сюды.
То к соседу — на беседу,
то к соседке —
в ее беседку.

А соседка — его сверстница
и на пенсии уже давно,
кулинарка, толстуха, сплетница,
посетительница кино.

Как цистерну пива — с разлива
на углу начнут продавать,
он становится нетерпеливо,
чтобы реплики подавать,
и с соседями повидаться,
и за очередью наблюдать,
и потом, пену сбив, наслаждаться,
всю утробу свою наслаждать.

* * *

— Мне-то дело какое до Марьи Стюарт!
Это все беллетристика или театр, —
под окном разоряется Марья иная. —
Я в подробностях эту трагедию знаю.

Впрочем, если билетик вручит ей местком,
одарит лицедеев участием и лаской,
и поймет все, что Шиллер чесал языком,
и всплакнет над судьбой королевы шотландской.

Меж Марией и Марьей
наладится связь
и окрепнет,
единожды установясь.

ПЛЕБЕЙСКИЕ ГЕНЕАЛОГИИ

Дед Петра Великого — ведом.
Также ведом мой собственный дед.
Кто был прадед Петра? Филарет!
Мой же прадед истории светом
не разыскан и не осиян.
Из дворян? Из мещан?

Из крестьян?

Догадаться можно примерно,
доказать же точно и верно,
сколько ни потрачу труда,
не смогу никогда.

Надо было спросить отца,
как его отца было отчество.
Только после его конца
углубляться в это не хочется.

Твердо помнящий, сколько живу,
всех царей из дома Романовых,
изо всех четырех своих прадедов
ни единого не назову.

Мы, плебеи всяя Руси,
как ни требуй, сколь ни проси,
далее колена четвертого
ни живого не помним,
ни мертвого.

Дед — он лично со мной говорил,
даже книжку мне подарил,
книжку, а до этого дудочку
и еще однажды — удочку.
Хорошо бы пройти по следу:

кто же
все же
предшествовал деду?

А покуда мы сами — предки!
Тьма — до нас.
Рассветает сейчас!
И древнее, чем древние греки,
наши предки все — для нас.

* * *

Старухи, как черепахи,
на солнышке греют бока.
Раскинулись на солнцепеке
и радуются, пока
солнышку не жалко:
лишний луч не в счет —
мегеру или весталку
все равно припечет,
колдунью или шалунью
равно обогреет лучом.
А солнышку не жалко.
Все ему нипочем.

А я в богатстве и бедности
как солнышко
быть учусь
и равнодушной щедрости
у него учусь.
Ленивой терпеливости
и благородству чувств,
безжалостной справедливости
я у него учусь.

* * *

Это очень богатый мертвец:
пиджачишко его дешевый
и гробишко его грошовый
сдавлены монументом.

Эх, посмертные бы тиражи,
гонорары за них — при жизни!
Слава, ныне всеобщая, брызни
коньячком, пожалуйста.

У него молодая вдова,
взрослый сын у него, суровый.
Был бы он живой, здоровый —
он бы радовался.

Ныне все в порядок пришло,
утряслось, словно пепел в урнах.
Нынче чтят способных, культурных
и его тоже чтят.

Он бы, верно, не стал острить,
если б все это видел. Хмыкнул,
промолчал, а потом — привыкнул,
как и все привыкают.

* * *

Кому мéне жить, кому боле,
очень просто решается в поле.
Тяжелее решать за столом:
где он, нравственный эталон?

Вот он, чести аршин портновский, —
ни в параграфе и ни в сноске
истины не пытаться найти.
Повернуться и сразу уйти.

Не стараться, не суетиться,
не пытаться на первых порах.
Просто: сразу отворотиться
и уйти, отрясая прах.

ЗАПОВЕДЬ САМОМУ СЕБЕ

Важно не примкнуть к победителям,
не приветствовать их парад.

Это чем почтенье к родителям
предпочтительнее стократ,
и чем верность в браке полезней,
и чем стойкость во время болезней,
и приятней, чем скромность сама.
Это поумнее ума.

Эта штука сильнее «Фауста»:
не понравится. Позабавиться
не любовью, а злобой к себе.
Эта штука равна судьбе.

НЕ СОВСЕМ

Уничтоженный унижением,
а не просто уничтожением,
иногда поднимается все же
и грозит им всем, им всем,
кто унизил его, уничтожа,
полагая, что насовсем.

У униженного,
у растоптанного,
оклеветанного,
ошептанного,
как заветный
божий дар,
остаётся
ответный
удар.

Остаётся горько-соленый,
кисло-сладкий
привкус во рту
и — надежды листик зеленый,
устремляющийся в высоту.

* * *

Не покоряйся, товарищ,
не признавай вины.
Кашу, которую варишь, —
доваривай до конца.
Чашу, пьешь из которой, —
допивай до конца.
Такие, как ты, товарищ,
будут еще нужны.

* * *

Оскорбить, отскоблить с него глянец,
показать: за душой ни черта.
Характерный пусть спляшет он танец,
характерную пляску шута.

Пусть в забавнейшем ритме присядки
передвинется без пересадки
в бездну и притом заодно
пусть немедленно канет на дно.

Впрочем, в национальном характере
нет злопамятности ни на грош.
Угасает пылание кратера.
Успокаивается дрожь.

Пусть не тонет он,
пусть он выплывет.
Он не хуже других людей.
Пусть он лучше улыбку вызовет
характерной пляской своей.

БЕЗ ДУРАКОВ

Эрудит, но без знания языков,
книгочей фантастики и популярщины,
со своими формулами испепеляющими,
со своими правилами! Без дураков!

Дураки ему, полуумнице,
полудурку, мешают жить,
не дают пройти по улице,
не дают ни есть, ни пить.

Он, своим полуразумом гордый,
не желает их глупые морды
полуглупой видеть своей
и своих полуйдей
перед их безыдейностью цельной
не выказывает. Не ценит
и не любит он дурака.
Всё о нем. Приветик. Пока,

* * *

Трудоустроенный кровопийца
крови не пьет, пьет молоко,
предпочитает не торопиться,
дышит легко и глубоко.

Десятилетия перечеркнувши,
высочивши из неотложки-судьбы,
он собирает грибы чернушки,
он собирает другие грибы.

Он подписывается на собрание
сочинений Эмиля Золя.
Он посещает все собрания
в жакте, табачищем пыля.

Там по каким-то сноровкам, ухваткам
он без ошибки определит,
что же является фактом, нефактом,
что, у кого, почему болит.

Не обнаруживая мудрости,
не оглашая вывод свой,
вежливо, выдержанно, нахмуренно
он покачивает головой.

* * *

Поправляй меня, Родина! Я-то
поправлял тебя, если мог.
Сколько надо, меду и яду
подмешай в ежедневный паек.

У взаимного восхищения
нету, в сущности, перспектив,
Поправляй меня, коллектив!
Я не жду твоего прощения.

Четверть века осталось всего
веку. Мне и того помене.
И присутствовать при размене
комплиментов моих и его

не желаю и не хочу.
Это мне и ему некстати.
Лучше этот стишок вручу —
для архива, не для печати.

ГАШЕНИЕ СКОРОСТЕЙ

Итак, происходит гашение скоростей,
и наша планета,
пускай продолжая вращение,
любой из своих разнообразных частей
дрожит, словно зверь в состоянии укрощения.

Итак, переходят, как из самолета — в такси
и как из такси — в старомодный трамвай тихходный,
и наша планета,
подрагивая на оси,
из кавалерийской
становится снова пехотной.

Она на секунды считала — теперь на года.
Газеты читала — теперь она книги читает.
Ей кажется (сдуру),
что никто,
никогда
былых ускорений
не испытает.

И новости спорта преобладают с утра,
а вечером — новости театра, кино, телевидения,
и новости жизни
куда удивительнее,
чем новости смерти,
не то что вчера.

Быть может, впервые с тех пор, как студент молодой
стрелял по эрцгерцогу
в глуши тихходной, сараевской,
планета
замедлить свой ход,
не ускорить,
старается,
задумчиво глядя на чаши
с живую и мертвой водой.

* * *

Стоял вопрос про роток и платок.
Стоял вопрос про лес и про щепки.
Все подготовлено было крепко.
Осталось включить ток.
Но было страшно его включать,
начать исключать, а потом заключать,
ведь проводу дай только повод,
и он срывается со столба,
и в план врывается судьба,
и бьет, где попадя, провод.

Поэтому лес пока шелестел.
Никто его рубить не хотел,
и щепки, вцепившись цепко
в привычку, в быт, в свое «дважды два»,
такие вот произносят слова,
высказываются крепко.

* * *

Итог истории: осколки
какой-то склянки и бутылки.
А были обвиненья — колки.
А были вдохновенья — пылки.

Итог истории — обломки.
Луч на глазури черепка.
А люди, как солома, ломки,
и как им пережить века?

Итог истории: слои
дерьма, и мусора, и щепня.
Хотя свистели соловьи
и были: доблесть, гордость, щедрость.

А ты? Ты сделал все, что мог,
чтоб мерили иные меры
твою эпоху, нашу эру?
Еще не подведен итог.

ПОКА ЕЩЕ ВСЕ НИЧЕГО

Если слово: «Нехорошо!»
останавливает поступки —
значит, все еще хорошо
и судьбы короткие стуки
в дверь твою и в твое окно
и в ворота твоей эпохи
означают все равно,
что дела покуда неплохи.
Если, что там ни говори,
не услышат и не исполнят
«Бей!» — приказ
и приказ «Бери!»,
значит, что-то они еще помнят.

Вот когда они все забудут,
все запомнят до конца,
бить и брать
все, что надо, будут,
начиная с родного отца,
вот когда они будут готовы
все поставить как есть на места,
вовсе не с Рождества Христова
числя в календарях лета,
вот когда переменятся даты
и понятия: честь, лесть и месть, —
настоящие будут солдаты!
Что ни скажут — ответят: «Есть!»

ПИСАРЬ

Писарь в штабе мирового духа —
сочинитель боговых приказов.
Бог подписывает, но идеи
вырабатывает писарь.
А фамилию его не нужно
узнавать: она секретна.
Хватит с вас, что вам известно
тысяча одно название бога.
Принято считать, что писарь пишет
то, что бог диктует.
Впрочем, всем давно известно:
бог не вышел на работу.
День не вышел, год не вышел.
С девятьсот семнадцатого года
он не выходил ни разу.
Не пора ли рассекретить имя
писаря, того, кто вправду пишет —
тысяча второе имя бога,
нет, его единственное имя?
Может быть, добрее станет писарь,
если будет знать, что отвечает
он и что прошла пора секретов?
Рассекретим писаря! Объявим!
Огласим его, опубликуем,
обнародуем — и тем заставим
оглянуться на рассудок
и с историком считаться.
Пусть на свет на божий он выходит —
невеликий, может быть, плюгавый,
в нарукавниках и с авторучкой,
в писарских надраенных штиблетах,
с писарской искательной улыбкой.
Пусть он, знающий всему на свете цену,
слышит крики: «Писаря на сцену!»

* * *

Анекдоты о Сталине лет через много,
через много столетий и через века
с восхваленьями Сталина шествуют в ногу,
отклоняются от славословий слегка.

Анекдоты боялись, и шепот страшился,
даже шорох и шелест не мог и не смел.
И никто до сих пор не посмел, не решился,
может быть, и решался, да нет, не сумел.

До сих пор мы рассказываем, озираясь,
как прошел он по миру, на нас опираясь,
и хохочем, почтительно трепеща,
и трепещем, почтительно хохоча.

* * *

Доколе, доколе?
И только потом — почему?
За что, за что?
И только потом — для чего же?
От возгласа боли
к оценивающему уму
придем несомненно
значительно позже.

Порядок рыданий установился давно —
что крикнут, что спросят,
что вымолят, что попросят,
и камня в то зарешеченное окно
никто, надеюсь, не бросит.

Поэтому снова: доколе? когда же конец?
И после: за что же? да что же я сделал такое?
А разум хлобучит венец на терновый венец,
когда наконец все прошло — в промежуток покоя.

ИЗ «А» В «Б»

До чего довели Плутарха,
как уделали Карамзина
пролетарии и пролетарки
и вся поднятая целина?

До стоического коварства,
раскрываемого нелегко,
и до малороссийского фарса,
и до песенки «Сулико».

До гиньоля, до детектива,
расцветающих столь пестро,
довели областные активы
и расширенные бюро.

Впрочем, это было и будет,
и истории нету иной.
Тот, кто это теперь забудет,
тот, наверно, давно больной.

Если брезгуете, и гребуете,
и чего-то другого требуете,
призадумавшись хоть на миг,
жалуйтесь! На себя самих.

* * *

Я не искал виновника:
вредителей в тридцать седьмом,
в другом году — чиновников, —
я знал о себе самом.

Не надо качать права,
а надо, очень надо
засучивать рукава
и делать то, что надо.

Я знал, минуют новости
и высохнут, как дождь.
От собственной же совести
не уйдешь.

* * *

Где небитые? Не осталось
ныне в мире ни одного,
чтобы в холе и неге старость, —
так и не испытал ничего.

Битых много. Битые все мы.
От всеобщего боя

системы
стал небитый редок, как лось.
Как увидим — сразу стреляем,
ни минуты не потеряем,
чтоб никак ему не удалось
походить небитым неделю,
чтобы гордо он не смотрел.
Как увидели, углядели —
начинаем тотчас отстрел.

* * *

Не будем терять отчаяния.

А. Ахматова

В раннем средневековье
до позднего далеко.
Еще проржавеют оковы.
Их будет таскать легко.

И будет дано понять нам,
в котором веке живем:
в десятом или девятом,
восьмом или только в седьмом.

Пока же мы всё забыли,
не знаем, куда забрели:
часы ни разу не били,
еще их не изобрели.

Пока доедаем консервы,
огромный античный запас,
зато железные нервы,
стальные нервы у нас.

С начала и до окончания
суровая тянется нить.
Не будем терять отчаяния,
а будем его хранить.

Века действительно средние,
но доля не так тяжка,
не первые, не последние,
а средние все же века.

ВЫСОКОЕ ЧУВСТВО

Зло, что преданно так и тщательно
шло за каждым шагом добра
и фиксировало старательно
все описки его пера, —

равнодушно к своим носителям,
к честным труженикам, чья судьба,
упревая под тесным кителем,
зло носить на мозоли горба.

Их, кто мучит и убивает,
челядь верную
глупая знать
и оплачивает и забывает,
не желает при встрече признать.

У глядевших по службе в оба,
у давно уставших глядеть
назревает глухая злоба,
кулаки начинают зудеть.

Их тяжелые, словно дыни,
кулаки-пудовики
от обиды и от гордыни,
от печали и от тоски,

от высокого чувства чешутся.
Между прочим — очень давно.
И ребята угрюмо тешатся,
разбивая о стол домино.

* * *

Вогнутый выпуклого не поймет.
Сытый голодного не оценит.
Что их рассудит? Один пулемет.
Кто их помирят? Тот, кто их сменит.
Нету надежд внутри жизни, внутри
века, внутри настоящего времени.
Сможешь — засни, заморозься, замри
способом зернышка, малого семени.

* * *

Хорошо будет только по части жратвы,
то есть завтрака, ужина и обеда,
как предвидите, живописуете вы,
человечество в этом одержит победу.

Наедятся от пуза, завалятся спать
на сто лет, на два века, на тысячелетье.
Общим храпом закончится то лихолетье,
что доньше историей принято звать.

А потом, отоспавшись, решат, как им быть,
что же, собственно, делать, и, видимо, скоро
постановят наплевать и забыть
все, что было, не помнить стыда и позора,

* * *

Это — старое общество
с узким выходом, еще более суженным входом.
Средний возраст растет с каждым годом.

Пионерского возраста меньше, чем пенсионного возраста.
Много хворости.
Мало возгласа.
Это — старое общество.

Говорят, что в Китае — все китайское. А каковское
здесь? Как у всех стариков — стариковское.

Умирает все меньше людей.
Еще меньше рождается.
И все меньше детей
на бульварах в качалках качается.
На бульварах,
когда-то захваченных
хулиганами и милиционерами,
флегматичные шахматисты
стучат в домино
с молчаливыми пенсионерами.

Все приличное. Все обычное, обыкновенное.
Еще прочное, обыденное, долгосрочное.
Все здоровое, я бы сказал — здоровенное,
но какое-то худосочное.

Оборона поставлена лучше, чем нападение.
Аппетиты, как у всех стариков, — уменьшаются.
Но зато, как у всех стариков, поощряется бдение,
также — бдительность повышается.

За моральным износом
идет несомненный физический.
Но пока от него далеко до меня.
И, следя по утрам, как седеют на гребне вычески,
старики головами мотают, как лошади от слепня.

* * *

Под эту музыку можно и вешать, и танцевать —
для зарядки тела, разрядки души годится
дождик золоченый, серебряная водица.
Его во все программы надо почаще совать.

Во все программы мира музыку нынче суют,
когда в грязи валяют
и до небес — возносят,
когда большие награды заслуженно выдают,
когда «Пройдите со мною!» — настоятельно просят.

ПОЛНЫЙ ПОВОРОТ

Все запрещенные приемы
внезапно превратились в правила,
а правила — все отменились
и переправились все вдруг,
и кто-то радуется вслух,
а кто-то шепчет: «Жизнь заставила!»
Да, кто-то шепчет: «Жизнь заставила!»
а кто-то радуется вслух.

АЛЧБА

Алчут алкоголя алкаши.
Им для счастья надобно немного.
Кроме них в округе — ни души.
Ни души, чтобы алкала бога.

Ни души, чтобы алкала духа
или же похожего чего.
Горло мира — как пустыня сухо.
Надо бы смочить его.

* * *

Интеллигенция — русское слово,
ставшее мировым,
интеллигенции русской слава,
ставшая мировой.
Фамилии наших романистов
можно прочесть в любой витрине.
Судьба Раскольникова Родиона
волнует Восток и Запад донныне.
И если нету значка нагрудного
«Интеллигент СССР»,
значит, жребия этого трудного
еще не слишком доступен пример.

* * *

Всем было жалко всех, но кой-кому —
особенно себя, а большинству
всех —

вместе всех
и всех по одному.

И я делю, покудова живу,
все человечество на большинство,
жалеющее всех,
и меньшинство,
свой, личный,
предпочевшее успех,

а сверх того
не знающее ничего.

А как же классовая рознь? Она
деленьем этим обогащена:
на жадных и на жалостливых, на
ломоть последний раздающих всем
и тех, кто между тем
себе берет поболее, чем всем.

* * *

Молодцеватые философы,
все в гимнастерках и ремнях,
и деловитые поэты.
Медоточивая настойчивость,
и обеспеченный верняк,
и деловитые поэты.

Впервые, может быть, с тех пор,
как дезертировал Гораций,
пришла пора толковых Граций
и Муз разумных, разбитных.
В эпоху деловитых Граций
прошла пора для всех иных.

Не понимаю, как они
устраиваются с вдохновеньем,
кто им подсказывает ритм?
Звезда с звездой говорит.
Звезда с звездой говорит,
но этим новеньким со рвеньем,
и тщаньем, и остервененьем —
звезда им вовсе не горит.

Зато из лириков никто
еще так не был погружен
в свои дела, в удобства жен.
Никто из лириков земли.
Утратив все, они зато
и что-то новое нашли.

Какие новые слова,
склонения и падежи!
Пар, что у них взамен души,
большие прелести имеет.
Курортное их солнце греет,
чтоб не болела голова,
трава, конечно, трын-трава,
под ними мягко зеленеет.

МЕДЛИТЕЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФОВ

Писатели успели умотать.
Философы — тюлени и растяпы.
Бергсон и Фрейд, как кознодей и тать,
держат ответ пред новыми властями
должны. Немилостива эта власть.
Она, конечно, их помучит всласть.
Они, конечно, не уйдут живыми.
Кого б ни одухотворяла плоть,
как ни влияла бы на сотни тысяч,
ее ножом так просто подколоть,
ее ремнем так безопасно высечь.

И если пессимисты вы, Бергсон
и Фрейд, вы — гении эпохи.
А если оптимисты вы, Бергсон
и Фрейд, дела довольно плохи—
и вам уж с бранных не сорвать телес,
не смазать с ветхих пиджаков, конечно,
те звезды, что хватали вы с небес.
Пришитые — они шестиконечны.

ВАША НАЦИЯ

Стало быть, получается вот как:
слишком часто мелькаете в сводках
новостей,
слишком долгих рыданий
алчут перечни ваших страданий.

Надоели эмоции нации
вашей,
как и ее махинации,
средствам массовой информации!
Надоели им ваши сенсации.

Объясняют детишкам мамыши,
защищают теперь аспиранты
что угодно, но только не ваши
беды,
только не ваши таланты.

Угол вам бы, чтоб там отсидеться,
щель бы, чтобы забиться надежно!
Страшной сказкой
грядущему детству
вы еще пригодитесь, возможно.

ПЕРСПЕКТИВА

Отчего же ропщется обществу?
Ведь не ропщется же веществу,
хоть оно и томится и топчется
точно так же, по существу.

Золотая мечта тирана —
править атомами, не людьми.
Но пока не время и рано,
не выходит, черт возьми!

И приходится с человечеством
разговаривать по-человечески,
обещать, ссылать, возвращать
из каких-то длительных ссылок
вместо логики, вместо посылок,
шестеренок, чтоб их вращать.

Но, вообще говоря, дело движется
к управлению твердой рукой.
Словно буквы фиту да ижицу,
упразднят наш род людской,
словно лишнюю букву «ять».
Словно твердый знак в конце слова.

Это можно умом объять:
просто свеют, словно полову.

* * *

Исключите нас из правила.
Прежде нас оно устраивало,
но теперь уже давно
разонравилось оно.

Исключите нас из списка.
В сущности, это описка —
то, что в списках мы стоим.
Больше это не таим.

И сымите нас с довольствия,
хоть большое удовольствие
до сих пор еще пока
получаем от пайка.

* * *

А если вы не поймете —
я буду вам повторять.
А снова не уразумеете —
я повторю опять.
И так до пяти раз,
а после пяти
надо откланяться
и уйти.

Но я же только вторично
крики свои кричу
и разъясняю отлично,
что разъяснить хочу,
а вы еще долго можете
плечами пожимать,
не понимать и снова,
опять не понимать.

Я с дисциплиной завязал,
усвоил инициативу.
Не верю в мудрость коллектива
и в святость всех его начал.

Я наблюдал не раз, как в чернь
народ великий превращался.
И как в народ он возвращался,
и богом становился червь.

Увижу — и еще не раз,
как снова маятник качнется
и все опять, опять начнется —
ведь начиналось же не раз.

Ведь начиналось же не раз,
не раз, не два, не три кончалось
Не радуясь и не отчаиваясь,
смотрю на это еще раз.

Еще мне далеко до дна —
едва пригубил я у стойки.
Но жизнь одна, одна, одна —
не продлевается нисколько.

* * *

Я делал все, что мог. Не смог.
Хотя от дела я не бегал,
а получается: убег,
а получается: не делал.

Ни справки и ни бюллетеня
не примут у меня они,
имеющие право тени,
те, у которых жил в тени.

Но покачают головой,
сказав с отеческой заботой:
Ты жив! Давай, пока живой.
Давай! Покуда жив — работай!

* * *

Двадцать лет я жил на том же уровне,
как мои читатели живут.
Обгонял их только в разумении,
по питанию не обгонял.

Как бы мне не выбиться, не вырваться
и не обогнать, не обогнуть!
В той же молчаливой демонстрации
до конца, до смерти
дошагать!

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

Кто дает.
Кто берет.
Кто проходит вперед,
зазевавшихся братьев толкая.
Но у многих судьба не такая:
их расталкивает тот, кто прет.

Их расталкивают,
их отталкивают,
их заталкивают в углы,
а они изо мглы помалкивают
и поддакивают изо мглы.

Поразмыслив,
все же примкнул
не к берущим —
к дающим,
монотонную песню поющим,
влился в общий хор,
общий гул,

влился в общий стон,
общий шепот.
Персонально же — глотки не драг
и проделал свой жизненный опыт
с теми, кто давал,
а не брал.

* * *

Даже думать об этом не хочется,
что стряsetся, чем это кончится.
Ни рассчитывать, ни прикидывать,
ни предсказывать не хочу.
Птицей крылья раскидывая,
я в свободном полете лечу.
Словно камень — в свободном паденьи —
век и год и месяц и день и
день еще, еще один час.
Словно малая серая птица,
буду падать, буду катиться,
мимо
мчась.

СЖИГАЮ СТАРЫЕ УЧЕБНИКИ

Сжигаю старые учебники,
как юные десятиклассники.
Так точно древние кочевники
кострами отмечали праздники.

Нет, тех костров тушить не стану я.
Они послужат мне основой —
как хорошо сгорает старое,
прекрасно освещая новое.

Дымят книжонки отсыревшие.
Дымят законы устаревшие.
О, сколько выйдет дыма черного
из уцененного и спорного.

А сколько доброго и храброго
повысветлят огни искусные!
Костер стоит в конце параграфа.
Огонь подвел итог дискуссии.

* * *

Это носится в воздухе вместе с чадом и дымом,
это кажется важным и необходимым,
ну, а я не желаю его воплощать,
не хочу, чтобы одобренье поэта
получило оно, это самое «это»,
не хочу ставить подпись и дуть на печать.

Без меня это все утвердят и одобрят,
бессловесных простят, несогласных одернут,
до конца доведут или в жизнь проведут.
Но зарплаты за это я не получаю,
отвечаете вы, а не я отвечаю,
ведь не я продуцировал этот продукт.

Торжествуйте, а я не участник оваций,
не желаю соваться, интересоваться,
а желаю стоять до конца в стороне,
чтоб раздача медалей меня не задела.
Не мое это дело.
Не мое это дело.
Нету дела до вашего дела-то мне.

* * *

От нашего любимого
великого вождя
звонка необходимого
я ждал не отходя.

Звонка необходимого
я ждал, не обходя
ни щелка нелюдимого,
ни шороха дождя,

ни стуку и ни грюку.
Я знать никак не мог,
в какой системе звука
ударит тот звонок:

иерихонским ревом,
звенящею судьбой,
или простым, здоровым,
как бы между собой

нормальным разговором,
или с небес ночных
незаглушенным хором
архангелов стальных.

Я ждал и не дождался.
Молчал мой телефон.
Он так и не раздался,
беспрекословный звон.

СУРОВАЯ НИТКА

Ограничивало. Смиряло.
Отпускало от сих до сих.
Если я наработал мало
и немного достиг —
это сворка, веревка, цепка,
на которой держали крепко.

Ограничивал ограничитель,
не давал мне мочь, что мог.
Он и был мой главный учитель
и влиятельнейший педагог.
В том кругу, что им обрисован,
я воспитан и образован.

Куц был радиус этого круга,
а пределы — невдалеке.
Если я протягивал руку —
тотчас било меня по руке.
Если б случай счастливый случился,
я таким бы не получился.

Но по правилу шло развитие,
а по исключенью — не шло,
и смотало суровой нитью
все, что бы во мне ни росло.
Что росло и что расцветало —
все суровой ниткой смотало.

ТОВАРИЩ

Постарел мой товарищ!
Как в зеркало,
я на него смотрю.
Я, наверно, не лучше,
наверно, и не моложе.
Каждый год, им пережитый
от января к декабрю,
у меня, как мурашка, проходит по коже.

Возраст мой
в его возраст
глядится с тоской большою.
Совпадают морщина с морщиною,
как шестерня с шестернею.
И поэтому
всей душою
мы здороваемся,
пятерня с пятернею.

Как автобусы, по параллелям мы шли,
но споткнулось, ошиблось автобусное расписание
и столкнуло на этом участке земли
и мое постаренье, и его угасание.

Век наш, сложенный из двух наших полувеков,
был свободен от льгот, от удобств, от имущества,
был беднее и стоптаннее половиков,
но зато предоставил нам важные преимущества:
жить в соседних кварталах,
не встречаться нигде, никогда
после школьного бала,
после вечера выпускного
и под старость столкнуться,
и тихо промолвить: — Беда, —
и услышать: — Беда, —
и вторить ему снова и снова.

* * *

Хочу умереть здесь
и здесь же дожить рад.
Не то, чтобы эта весь,
не то, чтобы этот град
внушают большую спесь,
но мне не преодолеть
того, что родился здесь
и здесь хочу умереть.

Хочу понимать язык
соседа
 в предсмертном бреду.
Я в счастье к нему привык
и с ним буду мыкать беду,
чтоб если позвать сестру
в последнем темном бреду,
то прежде, чем умру,
услышать: «Чего там? Иду».

Необходимо мне,
чтобы на склоне дней
береза была в окне,
чтобы ворона на ней,
чтоб шелест этой листвы
и грай
 услышались мне
в районной больнице Москвы,
в родимой стороне.

УГЛОВАТАЯ РОДИНА

К югу — выше полета орла,
а к полярным морям — поката,
угловата страна была
и углами весьма богата.

Выбрал я в державе огромной
угол самый темный, укромный.

Пусть иные в красном углу
приколотят свою икону
и приемлют свою хвалу.
Мне бы только что по закону.

Хороши законы страны:
ясные, простые, крутые.
Подчиниться мы все должны
непреложным законам России.

В темный угол забьюсь. Подчинюсь.
Перед ясным законом склонюсь.

Лампочку бы в углу прикрутить.
Стол поставить. Кровать поставить.
Можно жить —
воды не мутить,
угловатую Родину славить.

* * *

Я вам глаз не мозолю и на мозоли
на любимые — не наступаю.
На эстрадах стихи свои не мусолю,
раз в году выступаю.
Я кристалликом соли из ваших растворов
выпал —
из растворов, из споров, из разговоров,
в списках вычеркнут, выбыл.

* * *

В страхе божьем анкету заполнил.
Сердце словно бы оборвалось.
Я им это навеки запомнил,
как ее заполнять мне пришлось.

То ли вкусы отвыкли от прозы,
то ли время такое пришло —
отвечать на прямые вопросы,
словно землю копать. Тяжело.

Ах, вопросы, вопросы прямые,
вы не обошли ничего.
До чего же мозги вы промыли!
Душу высушили до чего!

Так, заполнив в страхе,
вручаю
в ужасе
и, вперивши взгляд,
замечаю, примечаю,
как они на это глядят.

* * *

Не пробиться к рабочим, крестьянам,
добрым, злым или же никаким,
работающим, но также и пьяным,
не пробиться мне к ним, как ни кинь.

Это — первое. А второе —
жизнь прожить мне от них вдалеке:
не читаться в журнале «Здоровье»,
не печататься мне в «Огоньке».

В сообщениях тех ежегодных,
сообщаемых нам ЦСУ,
среди всех приращений народных
возлюбил я одну полосу:

сколько кончило среднюю школу,
много ль прибыло в этом полку,
скоро ль или не так уже скоро
грамотными читаться могу.

У неграмотных — свои гении,
перейти ли мне эту межу?
Расписавшись в своем уважении,
я от них к своим ухожу.

* * *

Я, наверно, моральный урод:
Не люблю то, что любит народ, —
Ни футбола, и ни хоккея,
И ни тягостный юмор лакея,
Выступающего с эстрад.
Почему-то я им не рад.

Нужен я со всей моей дурью,
Как четырнадцатый стул
В кабачке тринадцати стульев,
Что бы я при этом ни гнул.

Гну свое, а народ не хочет
Слушать, он еще не готов.
Он пока от блаженства хохочет
Над мошенством своих шутов.

ПОДЧИНЕНИЕ ЛОГИКИ

И логика беды,
и логика еды:
горячего,
хоть раз бы в день, покушать!
И вот приходится приказы слушать
и ежедневные свершать труды.

И снова вытекает А из Б,
и вновь глаза слезами затекают,
и снова в рай без справки не пускают,
и вновь бормочешь что-то о судьбе.

И лишь когда до краю недалечко,
вдруг разомкнется ежедневный круг
и логика тебя,
словно колечко,
с перста роняет,
указующего,
вдруг.

* * *

Кесарево кесарю воздал.
Богово же богу — недодал.
Кесарь был поближе.
Бог был далеко,
обсчитать его совсем легко.
Кесарь переводит на рубли.
С богом — все серьезнее, сложнее.
Богу нужно — душу. Чтобы с нею
чувства вместе с мыслями пришли.
Кесарь — он берет и забывает.
У него — дела.
Бог тебя, как гвоздик, забивает,
чтоб душа до шляпки внутрь вошла.

* * *

Разошлись по дальним далям ближние,
родичи, знакомые, друзья.
Все ушли. Остались только лишние.
Лишние одни. И с ними я.

Лишние они. И я им лишний.
С ними не размыкаю беду.
Воздуха кубóметр свой личный
вскорости сдышу
и прочь пойду.

* * *

Жизнь окончена. Сверх программы,
в стороне и не на виду
я отвешу немногие граммы,
сантиметров немного пройду,
напишу немногие строки,
напечатаю несколько книг,
потому что исполнились сроки.
Это все будет после них.

Целесообразно итоги
подводить, пока жив и здоров,
не тогда, когда тощие ноги
протяну на глазах докторов,
а покуда разумен и зорок,
добродушен, беспечен, усат,
взлезть на дерево, встать на пригорок,
посмотреть напоследок назад.

* * *

Психология перекрестка:
нерешительные богатыри
говорят: «Давай, посмотри!»
В надписи, составленной хлестко,
указания нет. Намек,
адресованный поколениям, —
неразборчив. Он намек
мелким дождиком тысячелетним.

Куда хочешь, туда и едь,
то есть, в общем, ехать некуда.
Размышлять в то же время некогда
и не будет времени впредь.
Куда хочешь, а я не ведаю.
Я не знаю, куда хочу.
Все же шпорю коня.
Все же еду я
и в какую-то пропасть лечу.

* * *

Были деньги нужны.
Сколько помню себя,
были деньги все время нужны.
То нужны для семьи,
то нужны для себя,
то нужны для родимой страны —

для защиты ее безграничных границ,
для оснастки ее кораблей,
для ее журавлей удалых верениц
было нужно немало рублей.

Зарабатывали эти деньги с утра,
но вели вечерами подсчет,
потому что длиннейшие здесь вечера
длятся целую ночь напролет.

Были деньги нужны.
Приходилось копить,
чтобы что-нибудь после купить.
Приходилось считать и в сберкассу их класть,
чтоб почувствовать чудную власть:

ощутить кошелек, тяготящий штаны,
и понять, что ведь деньги не так уж нужны.

* * *

Маленькие государства
памятливы, как люди
маленького роста.

В мире великанов
все по-другому.
Памяти не хватает
для тундры и пустыни.
На квадратную милю
там выходит
то ли случайный отблеск
луча по пороше,
то ли вмятина капли
дождя на песке.

А маленькие государства
ставят большие памятники
маленьким полководцам
своего небольшого войска.

Великие державы
любят жечь архивы,
задумчиво наблюдая,
как оседает пепел.

А маленькие государства
дрожат над каждым листочком,
как будто он им прибавит
немножко территории.

В маленьких государствах
столько мыла,
что моют и мостовые.

Великие же державы
иногда моют руки,
но только перед обедом.
Во всех остальных случаях
они умывают руки.

Маленькие государства
негромкими голосами
вещают большим державам,
вещают и усовещают.

Великие державы
заводят большие глушилки
и ничего не слышат,
потому что не желают.

* * *

Древнейший из видов системы,
а именно хаос,
надежен и всеобъемлющ.
Его стародавний порядок
имеет свои основания.
С него началось и, конечно,
им кончится.
То, что мы делим,
и то, за что мы воюем, —
таинственный остров
в реальном
естественном океане
из вечного хаоса.
Как море из иллюминатора,
он то наступает,
то шумно отходит.
Мы, то есть история,
мы, то есть космос,
мы — мол в океане.
Мы — волнорез,
и волны
когда-нибудь нас изрежут.

* * *

Читали, взглядывая изредка
поверх читаемого, чтобы
сравнить литературу с жизнью.
И так — всю юность.

Жизнь, состоявшая из школы,
семьи, и хулиганской улицы,
и хлеба, до того насущного,
что вспомнить тошно, —

жизнь не имела отношения
к романам: к радости и радуге,
к экватору, что нас охватывал
в литературе.

Ломоть истории, доставшийся
на нашу долю, — черств и черен.
Зато нам историография
досталась вся.

С ее крестовыми походами,
с ее гвардейскими пехотами
и королевскими охотами —
досталась нам.

Поверх томов, что мы читали,
мы взглядывали, и мы вздрагивали:
сознание остерегалось,
не доверяло бытию.

Мы в жизнь свалились, оступившись
на скользком мраморе поэзии,
мы в жизнь свалились подготовленными
к смешной и невеселой смерти.

МОИ ПЕРВЫЕ ТЕАТРАЛЬНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

В Харьков приезжает Блюменталь,
«Гамлета» привозит на гастроли.
Сам артист в заглавной роли.
Остальное — мелочь и деталь.

Пьян артист, как сорок тысяч братьев.
Пьяный покидая пир,
кроет он актеров меньших братью,
что не мог предугадать Шекспир.

В театр я пришел почти впервые
и запомню навсегда
эти впечатления живые,
подвиг вдохновенного труда.

В пятистопный ямб легко уложен
обращенный королю и ломам
многосоставной, узорный мат.
Но меня предчувствия томят.

Я не подозреваю перепою.
Но артисту прямо вперекор
прозреваю в роли переборы,
наигрыш и стилевой прокол.

Между тем события в королевстве
Гамлетом подводятся к концу,
о притворстве позабыв и лести,
он удар наносит подлецу.

Кто уже отравлен, кто заколот,
но артист неловок и немолод,
вдруг сосну кровавит он доски
всем ремаркам вопреки.

Занавес дается строчек за сто
до конца трагедии, и роль
не доиграна. Уже он застит
натуральную артиста кровь.

Зрители ныряют в раздевалку.
Выражаю только я протест,
ведь не шатко знаю текст, не валко —
наизусть я знаю этот текст!

Я хочу, чтобы норвежский принц
разобрался в этой странной притче,
датского велел убрать он принца
и всех прочих действующих лиц.

Но в чулочках штопаных своих,
действие назад еще убитый,
выброшенный из души, забытый,
вылетает Розенкранц, как вихрь.

Он стоит в заплатанном камзоле,
и ломает руки сгоряча,
и кричит, кричит, кричит — вне роли.
Он взывает: «Граждане, врача!»

* * *

Какую войну мы выиграли
в сорок пятом году!
Большая была и долгая.
А мы ее все-таки выиграли.
Какую мы в сорок пятом
преодолели беду!
Какую судьбу мы выбрали!

Мы были достаточно молоды,
чтоб выйти из этой войны
здоровыми и веселыми,
целинниками — для целины,
новгородов — новоселами
и сызнава не убояться
ни голода, ни холода.

И прóжив жизнь военную,
мы новую, мирную жизнь,
вторую, вы только подумайте,
кое-кто даже третью,
и начали и продолжили,
пройдя сквозь все рубежи
сперва в середине, а позже
на склоне такого столетья!
Двадцатого столетья!

* * *

В тот день, когда окончилась война,
вдруг оказалось: эта строчка — ямбы, —
хоть никогда не догадался я бы,
что будет метр стиха иметь она.

Я полагал: метр вздоха и метр крика.
Я думал: метр обвала тишины, —
но оказалось — строчками должны,
стихами становиться эти звуки.

Гремевшая, дабы переорать
смертельного передвиженья груза,
стократ громчей
загрохотала муза,
закончив бой
и завершивши рать.

Поэзией надежда быть должна,
не жить ей без лирического пыла.
Что ж, оказалось, это ямбом было:
в тот-день-ко-гда-о-кон-чит-ся-вой-на,

* * *

Эшафот — моровая страда.
Эшафот — мировая эстрада.
Все запомнится — на года.
Честолюбие, что ж ты не радо?

Все запомнится — на столетья.
Кто и как погибал и погиб,
даже сдавленные междометья,
даже быстро оборванный хрип.

Эшафот — это класс, где классы
обучают друг дружку давно,
что величие смертного часа
только правому делу дано.

Эшафот — это школа. Народу
обучать здесь приходится власть
этикету особого рода:
как на плаху голову класть.

До чего эти доски дощаты!
Жизнь теперь без тебя заживет.
Достоевский, дождавшись пощады,
покидает вдруг эшафот.

* * *

Как разведенные супруги,
не разменявшие жилплощадь,
они живут отдельно-вместе —
вопросы и ответы.

Будильник, прозвонив супругу,
наверно, будит и супругу,
но нечего сказать друг другу
вопросу и ответу.

Вопрос, конечно, вопрошает,
ответ, конечно, отвечает,
но отвечает не на это,
а отвечает на другое.

От вопросительного знака
до восклицательного знака
проходит не строфа, а вечность,
а вечность — не проходит.

Как будет холодно и странно
в краю вопросов разрешенных.
Необитаемые страны
полны ответченных ответов.

* * *

Пирамиды достигли цели?
Понимаем, что пили-ели
и как жили во время оно,
в отдаленный век фараона.

Человечество камни таскало,
громоздило скалы на скалы,
обливалось кровавым потом,
предавалось тяжким заботам.

Но и через тысячелетья,
исполосованные плетью
голосят рабы: мы были.
Были мы. Вы нас не забыли.

Много стран песок засыпал,
век за веком из памяти выпал.
Пирамиды — архипелаги
памяти во вселенском мраке.

Стоят ли людского страданья
эти выполненные заданья?
Кто посмеет сказать: не стоят?
Что нам век грядущий готовит?

Что готовит нам век грядущий,
словно враг, нас в засаде ждущий?
Занесенная снегом веха
уцелеет ли от нашего века?

Но, проверенные временами,
от закатных лучей багровея,
пирамиды стоят перед нами,
новостроек иных новее.

* * *

Ответы пока получены только на второстепенные вопросы.

На первостепенные
ответов нет до сих пор.
Вскипает горячей пеною
по каждому случаю спор.

Еще начать и кончить!

Еще работы столько!

Небо теперь не ближе, чем тысячу лет тому.

Надо думать и делать, осознавая стойко,
что конца истории не увидеть никому.

* * *

Сперва на синее небо не отрываясь глядят,
потом на зеленую землю.

Потом от белого тела
их собственного

не отводят

свой же собственный взгляд.

Но тело внезапно чего-то непонятого захотело.

Внезапно ему, кроме неба, все совершенно равно.

Они поднимают голову

и видят, что небо — черно.

ДЕРЕВЯННАЯ СКАЗКА

Деревянные трубы исторгли не звук, а стук.
Деревянные струны не пели, трещали устало.
Но зато пожар деревянный горел, не тух,
потому что дерево лучше горит, чем металлы.

А когда дубовая, крепенькая звезда
задевала планету, сработанную из березы,
оба тела небесные источали тогда
золотые, смолистые слезы.

Деревянное солнце, прожигая черные дыры,
перечеркивало за день наискосок
накрывавшее плоскость деревянного мира
деревянное небо, сколоченное из досок.

Деревянные дети гоняли древесных собак
на околицах, в том государстве несметных.
На гвоздях деревянных, на деревянных щипах
все стояло не хуже, чем на железных и медных.

В этом мире царем был дуб, а народом —
ельник, березняк, ивняк,
а когда говорили о почве, корнях —
это все было термином, не простым оборотом.

Утонуть этот космос не мог, а сгореть —
мог. И сгнить тоже мог. Но подземная влага
и надземное солнце — даятели блага
выручали его. И куда ни смотреть —

в этом мире повсюду росла листва:
на волне росла, на скале росла,
и под тяжестью веток ползли едва
муравьи, без счета и без числа.

* * *

...И опять душа влекома,
словно слышит чудный звук,
в заседание месткома
Академии наук.

Там, ермолки сняв, набрюшники
расстегнув, уставя взгляд
в бесконечность, не наушники,
а наставники сидят.

Протирая нарукавники
аж до самого локтя,
битый час сидят наставники,
непостижное когтя.

Желтые брады уставя
в полированный паркет,
рассуждают о составе
приглашенных на банкет.

* * *

История мучит людей,
а философия объясняет,
ради каких идей
человека к земле склоняют,
а география делит нас
на враждебные расы,
покуда химия делает газ,
чтоб всех удушить сразу.
Итак: был прав Руссо Жан-Жак,
и надо ученых зажать и сажать.
Потому что их учения
нам приносят одни мучения.

* * *

Я приручил своих чертей
и перестал чураться.
Я говорю им без затей:
— Пошли за пивом, братцы!

Поджавши хвост, носитель зла,
ледащий из ледащих,
с ухваткой старого козла
мне тащит пива ящик.

Бес грязен. Это ничего.
Зато его сноровка
и рожки крепкие его
откупоривают ловко.

А пиво ноне — первый сорт,
подкашивает ноги!
В конце концов, он черт как черт.
Не хуже очень многих.

УГРЮМЫЙ НОКТЮРН

Иудина осина
от ветерка качнулась.
У сукинова сына
наследственность проснулась,

И на часок забыл он,
как шествовал он важно,
и на луну завыл он
угрюмо и протяжно.

А воюющие звуки
откликнулись до дрожи
в угрюмом сердце суки.
Она завывала тоже.

Бутылочное горло
сияло под луною,
и много звезд наперло,
повисло надо мною.

МУЗЫКА БУДУЩЕГО

В будущем обществе
противоречия
останутся только
в сфере музыки.

Люди стран барабана
ночами,
занавесившись, закрывшись,
звукоизолировавшись,
будут искать радиоволны
со скрипичной симфонией
и, находя, дрожать от счастья.

Может быть, войны в будущем обществе
будут вестись не полками
с полковыми оркестрами,
а оркестрами
с приданными им для дополнительной звучности
оркестровыми полками.

Бой
валторны против контрабаса
будет происходить в оформлении
бомбардировки под сурдинку.

Казнь
будет производиться инструментами
не менее музыкальными,
чем музыкальные инструменты.
И все будут знать,
что такое смерть.
Это — глухота.

В будущем обществе
птицы певчие
будут влиятельнее,
чем птицы ловчие,
и соловьев
будут переманивать, как футболистов,
из хвойных лесов
в лиственные,
из тайги в джунгли.

* * *

От эпатирования буржуазии
до этапирования буржуазии
прошло немного. Два-три лета.
И в ход, добившись многих прав,
пошли бубновые валеты,
ослиные хвосты задрав.

Однако новые владельцы
багровых, как пожар, холстов
не знали, как им отвертеться
от тех валетов и хвостов,
не знали, как им отбояриться
от этой перманентной ярости,
от этих бешеных шутих,
в какой заткнуть запасник их.

Зачисленные все за паникой
мелкобуржуазных лет,
они покоятся в запаснике —
и хвост бубновый и валет.

Не захотев ошеломиться,
в запасник, словно на погост,
отволокли их шерамыги —
валет бубновый, ослиный хвост.

Буржуи из-за рубежа,
предупредительно держа
с трудами тяжкими добытые
и пропуска и допуска,
идут в запасники забытые,
где ждут они. Почти века.

ВАМ ПРАВИТСЯ ЧАХОТОЧНЫЙ

Бледная, словно пятая
копия в машинописи,
слабо, словно падая,
движется вдоль живописи
школа Борисова-Мусатова.

Еле различимая,
выгоревшая, выцветшая,
еле горит — лучиною.
В чем-то все же высшая
школа Борисова-Мусатова.

За больных — предстательница,
слабых — представительница,
тусклым блеском блистательница,
полужизнью живительница —
школа Борисова-Мусатова,

Тлеет не догорая
это вместилище
духов
 не ада, не рая,
а чистилища.

НЕУДАЧА В ЛЮБВИ

Очень просто: полюбишь и все
и, как в старых стихах излагается,
остальное — прилагается:
то и се, одним словом — все.

Неудачников в любви
не бывало, не существовало:
все несчастья выдвухала
эта буря в крови.

Взрыв, доселе еще не изведанный,
и невиданный прежде обвал
и отвергнутый переживал,
и осмеянный, даже преданный.

Гибель, смерть, а — хороша.
Чем? А силой и новизною.
И как лето, полное зною,
переполнена душа.

Перелившись через край,
все ухабы твои заливаает.
Неудачи в любви не бывает:
начинай,
побеждай, сгорай!

СЛАВА ЛЕРМОНТОВА

Дамоклов меч
разрубит узел Гордиев,
раскльбёт Прометея воронье,
а мы-то что?
А мы не гордые.
Мы просто дело делаем свое.

А станет мифом или же сказаньем,
достанет наша слава до небес —
мы по своим Рязаням и Казаням
не слишком проявляем интерес.

Но «Выхожу один я на дорогу»
в Сараеве, в далекой стороне,
за тыщу верст от отчего порога
мне пел босняк,
и было сладко мне.

* * *

Мать пестует младенца — не поэта.
Он из дому уходит раньше всех.
Поэмы «Демон» или же «Про это» —
не матерей заслуга и успех.

Другие женщины качают колыбели
стихотворений лучших и поэм,
а матери поэтов — ослабели,
рождая в муках, и ушли совсем.

В конце концов, когда пройдут года,
на долю матери один стишок достанется,
один стишок изо всего блистания.
И то — не каждой. Тоже — не всегда.

ЗЛАТОЙ ЗАПАС

Поэзия — кураж,
а временами даже
она тот самый раж,
что есть в любом пейзаже.

О, виражи ракет —
скорее не бывает!
Но миражи карет
за ними поспевают.

Когда их вдаль влачит
Пегас золотопегий,
в них тоненько звучит
златой запас элегий.

* * *

Философской лирики замах — рублевый,
а удар — грошовый, небольшой.
Может, обойтись пустой и плевой —
как ее фамилия — душой?

Пусть уж философствуют философы.
Пусть они изыскивают способы
мир уговорить еще терпеть.
Нам бы только песенку попеть.

В песенке же все: объект, субъект,
бытие с сознанием, конечно.
Кто ее от цели от конечной
отклонит, с пути собьет?

И пока громоздкая земля
пробирается среди пыли звездной,
мировое труляля
торжествует над всемирной бездной.

* * *

Целый народ предпочел стихи
для выражения не только чувств —
мыслей. Чем же это кончится?
Стих — не ходьба. Поэзия — пляска.
Целый народ под ритмы лязга
национальных инструментов
в народных оркестрах
не ходит, а пляшет.
Чем же это кончится?

ДВА НОВЫХ СЛОВА ДЛЯ НОВОГО ДНЯ

Я сегодня два новые слова слышал:
заказуха и ненаселенка.
Заказуха — шикарное слово-нахал.
Еще сохнет пеленка,
та, в которую пеленали его.
Рождество его и его торжество
за год, может, за полугодье
совершились — и вот это слово живет,
паром водочным, дымом табачным плывет,
расширяет угожья.
Не на Севере, также и не на селе,
а на черном асфальтом поросшей земле:
не для периферийного уха
удалое словцо — заказуха.
А на Севере вовсе не знают заказ,
он звучит экзотически, словно Кавказ,
знают слово — приказ,
знают слово — указ
и еще нехорошее слово — отказ.
А на Севере, в ненаселенке,
жизнь без целлофановой пленки.
Население населенки — народ.
Заказуха его не взяла в оборот.

* * *

Не тратьте ваши нервы —
плохая память — честь.
Я в сотый раз, как в первый,
могу «Анчар» прочесть.
Теперь он больше нравится,
сильнее сила чар,
хоть в сотый раз читается —
не в первый раз «Анчар».

ЧИТАТЕЛЬ

Какие цитаты
заложены в наши кассеты!
Смотрите, читайте,
завидуйте или глазейте!

Родившись в сорочке,
какая она ни лихая,
хорошие строчки
мы с самого детства слышали.

Хорошие книги
читали со школы начальной,
и выросли с ними,
и напоены их печалью.

Их звоном счастливым
звонят до сих пор наши уши.
Их медом пчелиным,
как соты, полны наши души.

Начетчиком был,
талмудистом же не был я точно.
А книжная пыль
опыляет не хуже цветочной.

А книжники, что же,
они не всегда фарисеи
и с ними не схожи
в пределах Советской России.

«Читатель» — в ответ
я пишу на анкеты наскоки.
А если поэт,
то настолько, читатель насколько.

* * *

Я был проверен и допущен
к тому, что лучше делал Пушкин,
хотя совсем не проверялся.
Да, я трудился и старался
на том же поприще, на том же
ристалище, что Фет и Блок,
но Тютчев делал то же тоньше,
а Блок серьезней делать мог.
Да, Достоевский и Толстой,
а также Чехов — злободневней,
чем проза с фразою простой,
стихи с тематикою нервной.
Век девятнадцатый срамит
двадцатый век и поправляет
за то, что он шумит, гремит,
а суть — темнит и искривляет.

* * *

Большинство — молчаливо,
Конечно, оно суетливо,
говорливо и, может быть, даже крикливо,
но какой шум и крик им ни начат,
ничего он не значит.

В этом хоре солисты
решительно преобладают:
и поют голосисто,
и голосисто рыдают.

Между тем знать не знающее ничего
большинство,
не боясь впасть в длинноту,
тянет однообразную ноту.

Голосочком своим,
словно дождичком меленьким, сея,
я подтягивал им,
и молчал и мычал я со всеми.
С удовольствием слушая,
как поют наши лучшие,
я мурлыкал со всеми.

Сам не знаю зачем,
почему, по причине каковской
вышел я из толпы
молчаливо мычавшей, московской,
и запел для чего
так, что в стеклах вокруг задрожало,
и зачем большинство
молчаливо меня поддержало.

* * *

Я — пожизненный, даже посмертный.
Я — надолго, пусть навсегда.
Этот временный,
этот посменный
должен много потратить труда,
чтоб свалить меня,
опорочить,
и, жалеючи силы его,
я могу ему напрогнозировать,
что не выйдет со мной ничего.
Как там ни дерет он носа —
все равно прет против рожна.
Не вытаскивается заноза,
если в сердце сидит она.
Может быть, я влезал,
но в душу,
влез, и я не дам никому
сдвинуть с места мою тушу —
не по силе вам,
не по уму.

* * *

Прощаю всех —
успею, хоть и наспех, —
валявших в снег
и поднимавших на смех,
списать не давших
по дробям пример
и не подавших
доблести пример.

Учителей ретивейших
прощаю,
меня не укротивших,
укрощая.
Учитель каждый
сделал то, что мог.
За дело стражду,
сам я — пренебрег.

Прощаю всех, кто не прощал меня,
поэзию не предпочел футболу.
Прощаю всех, кто на исходе дня
включал,
мешая думать,
радиолу.

Прощаю тех, кому мои стихи
не нравятся,
и тех, кто их не знает.
Невежды пусть невежество пинают.
Мне? Огорчатся? Из-за чепухи?
Такое не считаю за грехи.

И тех, кого Вийон не захотел,
я ради душ пустых и бранных тел
и ради малых их детей прощаю.
Хоть помянуть добром — не обещаю.

* * *

Зачем, великая, тебе
со мной, обыденным, считаться?
Не лучше ль попросту расстаться?
Что значу я в твоей судьбе?

Шепчу, а также бормочу.
Страдаю, но не убеждаю.
То сяду, то опять вскочу,
хожу, бессмысленно болтаю.

Не умолю. И не смолчу.

ВЕЛИЧИЕ ДУШИ

А как у вас с величием души?
Все остальное, кажется, в порядке,
но, не играя в поддавки и прятки,
скажите, как с величием души?

Я знаю, это нелегко, непросто.
Ответить легче, чем осуществить.
Железные канаты проще вить.
Но как там в отношенье благородства?

А как там с доблестью, геройством, славой?
А как там внутренний лучится свет?
Умен ли сильный,
угнетен ли слабый?
Прошу ответ.

* * *

Никоторого самотека!
Начинается суматоха.
В этом хаосе есть закон.
Есть порядок в этом борделе.
В самом деле, на самом деле
он действительно нам знаком.
Паникуется, как положено,
разворовывают, как велят,
обижают, но по-хорошему,
потому что потом — простят.
И не озаренность наивная,
не догадки о том о сем,
а договоренность взаимная
всех со всеми,
всех обо всем.

* * *

Запах лжи, почти неуследимый,
сладкой и святой, необходимой,
может быть, спасительной, но лжи,
может быть, пользительной, но лжи,
может быть, и нужной, неизбежной,
может быть, хранящей рубежи
и способствующей росту ржи,
все едино — тошный и крошечный
запах лжи.

* * *

Потребности, гордые, словно лебеди,
парящие в голубой невесомости,
потребности в ужасающей степени
опередили способности.

Желанья желали всё и сразу.
Стремленья стремились прямо вверх.
Они считали пошлостью фразу
«Слаб человек!».

Поскольку был лишь один карман
и не было второго кармана,
бросавшимся к казенным кормам
казалось, что мало.

А надо было жить по совести.
Старинный способ надежен и прост.
Тогда бы потребности и способности
не наступали б друг другу на хвост.

* * *

Не ведают, что творят,
но говорят, говорят.
Не понимают, что делают,
но все-таки бегают, бегают.

Бессмысленное толчение
в ступе — воды,
и все это в течение
большой беды!

Быть может, век спустя
интеллигентный гот,
образованный гунн
прочтет и скажет: пустяк!
Какой неудачный год!
Какой бессмысленный гул!

О чем болтали!
Как чувства мёлки!
Уже летали
летающие тарелки!

ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ

Вручая войны объявление, посол понимал:
ракета в полете, накроют его и министра
и город и мир уничтожат надежно и быстро,
но формулы ноты твердил, как глухой пономарь.

Министр, генералом уведомленный за полчаса:
ракета в полете, — внимал с независимым видом,
но знал: он — трава и уже заблестела коса,
хотя и словечком своих размышлений не выдал.

Но не был закончен обмен гроыхающих слов,
и небо в окне засияло, зажглось, заблестало,
и сразу не стало министров, а также послов
и всех и всего, даже время идти перестало.

Разрыв отношений повлек за собою разрыв
молекул на атомы, атомов на электроны,
и все обратилось в ничто, разложив и разрыв
пространство, и время, и бунты, и троны.

* * *

Во-первых, он — твоя судьба,
которую не выбирают,
а во-вторых, не так уж плох
таковский вариант судьбы,
а в-третьих, солнышко блестит,
и лес шумит, река играет,
и что там думать: «если бы»,
и что там рассуждать: «кабы».

Был век, как яблочко, румян.
Прогресс крепчал вроде мороза.
Выламываться из времен —
какая суета и проза.
Но выломались из времен,
родимый прах с ног отряхнули.
Такая линия была,
которую упорно гнули.

Они еще кружат вокруг
планеты, вдоль ее обочин,
как спутничек с собачкой Друг,
давно подохшей, между прочим.
Давно веселый пес подох,
что так до колбасы был лаком,
и можно разве только вздох
издать, судьбу его оплакав.

Оплачем же судьбу всех тех,
кто от землицы оторвался,
от горестей и от утех,
и обносился, оборвался,
и обозлился вдалеке,
торя особую дорожку,
где он проходит налегке
и озирается сторожко.

* * *

История над нами пролилась.
Я под ее ревушим ливнем вымок.
Я перенес размах ее и вымах.
Я ощутил торжественную власть.

Эпоха раздражалась надо мной,
как ливень над притихшею долиной,
то справедливой длительной войной,
а то несправедливостью недлинной.

Хотел наш возраст или не хотел,
наш век учел, учил, и мчал, и мучил
громаду наших душ и тел,
да, наших душ, не просто косных чучел.

В какую ткань вплеталась наша нить,
в каких громах звучала наша нота,
теперь все это просто объяснить:
судьба — ее порывы и длинноты.

Клеймом судьбы помечены столбцы
анкет, что мы поспешно заполняли.
Судьба вцепилась, словно дуб, корнями
в начала, середины и концы.

* * *

Мир, какой он должен быть,
никогда не может быть.
Мир такой, какой он есть,
как ни повернете — есть.

Есть он — с небом и землей.
Есть он — с прахом и золой,
с жаждущим прежде всего
преобразовать его

фанатичным добряком,
или желчным стариком,
или молодым врачом,
или дерзким скрипачом,

чья мечта всегда была:
скатерть сдернуть со стола.
Эх! Была не была —
сдернуть скатерть со стола,

ОДА МЕЙЕРХОЛЬДУ

Если б Мейерхольду «Маскарада»
площадной явился Мейерхольд,
Мейерхольд забора и парада,
совершивший непостижный вольт, —
что бы фрачник блузнику сказал бы,
что бы куртке кожаной сказал
этот выпренный, как тронный зал,
и надменный, словно герцог Альба?

Он сказал бы: «Я не знал, что так
повернется. Впрочем, так не плоше.
На ребре давно стоял пятак.
На орла, на решку? В царской ложе
новые властители сидят,
но спектакль — только мой глядят».

Он сказал бы: «Только впереди
место мое. Только так умею,
позади же сразу я немею,
чувствую стеснение в груди».

Он сказал бы: «Власть —
редкостная сласть
и всепоглощающая страсть.
Кто откажется, когда дается?
Ведь: под блузой чаще сердце бьется.
Это не купить и не украсть».

Он сказал бы: «Прежде я не думал
про народ, но он ведь есть, народ!
Он меня с меня как пену сдунул,
взял с собой, пустил в свой оборот».

Думаю, они б договорились,
фрачник с блузником, они б сошлись
на таком понятии, как жизнь,
радость жизни, горечь, милость.

Вряд ли разговор бы длился долго,
вряд ли был бы долгов бой
разных категорий долга
пред собой и пред судьбой.

* * *

Гамлет этого поколения
самосильно себе помог.
Если надо — в крови по колени
проборматывал свой монолог.

Он, довольный своими успехами,
управляя своею судьбой,
шел по сцене, бряцая доспехами:
с марша — прямо бросали в бой.

Как плательщик большие налоги
не желает уплачивать в срок,
не любил он свои монологи
и десятки выбрасывал строк.

Что ему были вражьи своры?
Весь он был воплощенная месть!
Исполнял он свои приговоры
прежде, чем успевал произнести.

Только соображения такта
режиссерам мешали порой
дать на сцене хотя бы пол-акта
под названием «Гамлет — король».

В голову никогда б не пришло,
что «не быть» — это тоже возможность,
и актеры на полную мощность
правили свое ремесло.

Ни сомнений и ни угрызений,
ни волнений и ни размышлений
знать тот Гамлет не знал нипочем,
прорубаясь к победе мечом.

* * *

Я был росой.
Я знал, что высохну
и в пору зноя
и нос не высуну.

Но в час вечерний,
а также утренний
я снова выпаду
на прежнем уровне.

Участвуя в круговороте,
извечно принятом в природе,
воспринимал я поражения
не только как сплошные беды,
но как прямое продолжение
счастливых радостей победы.

Мне с первым снегом вместе таять
казалось детской игрой.
Я знал, что вскоре прилетает
снег следующий,
снег второй.

То чувство локтя,
чувство цепи,
в котором хоть звено — мое,
обширнее тайги и степи,
таинственней, чем житие

святого, что, кладя на плаху
главу,
свою беду влача,
сочувствовал тихонько страху
перед грядущим—
палача.

ПАМЯТНИК СТАРИНЫ

Все печки села Никандрова — из храмовых кирпичей,
из выветренных временами развалин местного храма.
Нет ничего надежнее сакральных этих печей:
весь никандровский хворост без дыма сгорит до грамма.

Давным-давно религия не опиум для народа,
а просто душегрейка для некоторых старух.
Церковь недоразваленная, могучая, как природа,
успешно сопротивляется потугам кощунственных рук.

Богатырские стены
богатырские тени
отбрасывают вечерами
в зеленую зону растений.
Нету в этой местности
и даже во всей окрестности
лучше холма, чем тот,
где белый обрубок встает.

Кирпичи окровавленные
устремив к небесам,
встает недоразваленный,
на печки недоразобранный.
А что он означает,
не понимает он сам,
а также его охраняющие
местные власти и органы.

А кирпичи согревают — в составе печей — тела,
как прежде — в составе храма — душу они согревали.
Они по первому случаю немного погоревали,
но ныне уже не думают, что их эпоха — прошла.

ИЗДЕРЖКИ ПРОГРЕССА

За привычку летать
люди платят отвычкою плавать,
за привычку читать
люди платят отвычкою слушать,
и чем громче
у телевиденья слава,
тем известность
радиовещанья
все глуше.

Достиженье
и постиженье,
падая на чашку весов,
обязательно вызывают стяженье
поясов.

И приходится стягивать
так, что далее некуда.
Можно это оплакивать,
но обжаловать некуда.

ТЕЛЕФОН

Сначала звонил телефон,
но дело кончалось набатом,
который, как взорванный атом,
ревел в упоеньи лихом.

Гудки или, скажем, звонки,
которые слышались в трубке,
звучали предвестием рубки,
ломающей все позвонки.

В эпоху такую и дату
ничуть телефон не плошал,
звонил, награждал и лишал,
трещал, вызывал нас куда-то.

Ниспосланный лично судьбой,
ее представлял интересы,
звонил убедительно, трезво
и звал то на суд, то на бой.

МОЛЧАЩИЕ

Молчащие. Их много. Большинство.
Почти все человечество — молчащие.
Мы — громкие, шумливые, кричащие —
не можем не учитывать его.

О чем кричим — того мы не скрываем.
О чем,
о чем,
о чем молчат они?
Покуда мы проносимся трамваем,
как улица молчащая они.

Мы — выяснились,
с нами — все понятно.
Покуда мы проносимся туда,
покуда возвращаемся обратно,
они не раскрывают даже рта.

Покуда жалобы по проводам идут
так, что столбы от напряжения гнутся,
они чего-то ждут. Или не ждут.
Порою несколько минут
прислушиваются.
Но не улыбнутся.

УХОДЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Время уходит, и даже в анализах крови можно увидеть: седеют косматые брови времени и опускаются властные плечи времени. Время времени — недалече.

Время уходит своим государственным шагом то горделиво, как под государственным флагом, то музыкально, как будто бы гимн государства грянет немедленно, через минуту раздастся.

Но если вдуматься, в том, что время уходит, важно лишь то, что оно безвозвратно уходит и что впоследствии никто не находит время свое, что сейчас вот уходит.

Время уходит. Не радуется, но уходит.
Время уходит. Оглядывается, но уходит.
Кепочкой машет.
Бывает, что в губы лобзает,
но — исчезает.

* * *

Это все прошло давно:
рассказни да казни.
Промелькнуло, как в кино
теньями на ткани.

С недоверием глядит
поколение деток:
для него я троглодит,
для него я предок,

для него я прошлый век,
скукота зеленая,
для него — не человек,
рыба я соленая,

рыба я мороженая,
в сторону отложенная.

Я надоедать устал.
Я напоминать не стал.

* * *

Недостойно бежит старичок,
сотрясаясь тремя четвертями
века,
а может, двумя третями
века,
весь от поджилок до щек.

Если добр и любезен шофер,
он ему остановит автобус.
Если нет, то, все ноги оттопав,
он, наверно, бредет до сих пор.

Через ночь, через грязь, через тьму,
вдоль по старости, как по траншее,
где сегодня так страшно ему
и где завтра мне будет страшнее.

* * *

Человек умирает дважды.

Сначала в своей постели
или в чужом окопе.
Окончательно он умирает
в памяти своего врага.

Усыхает нервная клетка,
и смывается кровью струпик,
в котором хранилась память
о нем, о ненавистном.

Все. Последний конец кончины.
Окончательное «до свиданья».
И не помянут даже лихом.

* * *

Поколению по имени-отчеству
думавших о самих себе
в изумленьи думать не хочется
о таком повороте в судьбе.

Все их дети
на всем белом свете
просто Вани, Мани и Пети,
не желающие взрослеть
и отказываться от привычки
к уменьшительной детской кличке,
выходить из Вань, Мань и Петь.

Поколенье, что почитало
звания, ордена, чины,
неожиданно воспитало
тех, кто никому не должны.

Поколение, шедшее в ногу
по шоссе, обнаружило вдруг:
на обочине или немного
в стороне, парами — сам-друг,

не желая на них равняться,
а желая только обняться
без затей и без идей, —
поколенье своих детей.

ПЕРЕМЕНЫ

Перемены бывают нечасто.
Редок пересчет, перемер.
Раза три я испытывал счастье,
упоение от перемен.

Раза три, а точнее, четыре
перемен совершался обвал,
и внезапно светлело в квартире,
где с рождения я пребывал.

Словно вьюга, мела перемена,
словно ливень весенний, лила.
Раза три, утверждаю я смело,
перемена большая была.

От судьбы отломилась бы милость,
то-то б разодолжил меня бог,
если б снова переменилось,
изменилось еще хоть разок.

НЕОБХОДИМОСТЬ ЗАБВЕНЬЯ

Уменье памяти сопряжено
с уменьем забыванья,
и зерно
в амбарах памяти должно
не переполнить кубатуру сдуру.
Забвенье тоже создает культуру.

Запомнил, заучил и зазубрил,
потом забыл, как будто бы зарыл,
а то, что из забвенья вырастает,
то южным снегом вскоре не растает,
то — вечное, словно полярный снег,
то — навсегда
и то — для всех.

* * *

Хороша ли плохая память?
Иногда — хороша.
Отдыхает душа.
В ней — просторно. Ее захлать
никому не удалось,
и она, отрешась от опеки,
поворачивается, как лось,
загорающий на солнцепеке.

Гулок лес. Ветрами продут.
Березняк вокруг подрастает.
А за ней сюда не придут,
не застанут ее, не заставят.
Ни души вокруг души,
только листья лепечут свойски,
а дела души — хороши,
потому что их нету вовсе.

* * *

Охапкою крестов, на спину взваленных,
гордись, тщеславный человек,
покуда в снег один уходит валенок,
потом другой уходит в снег.

До публики ли, вдоль шоссе стоящей,
до гордости ли было бы, когда
в один соединила, настоящий,
все легкие кресты твои
беда.

Он шею давит,
спину тяготит.
Нельзя нести
и бросить не годится.
А тяжесть — тяжкая,
позорный — стыд,
и что тут озираться и гордиться!

СТРАСТЬ К ФОТОГРАФИРОВАНИЮ

**Фотографируются во весь рост,
и формулируют хвалу, как тост,
и голоса фиксируют на пленке,
как будто соловья и коноплянки.**

**Неужто в самом деле есть архив,
где эти фотографии наклеят,
где эти голоса взлелеют,
как прорицанья древних Фив?**

**Неужто этот угол лицевой,
который гож тебе, пока живой,
но где величье даже не ночует,
в тысячелетия перекочет?**

**Предпочитаю братские поля,
послевоенным снегом занесенные,
и памятник по имени «Земля»,
и монумент по имени «Вселенная».**

Говорят, хорошие вирши
пан Твардовский слагал в тиши.
Польской славе, беглой и бывшей,
мессу он сложил от души.

Что-то есть в поляках такое!
Кто с отчаянья двинул в бега,
кто, судьбу свою упокая,
пану богу теперь слуга.

Бог — большой, как медвежья полость
Прикрывает размахом крыл
все, что надо, — доблесть и подлость,
а сейчас — Арнольда прикрыл.

Простираю к вечности руки,
и просимое мне дают.
Из Варшавы доносятся звуки:
по Арнольду мессу поют!

* * *

Польский гонор и еврейский норов
вежливость моя не утаит.
Много неприятных разговоров
мне еще, конечно, предстоит.

Будут вызывать меня в инстанции,
будут голос повышать в сердцах,
будут требовать и, может статься,
будут гневаться или серчать.

Руганный, но все-таки живой,
уличенный в дерзостном обмане,
я уйду с повинной головой
или кукиш затаив в кармане.

Все-таки живой! И воробьи,
оседлавшие электропроводку,
заглушат и доводы мои,
и начальственную проработку.

* * *

Стихи,
что с детства я на память знаю,
важней крови,
той, что во мне течет.
Я не скажу, что кровь не в счет:
она своя, не привозная, —
но — обновляется примерно раз в семь лет
и, бают, вся уходит, до кровинки.
А Пушкин — ежедневная новинка.
Но он — один. Другого нет.

ДОБАВКА

Добавить — значит ударить побитого.
Побил и добавил. Дал и поддал.
И это уже не драка и битва,
а просто бойня, резня, скандал.

Я понимал: без битья нельзя,
битым совсем другая цена.
Драка — людей возвышает она.
Такая у нее стезя.

Но не любил, когда добавляли.
Нравиться мне никак не могли,
не развлекали, не забавляли
морда в крови и рожа в пыли.

Слушая, как трещали кости,
я иногда не мог промолчать
и говорил: — Ребята, бросьте,
убьете — будете отвечать.

Если гнев отлютовал,
битый, топтанный, молча вставал,
харкал или сморкался кровью
и уходил, не сказав ни слова.

Еще называлось это: «В люди
вывести!» — под всеобщий смех.
А я молил, уговаривал: — Будя!
Хватит! Он уже человек!

Покуда руки мои хватают,
покуда мысли мои витают,
пока в родимой стороне
еще прислушиваются ко мне,

я буду вмешиваться, я буду
мешать добивать, а потом добавлять,
бойцов окровавленную грудку
призывами к милости забавлять.

* * *

Не воду в ступе толку,
а перевозу в строку,
как пишется старику,
как дышится старику,

и как старику неможется,
и вовсе нельзя помочь,
и как у него итожится
вся жизнь в любую ночь.

Я это в книжках читал,
я это в фильмах глядел,
но я отнюдь не считал,
что это и мой удел.

Оказывается, и мой!
И, мыкая эту беду,
я, словно к себе домой,
в обычную старость бреду.

Как правильно я поступал,
когда еще молодым
я место в метро уступал
морщинистым и седым.

СЛИШКОМ МНОГО ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА

Снова много жизненного опыта,
может быть, не меньше, чем в войну,
опыта, что тяжелее топота
вдоль тебя,
во всю твою длину.

Многое усвою и запомню.
Многое пересмотрю
во всемирном нравственном законе,
но — покорнейше благодарю!

Возраст — не учебный, а лечебный,
и, напоминая свет свечей,
вечера, заката свет волшебный
смазывает контуры вещей.

ПО ТЕЧЕНЫЮ И ПРОТИВ ТЕЧЕНЬЯ

Психиатры считают, что плыть по течению
в переносном ли смысле
и даже в прямом —
помогает!
И даже при кровотеченьи!
Позволяет жить с пользой
и даже с умом.

Запасной, стало быть, открывается выход,
и возможность еще появилась одна
не решенья задач —
получения выгод,
то есть вместе с рожном,
а не против рожна.

Сброшу с плеч все мешки.
Поплыву налегке.
По течению!
Соломинкой!
Вниз по реке!
Отдохну от усилья и ожесточенья
и махну,
как бывалоча,
против теченья.

* * *

С бытием было проще.
Сперва
не давался быт.
Дался после.
Я теперь о быте слова
подбираю
быта возле.

Бытие, все его категории,
жизнь, и смерть, и сладость, и боль,
радость точно так же, как горе, я
впитываю, как море — соль.

А для быта глаз да глаз
нужен, также — верное ухо.
А иначе слепо и глухо
и нечетко
дойдет до нас.

Бытие всегда при тебе:
букву строчную весело ставишь,
нажимаешь нужный клавиш
и бормочешь стихи о судьбе.

В самом деле, ты жил? Жил.
Умирать будешь? Если скажут.
А для быта из собственных жил
узел тягостный долго вяжут.

* * *

Спасибо Вам за добрые слова,
которых для меня не пожалели,
за то, что закружилась голова,
гиперболы прочтя и параллели.

В претензии останусь я едва ли,
хотя, конечно, в честь такого дня
Вы чуть преувеличили меня,
прикрасили и прилакировали.

Вы выполнили славную задачу,
мешками фраз засыпали провал,
перехвалив меня за недохвал,
воздав сторицею за недодачу.

Стою под сладостным и золотым
дождем, неисчислимым и несметным,
и впитываю влажную латынь
присущего моменту комплимента.

* * *

Ткал ковры. И продавал — внарез.
Брали больше голубое, розовое.
А на темное — и цены бросовые.
Темное не вызывало интерес.

В самом деле: после дня работы
и расцветка много говорит.
Разве должен добавлять заботы
человеку колорит?

Нет, не должен. Красное и синее
вызывали чувства сильные.
Подходили! И к любой стене.
Оставалась темнота — при мне.

Покупатель говорит: «Не та
краска! Только портит настроение».
Скапливалась эта чернота,
и жужжало этих мух роение.

Покупатель говорит: «Не тот
тон и для квартиры мрачен слишком».
Свет уходит, но запас растет
мрака. Черным предаюсь мыслишкам.

Тем не менее я занимался делом,
кто бы ни советовал и что:
белое я ткал, как прежде, белым.
Черное же белым — ни за что.

ДОЛГ

Мы должны друг другу. Я — за колбасу,
съеденную на газете.

Мне — за ношу, ту, что я несу
на закате, на рассвете.

Я — и за рассвет и за закат,
тот, что на пейзажи нахлобучен.

Мне — за то, что языкат
и писуч, слагать стихи обучен.

Я — за каждый прожитый мной день.
Мне — за то, что день, прожитый мною,
не умножив дребедень,
суть запечатлел перед странюю.

Этот долг двойной, взаимосвязь
выручки, взаимная порука
все растет с годами, становясь
невозможностью жить друг без друга.

УДАЧНИК

Как бы ни была расположена
или не расположена
власть,
я уже получил что положено.
Жизнь уже удалась.

Как бы общество ни информировалось,
как бы тщательно ни нормировалась
сласть,
так скупно выделяемая,
отпускаемая изредка сласть,
я уже получил все желаемое.
Жизнь уже удалась.

Я — удачник!
И хоть никуда не спешил,
весь задачник
решил!
Весь задачник,
когда-то и кем-то составленный,
самолично перед собою поставленный,
я решал, покуда не перерешил.

До чего бы я ни добрался,
я не так уж старался,
не усиливался, не пыхтел
ради славы и ради имени.
Тем не менее —
получил, что хотел.

НЕУЖЕЛИ?

Неужели сто или двести строк,
те, которым не скоро выйдет срок, —
это я, те два или три стиха
в хрестоматии — это я,
а моя жена и моя семья —
шелуха, чепуха, труха?

Неужели черные угли — в счет?
А костер, а огонь, а дым?
Так уж первостепенен посмертный почет?
Неужели необходим?

Я людей из тюрем освобождал,
я такое перевидал,
что ни в ямб, ни в дактиль не уложить —
столько мне довелось пережить.

Неужели Эгейское море не в счет,
поглотившее солнце при мне,
и лишь двум или трем стихам почет,
уваженье в родной стороне?

Неужели слезы в глазах жены
и лучи, что в них отражены,
значат меньше, чем малопонятные сны,
те, что в строки мной сведены?

Я топил лошадей и людей спасал,
ордена получал за то,
а потом на досуге все описал.
Ну и что,
ну и что,
ну и что!

ЗАВЕЩАННОЕ ВСЕМ

Завещанное — за вещами.
Оно завешано старьем.
Оно не в тексте завещаний,
а в сердце бьющемся моем.

Придется книги перебрать
и обувь ветхую отбросить,
чтоб выступило, как на рать,
чтоб выступило, словно проседь,

чтоб выступило, словно чтец,
скандирующий страницу.
И чтоб дошло до всех сердец
то, что в моем теперь таится.

* * *

В драгоценнейшую оправу
девятнадцатого столетья
я вставляю себя и ораву
современного многопоэтыя.

Поднимаю повыше небо —
устанавливаю повыше,
восстанавливаю, что повыжгли
ради славы, ради хлеба,
главным образом, ради удобства,
прежде званного просто комфортом,
и пускаю десятым сортом
то, что первым считалось сортом.

Я развешиваю портреты
Пушкина и его плеяды.
О, какими огнями согреты
их усмешек тонкие яды,
до чего их очки блистают,
как сверкают их манишки
в те часы, когда листают
эти классики наши книжки.

* * *

Поэты подробности,
поэты говора
не без робости,
но не без гонора
выдвигают кандидатуры
свои

на первые места
и становятся на котурны,
думая, что они — высота.

Между тем детали забудут,
новый говор сменит былой,
и поэты детали будут
лишь деталью, пусть удалой.

У пророка с его барокко
много внутреннего порока:
если вычесть вопросительные
знаки, также восклицательные,
интонации просительные,
также жесты отрицательные,
если истребить многоточия,
не останется ни черта
и увидится воочию
пустота, пустота, пустота.

Между тем поэты сути,
в какие дыры их ни суйте,
выползают, отрясают
пыль и опять потрясают
или умиляют сердца
без конца, без конца, без конца.

* * *

В двадцатом веке дневники
не пишутся и ни строки
потомкам не оставят.
Наш век ни спор, ни разговор,
ни заговор, ни оговор
записывать не станет.

Он столько видел, этот век, —
смятенных вер, снесенных вех,
невставших ванек-встанек, —
что неохота вспоминать.
Он вечером в свою тетрадь
записывать не станет.

Но стих — прибежище души.
Без страха в рифму все пиши.
За образом — как за стеною.
За стихотворною строкой,
как за разлившейся рекой,
как за броней цельносталльнойю.

Лишь по прошествии веков
из скомканных черновиков,
из спутанных метафор
все извлекут, что ни таят:
и жизнь, и смерть,
и мед, и яд,
а также соль и сахар.

В ПОРЯДКЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ

Этот гений пишет слабо.
Этот гений пишет плохо.
Незаслуженная слава!
Нет, куда ему до Блока!

Пушкин тоже был похлестче,
как ни глянь. Со всех сторон.
Впрочем, есть же две-три вещи,
где он ярок и силен.

Где в порядке исключения,
по ошибке по большой,
приключилось приключенье
с ним,
 зовомое душой.

В души те он вносит смуту,
кто его хулил, судя:
здесь он прыгнул почему-то
выше самого себя.

ПОМЕТА ПОД СТИХОТВОРЕНИЕМ

Все равно, где написано,
хоть в кювете,
хоть идя на дно,
хоть болтаясь в петле,
можно ставить внизу:
на белом свете —
или даже так:
на черной земле.

Впрочем, магия места происшествия
входит, словно оркестр в состав полка,
в ритуал восхождения или шествия
до тех пор,
восходишь ты пока.

Входит, словно твое лицо на фото,
словно дружбы твои и твои вражды,
словно то, что ты не любишь охоты,
но зато рыбаки тобою горды.

А когда твои книги всегда в продаже,
почему-то
становится всем все равно,
что тебя вдохновило,
какие пейзажи
и недавно написано
или давно.

СЛАВА

Слава — вырезки из газет,
сохраняемые в архиве,
очень легкие, очень сухие.
Для растопки лучшего — нет.

Слава — музыка и слова
неизвестного происхождения,
но такие, что вся Москва
бормотала при пешем хождении.

Слава — это каждый твой писк
в папке скапливается почитателем.
Слава — это риск,
риск писателя стать читателем.

Слава — очередь. Длинный хвост
в книжной лавке за новой книжкой.
Слава — это каждый прохвост
треплет имя твое...

Слава — слово злое, соленое
шлют вдогонку, зла желая.
Слава — слива. Сперва зеленая,
после черная, после гнилая.

* * *

Гром аплодисментов подтверждал
правоту строки, не только рифмы.
Словно папы подтверждают Рима
временную правоту.

Все стихи учились наизусть
поколением, быть может, даже
человечеством. А книг в продаже
не бывало.

Да, поэзия вошла в случай.
Задолжали людям неоплатно.
По рублю успеха получай
на пятак таланта.

Прежде недоплачивали всем,
нынче всем переплатили.
И насытились до дна, совсем
люди.

До того стихом обожрались,
что очередное поколение
обнаружит к рифме отвращение
и размер презрит.

РАВНОДУШИЕ К ФУТБОЛУ

Расхождение с ровесниками начиналось еще с футбола,
с той почти всеобщей бѣзлезни, что ко мне не привилась,
поразив всех моих ровесников, и при том обоего пола,
обошедшись в кучу времени,
удержав свою кроткую власть.

Сэкономлена куча времени и потеряна куча счастья.
Обнаружив, что в общежитии никого в час футбола нет,
отказавшись от сладкого бремени,
я обкладывался все чаще
горькой грудой книг
и соленой грудой газет.

И покуда там,
на поле —
ловкость рук,
никакого мошенства, —
позабывши о футболе,
я испытывал блаженства,
не похожие на блаженства,
что испытывал стадион,
не похожие, но не похуже,
а пожалуй, даже погуще.

От чего? От словесного жеста,
от испытанных идиом.

И пока бегучесть,
прыгучесть
восхищала друзей и радовала,

Откуда?
Непонятно.
Начинайся наполняться
гелием,
 дирижабля колбаса.
Сгинь,
рассыпья,
лопни,
пропади!
Только с каждым утром вновь приходи.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ

С неловкостью перечитал,
что написалось вдохновенно.
Так это все обыкновенно!
Какой ничтожный капитал
души
был вложен в эти строки!
Как это плоско, наконец!

А ночью все казалось:
сроки
исполнились!
Судьбы венец!

Отказываюсь от листка,
что мне Доской Судьбы казался.
Не безнадежен я пока.
Я с легким сердцем отказался!

НЕОКОНЧЕННЫЕ СПОРЫ

1978

ТАНЕ

Ты каждую из этих фраз
перепечатала по многу раз,
перепечатала и перепела
на легком портативном языке
машинки, а теперь ты вдалеке.
Все дальше ты уходишь постепенно.

Перепечатала, переплела
то с одобреньем, то с пренебреженьем.
Перечеркнула их одним движеньем,
одним движеньем со стола смела.

Все то, что было твердого во мне,
стального, — от тебя и от машинки.
Ты исправляла все мои ошибки,
а ныне ты в далекой стороне,
где я тебя не попрошу с утра
ночное сочиненье напечатать.
Ушла. А мне еще вставать, и падать,
и вновь вставать.
Еще мне не пора.

НЕОКОНЧЕННЫЕ СПОРЫ

Жил я не в глухую пору,
проходил не стороной.
Неоконченные споры
не окончатся со мной.
Шли на протяжении суток
с шутками или без шуток,
с воздеванием к небу рук,
с истиной, пришедшей вдруг.
Долог или же не долог
век мой, прав или не прав,
дребезг зеркала, осколок
вечность отразил стремглав.
Скоро мне или не скоро
в мир отправиться иной —
неоконченные споры
не окончатся со мной.
Начаты они задолго,
за столетья до меня
и продлятся очень долго,
много лет после меня.
Не как повод,
не как довод,
тихой нотой в общий хор,
в длящийся извечно спор,
я введу свой малый опыт.
В океанские просторы
каплею вольюсь одной.
Неоконченные споры
не окончатся со мной.

ПРОЩАНИЕ

Уходящая молодость.
Медленным шагом уходящая молодость,
выцветшим флагом
слабо машущая над седой головой.
Уходя,
она беспрерывно оглядывается:
что там делается?
И как у них складывается?
Кто живой?
Кто среди них уже полуживой?

Говорят, уходя — уходи.
В этом случае
уходя — не уйти будет самое лучшее.
Уходя — возвратиться, вернуться назад.

Уходящая и шаги замедляющая,
все кусты по дороге цепляющая,
уходящая молодость!
Вымерзший сад!

ЖАЛЕЮ ВРЕМЯ, ЧТО ОНО ПРОШЛО

С утра мне было ясно и светло.
Мой день был ясен, и мой вечер светел.
Жалею время, что оно прошло
и не заметило того, что я заметил.

Оно дарило мне за днями дни,
само же всякий отдых отвергало,
в курантах всех вертело шестерни,
колеса всех часов передвигало.

Мне — музыки стремительный зигзаг.
Ему — часов томительный тик-так.
Я — по прямой. Оно же — ходом белки
по кругу вечному вращает стрелки.

А то, что я конечен, а оно
дождется прекращения мирозданья, —
об этом договорено давно.
Я это принимаю без страданья.

Угроза,
 в ходе слышная
 часов,
пружин их ржавых
 хриплое
 скрипенье
не распугает
 птиц моих лесов
и не прервет их радостное пенье.

ВОЗДУХ ПОЛЕТА

Тот воздух, что способствовал парению,
сопротивлялся ускорению.
Он меру знал. Свою. Что было сверху —
он властно отвергал,
и нам свою устраивал поверку,
и отрицал, и помогал.

Но я дышал тем воздухом. Другой,
наверно, мне пришелся б не по легким,
а что полет не оказался легким,
я знал заранее,
не ожидал покой.

Тот воздух
то сгущался в ураган,
вдыхался трудными глотками,
то прикасался ласково к рукам
своими легкими руками.

Вдохнув его
и выдохнув его
давным-давно когда-то, на рассвете,
я не боялся ничего.
Я не боялся ничего на свете!

САМЫЙ СТАРЫЙ ДОЛГ

Самый старый долг плачу:
с ложки мать кормлю в больнице.
Что сегодня ей приснится?
Что со стула я лечу?

Я лечу, лечу со стула.
Я лечу,
лечу,

лечу...
— Ты бы, мамочка, соснула. —
Отвечает: — Не хочу...

Что там ныне ни приснись,
вся исписана страница
этой жизни.
Сверху — вниз.
С ложки
мать кормлю в больнице.

Но какой ни выйдет сон,
снится маме утомленной:
это он,
это он,
с ложки
некогда
кормленный.

ЖЕНСКАЯ ПАЛАТА В ХИРУРГИИ

Женская палата в хирургии.
Вместе с мамой многие другие.
Восемь коек, умывальник, стол.
Я с кульком, с гостинцами, пришел.

Надо так усесться с мамой рядом,
чтобы не беспокоить взглядом
женщин. Им неладно без меня,
операций неотложных ждущим,
блекнущим день ото дня,
но стыдливость женскую — блюдушим.

Впрочем, за два месяца привыкли.
Попривыкли, говорю, с тех пор!
Я вхожу, а женщины не стихли.
Продолжают разговор.

Женский разговор похож на дождь
обложной. Его не переждешь.
Поприслушаюсь и посижу,
а потом — без церемоний — встану.
Пошучу почтительно и рьяно,
тонкие журналы покажу.

— Шутки и болезнь боится! —
утверждает издавна больница.

Я сижу и подаю репризы.
Боли, и печали, и капризы,
что печали? —
даже грусть-тоску
с женским смехом я перетолку.

Женский смех звончее, чем у нас,
и серебряней, и бескорыстней.
Скоро и обед, и тихий час,
а покуда, дождик светлый,
брызни!

Мать, свернувшись на боку
трогательным сухоньким калачиком,
слушает, как я гоню тоску,
и довольна мною как рассказчиком.

Столик на колесиках привозит
испаряющийся суп,
и сестра заходит, честью просит,
говорит: — Кончайте клуб!

Отдаю гостинцы из кулька.
Получаю новые заданья.
Матери шепчу: — Пока. —
Говорю палате: — До свиданья.

ДНЕМ И НОЧЬЮ

Днем рассуждаешь.
Ночью мыслишь,
и годы, а не деньги, числишь,
и меришь не на свой аршин,
а на величие вершин.

Днем загоняем толки в догмы,
а ночью

поважней

ИТОГ МЫ

подводим,
пострашней
итог.

Он прост,
необратим,
жесток.

ШКОЛА ВОИНЫ

Школа многому не выучила —
не лежала к ней душа.
Если бы война не выручила,
не узнал бы ни шиша.

Жизни, смерти, счастья, боли
я не понял бы вполне,
если б не учеба в поле —
не уроки на войне.

Объяснила, вразумила,
словно за руку взяла,
и по самой сути мира,
по разрезу, провела.

Кашей дважды в день кормила,
водкой потчевала и
вразумила, объяснила
все обычаи свои.

Был я юным, стал я мудрым,
был я сер, а стал я сед.
Встал однажды рано утром
и прошел насквозь весь свет.

ЗВЕЗДНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Тишина никогда
не бывает вполне тишиной.
Слышишь звоны? Звезда
громыкает в ночи ледяной.

Зацепилась зубцом
за звезды проходящей обгон.
Вот и дело с концом —
происходит вселенский трезвон.

И набат мировой
объявляет пожар мировой
над моей головой,
от внимания еле живой.

Так и заведенó:
слышать звезд на осях оборот
никому не дано!
Каждый сам это право берет.

Посчастливилось мне —
я услышал, совсем молодой
на родной стороне,
как звезда говорит со звездой.

ОБГОН

А. Межирову

Обгоняйте, и да будете обгоняемы!
Скидай доспех!
Добывай успех!
Поэзия не только езда в незнаемое,
но также снег,
засыпающий бег.

Вот победитель идет вперед,
вот побежденный,
тихий, поникший,
словно погибший,
медленно
в раздевалку бредет.

Сыплется снег,
но бег продолжается.
Сыплется снег,
метель раздражается.
Сыплется, сыплется
снег, снег, снег,
но продолжается
бег, бег, бег.

Снег засыпает белыми тоннами
всех — победителей с побежденными,
скорость
с дорожкой беговой
и чемпиона с — вперед! — головой!

ЛЮБОВЬ К СТАРИКАМ

Я любил стариков и любви не скрывал.
Я рассказов их длительных не прерывал,
понимая,
что витиеватая фраза —
не для красного, остренького словца,
для того,
чтобы высказать всю, до конца,
жизнь,
чтоб всю ее сформулировать сразу.

Понимавшие все, до конца, старики,
понимая любовь мою к ним,
не скрывали
из столбцов
и из свитков своих
ни строки:
то, что сам я в те годы узнал бы едва ли.

Я вопросом благодарил за ответ,
и катящиеся,
словно камни по склону,
останавливались,
вслушивались благосклонно
и давали совет.

ЗАХАРОВА КО МНЕ!

Шестнадцать лет на станции живу
у опоясывающей Москву
дороги,

и пятнадцать лет ночами
пытались все Захарова найти.
По звукоусилительной сети
пятнадцать лет: «Захарова!» —
кричали.

Я прежде обижался, но привык,
что на путях железных и прямых
к Захарову диспетчерá зывают.
Днем не слышать. Но только кончен день,
журят, стыдят и обличают лень,
для спешных объяснений вызывают.

Как вечереет,
с Захаровым беда!
А я его не видел никогда,
но без труда вообразу, представлю,
как слышит он:
«Захарова ко мне!»,
как он ругается
и в стороне
бредет фигура
четкая, простая.

Пятнадцать лет кричали, а потом
замолкли.

О Захарове о том
примерно год ни слуху и ни духу.
Исправился?
На пенсию ушел?

Работу поспокойнее нашел?
Не избежал смертельного недуга?

Как хочется, чтоб он был жив и здоров,
захаровский

чтобы тревожил нрав

в ином краю диспетчера иного.

А если он на пенсии давно —

пускай играет в парке в домино

и слышит:

«Прозевал Захаров снова!»

НАГЛЯДНАЯ СУДЬБА

Мотается по универмагу
потерянное дитя.
Еще о розыске бумагу
не объявляли.
Миг спустя
объявят,
мать уже диктует
директору набор примет,
а ветер горя дует, дует,
идет решительный момент.

Засматривает тете каждой
в лицо:
не та, не та, не та! —
с отчаянной и горькой жаждой.
О, роковая пустота!
Замотаны платочком ушки,
чернеет родинка у ней:
гремят приметы той девчушки
над этажами все сильней.

Сейчас ее найдут, признают,
за ручку к маме отведут
и зацелуют, заругают.
Сейчас ее найдут, найдут!
Быть может, ей и не придется
столкнуться больше никогда
с судьбой, что на глазах прядется:
нагая, наглая беда.

ОДИННАДЦАТОЕ ИЮЛЯ

Перематывает обмотку,
размотавшуюся обормотку,
сорок первого года солдат.
Доживет до сорок второго —
там ему сапоги предстоят,
а покудова он сурово
бестолковый поносит снаряд.

По ветру эта брань несется
и уносится через плечо.
Сорок первого года солнце
было, помнится, горячо.
Очень жарко солдату. Душно.
Доживи, солдат, до зимы!
До зимы дожить еще нужно,
нужно, чтобы дожили мы.

Сорок первый годок у века.
У войны — двадцать первый денек.
А солдат присел на пенек
и глядит задумчиво в реку.

В двадцать первый день войны
о столетии двадцать первом
стоит думать солдатам?
Должны!
Ну, хотя б для спокойствия нервам.
Очень трудно до завтра дожить,
до конца войны — много легче.
А доживший сможет на плечи
груз истории всей возложить.

Посредине примерно лета,
в двадцать первом военном дне,
заседает солдат на пне,
и как точно помнится мне —
резь в глазах от сильного света.

ЗВУКОВАЯ ИГРА

Я притворялся танковой колонной,
стальной, морозом досиня каленной,
непобедимой, грозной, боевой, —
играл ее, рискуя головой.

Я изменял в округе обстановку,
причем имея только установку
звуковещательную на грузовике, —
мы действовали только налегке.

Страх и отчаянье врага постигнув,
в кабиночку фанерную я лез
и ставил им пластинку за пластинкой —
проход колонны танков через лес.

Колонна шла, сгибая березняк,
ивняк, дубняк и всякое такое,
подскакивая на больших корнях—
лишая полк противника покоя.

С шофером и механиком втроем
мы выполняли полностью объем
ее работы — немцев отвлекали,
огонь дивизиона навлекали.

Противник настоящими палил,
боекомплекты боевые тратил,
доподлинные деревца валил,
а я смеялся: ну, дурак, ну, спятил!

Мне было только двадцать пять тогда,
и я умел только пластинки ставить
и понимать, что горе не беда,
и голову свою на карту ставить.

* * *

Привычка
записывать сны —
при спичке,
при свете луны,
при отблеске фонаря,
неверной спросонок рукою!
Образовалось не зря
обыкновенье такое.

Покудова сон не забыт,
из Леты едва только вынут,
пока не засунут за быт,
за явь до конца не задвинут,
он — рифмы реальности.
Он
и небо в руке — отраженье.
Он — вечных трудов и времен
мгновенное преображенье.
Не наши ли вещи сны
в случайной своей красоте
в стихах повторены,
запечатлены на холсте?

ПРЕТЕНЗИЯ К АНТОКОЛЬСКОМУ

Ощущая последнюю горечь,
выкликаю сквозь сдавленный стон:
виноват только Павел Григорьич!
В высоту обронил меня он.

Если б он меня сразу отвадил,
отпугнул бы меня, наорал,
я б сейчас не долбил, словно дятел,
рифму к рифме бы не подбирал.

С безответственной доброю
и злодейским желаньем помочь,
оделил он меня высотой,
ледяною и черной, как ночь.

Контрамарку на место свободное
выдал мне в переполненный зал
и с какой-то ужасной свободою:
— Действуй, если сумеешь! — сказал.

Я на той же ошибке настаиваю
и свой опыт, горчайший, утаиваю.
Говорю: — Тот, кто может писать, —
я того не желаю спасти!

НЕПРИВЫЧКА К СОЗЕРЦАНИЮ

Не умел созерцать. Все умел: и глядеть,
и заглядывать,
видеть, даже предвидеть, глазами мерцать,
всматриваться, осматриваться,
взором охватывать
горизонт.
Все умел.
Не умел созерцать.

Не хватало спокойствия, сосредоточенности.
Не хватало умения сжаться и замереть.
Не хватало какой-то особой отточенности,
заостренности способа
видеть, глядеть и смотреть.

И у тихого моря с его синевой миротворною,
и у бурного моря с его стоэтажной волной
остальная действительность
с дотошностью вздорною
не бросала меня,
оставалась со мной.

А леса, и поля, и картины импрессионистов,
и снега, застилавшие их своей белой тоской,
позабыть не заставили,
как, обречен и неистов,
вал морской
разбивался о берег морской.

Я давал себе срок, обрекая на повиновение
непоспешному времени,
но не хватало меня.
Я давал себе век, но выдерживал только мгновение.

Я давал себе год,
не выдерживал даже и дня.

И в итоге итогов
мне даже понравилась
населявшая с древности эти места
суета,
что со мною боролась и справилась,
одолевшая, победившая меня суета.

ЦЕПНАЯ ЛАСТОЧКА

Я слышу звон и точно знаю, где он,
и пусть меня романтик извинит:
не колокол, не ангел и не демон,
цепная ласточка
железами звенит.

Цепная ласточка, а цепь стальная,
из мелких звеньев, тонких, не стальных,
и то, что не порвать их, — точно знаю.
Я точно знаю —
не сорваться с них.

А синева, а вся голубизна!
О, как сиятельна ее темница!
Но у сияния свои границы:
летишь, крылом упруешься,
и — стена.

Цепной, но ласточке, нет, все-таки цепной,
хоть трижды ласточке, хоть трижды птице,
ей до смерти приходится ютиться
здесь,
в сфере притяжения земной.

ВСЕ ТРИ ИЗМЕРЕНИЯ СОВЕСТИ

Говорят, что огромные, многотонные самосвалы
потихоньку проскальзывают
навалы,
обвалы,
кладбища
автомобильных частей,
что доказывает наличие чести
вместе с совестью,
также и с памятью вместе,
даже у машин,
даже в век скоростей.

Совесть с честью, конечно, меняются тоже,
но куда тебя потрясает до дрожи
не своя, не жены,
а чужая беда —
не утратили доблести и геройства
человекоустройство
и мироустройство,
а душа осязаема, как всегда.

А душа вещественна, когда она есть,
и невидима, если ее замарали,
и свои очертанья имеет честь,
и все три измеренья есть у морали.

* * *

Не сказануть — сказать хотелось.
Но жизнь крутилась и вертелась —
не обойти, не обогнуть.
Пришлось, выходит, сказануть.

Попал в железное кольцо.
Какой пассаж! Какая жалость!
И вот не слово, а словцо,
не слово, а словцо
сказалось.

ОЧЕНЬ МНОГО САПОЖНИКОВ

Много сапожников было в родне,
дядями приходившихся мне —
ближними дядями, дальними дедами.
Очень гордились моими победами,
словно своими, и даже вдвойне,
и угощали, бывало, обедами.

Не было в мире серьезней людей,
чем эта знать деревянных гвоздей,
шила, и дратвы, и кожи шевро.
Из-под очков, что через переносицу
жизнь напролет безустанно проносятся,
мудро глядели они и остро.

Сжав в своих мощных ладонях ножи,
словно грабители на грабежи,
шли они — славное войско — на кожу.
Гнули огромные спины весь день.
Их, что отбросили долгую тень
на мою жизнь, забывать мне негоже.

Среднепоместные, мелкопоместные
были писатели наши известные.
Малоизвестным писателем — мной,
шумно справляя свои вечерухи,
новости обсуждая и слухи,
горд был прославленный цех обувной.

ОТЦЫ И СЫНОВЬЯ

Сыновья стояли на земле,
но земля стояла на отцах,
на их углях, тлеющих в золе,
на их верных стареньких сердцах.

Унаследовали сыновья,
между прочих
в том числе
и я,
выработанные и семьей, и школою
руки хваткие
и ноги скорые,
быструю реакцию на жизнь
и еще слова:
«Даешь! Держись!»

Как держались мы
и как давали,
выдержали как в конце концов,
выдержит сравнение едва ли
кто-нибудь,
кроме отцов, —
тех, кто поднимал нас, отрывая
все, что можно,
от самих себя,
тех, кто понимал нас,
понимая
вместе с нами
и самих себя.

ЧЕРТА МЕЖ ДАТАМИ

Черта меж датами двумя —
река, ревущая ревмя,
а миг рожденья — только миг,
как и мгновенье смерти,
и между ними целый мир.
Попробуйте измерьте.

Как море меряет моряк,
как поле меряет солдат,
сквозь счастье меряем и мрак
черту
меж двух враждебных дат.

Черта меж датами —
черта меж дотами,
с ее закатами,
с ее высотами,
с косоприцельным
ее огнем
и в ночь переходящим днем.

СТАРЫЙ СПУТНИК

Словно старый спутник, забытый,
отсигналивший все сигналы,
все же числюсь я за орбитой,
не уйду, пока не согнали.

Словно сторож возле снесенного
монумента «Свободный труд»,
я с поста своего полусонного
не уйду, пока не попрут.

По другому закону движутся
времена. Я — старый закон.
Словно с ятью, фитою, ижицей,
новый век со мной не знаком.

Я из додесятичной системы,
из досолнечной, довременной.
Из системы, забытой теми,
кто смеется сейчас надо мной.

ПРОЩЕНИЕ

Грехи прощают за стихи.
Грехи большие —
за стихи большие.
Прощают даже смертные грехи,
когда стихи пишу от всей души я.

А ежели при жизни не простят,
потом забвение с меня скостят.

Пусть даже лихо деют —
вспоминают
пускай добром,
не чем-нибудь.
Прошу того, кто ведает и знает:
ударь, но не забудь.
Убей, но не забудь.

ИНФОРМАЦИЯ И ИНТУИЦИЯ

В загоревшейся душе
всегда найдется
лихая вера
в то, что обойдется,
что выручат,
помогут и спасут,
что Страшный суд
не очень страшный суд.

Вся информация
против того,
но интуиция — вот дура — почему-то
подсказывает: «Ничего!
Устроится в последнюю минуту».

И как подумаешь,
то, несмотря
на логику,
на всю ее амбицию,
нас информация пугала зря
и верно ободряла интуиция,
и все устроилось
в последний час,
наладилось, образовалось,
с какими цифрами подчас
к нам информация
усердно
ни совалась.

ВСЕ ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ

О счастливые и невозвратимые
все четыре времени нашей жизни!
Вы не только счастливы —
вы невозвратимы.
Вы — не лето с осенью, зимою, весной:
нет вам даже однократного повторенья.
Вы необратимы, как международная разрядка.
Вы приходите, проходите, не приходите снова.
Все. Точка. В просторечии — крышка.

Детство —
иные выделяют отрочество,
но это только продленное детство,
детство, пора узнавания,
в твоих классах
нет второгодников —
не спеши. Ни к чему торопиться.

Юность — иные выделяют молодость,
но это одно и то же,
юность,
пора кулачной драки с жизнью, —
твои поражения блаженны
так же, как твои победы.
Этих ран, этих триумфов
никогда не будет больше.
Все твои слезы — слезы счастья,
но это последние счастливые слезы.
Не спеши. Ни к чему торопиться.

Зрелость — пора, когда не плачут:
времени нету.
Время остается только для свершений.
Зрелость,

пора свершений,
у твоей империи оптимальные границы.
Позднее придется только сокращаться.
От добра добра не ищут,
а если ищут — не находят,
а если находят — оно проходит
еще быстрее, чем проходит зрелость.
Не спеши, зрелость! Ни к чему торопиться.

Старость,
счастливейшее время жизни!
Острота воспоминаний
о детстве, юности, зрелости
острее боли старческих болезней.
Болезненно острое счастье воспоминаний —
единственно возможная обратимость
необратимых, как международная разрядка,
трех предварительных времен жизни.
Не спеши. Ни к чему торопиться.
Не спеши. Почему — сама знаешь.

ОСЕННИЙ ОТСТРЕЛ СОБАК

Каждый заработок благороден.
Каждый приработок в дело годен.
Все ремесла равны под луной.
Все профессии — кроме одной.

Среди тысяч в поселке живущих,
среди пьющих, среди непьющих,
не берущих в рот ничего, —
не находится ни одного.

Председателю поссовета
очень стыдно приказывать это,
но вдали, километрах в шести,
одного удается найти.

Вот он: всю систему пропорций
я в подробностях рассмотрел!
Негодяй, бездельник, пропойца,
но согласен вести отстрел.

А курортные псы веселые,
вежливые бесхозные псы,
от сезонного жира тяжелые,
у береговой полосы.

Эти ласковые побирушки,
доля их весьма велика —
хоть по капле с каждой кружки,
хоть по косточке с шашлыка.

Кончилась страда поселковая.
И пельменная, и пирожковая,
и кафе «Весенние сны»
заколочены до весны.

У собак не бывает историков.
В бывшем баре,
у бывших столиков,
скачут псы
в свой последний день.

Их уже накрывает тень
человека с тульской винтовкой,
и с мешком,
и с бутылкой в мешке,
и с улыбкой — такой жестокой,
и с походкой такой — налегке.

ФИЛОСОФЫ СЕГОДНЯ

Философы — это значит: продранные носки,
большие дыры на пятках от слишком долгой носки,
тонкие струи волоса, плывущие на виски,
миры нефилософии, осмысленные по-философски.

Философы — это значит: завтраки на газете,
ужины на газете, обедов же — никаких,
и долгое, сосредоточенное чтение в клозете
философских журналов и философских книг.

Философы — это значит, что ничего не значит
мир и что философ его переиначит,
не слушая, кто и что ему и как ему говорит.
На свой салтык вселенную философ пересотворит.

Философы — это значит: не так уж сложен мир,
и, если постараться, можно в нем разобраться,
была бы добрая воля, а также здравая рация,
был бы философ — философом,
были бы люди — людьми.

ИВАНИХИ

Как только стали пенсию давать,
откуда-то взялась в России старость.
А я-то думал, больше не осталось.
Осталось.

В полусумраке кровать
двухспальная.
По полувековой
привычке
спит всегда старуха справа.
А слева спал
по мужескому праву
ее Иван,
покуда был живой.

Был мор на всех Иванов на Руси,
что с девятьсот шестого
были года,
и сколько там у бога ни проси,
не выпросила своему Ивану льготу.

Был мор на год шестой,
на год седьмой,
на год восьмой был мор,
на год девятый.
Да, тридцать возрастов войне проклятой
понадобились.
Лично ей самой.

С календарей обдергивая дни,
дивясь, куда их годы запропали,
поэтому старухи спят одни,
как молодыми вдовушками спали.

СЛАВНАЯ НЕВНЯТИЦА

Все щурится, и пятится,
и в руки не дается,
но славная невнятица
поймется и споется.

Они еще спаяются,
разорванные звенья,
и шуточкам паяца
найдется объясненье.

А фразы с существительным,
с местоимением фразы,
что и не удивительно,
разгадываются сразу.

Они потом не снятся
и никому не помнятся.
А славная невнятица
стабильна, как пословица.

ПОХВАЛА СРЕДНИМ ПИСАТЕЛЯМ

Средние писатели
видят то, что видят,
пишут то, что знают,
а гении,
вроде Толстого, Тургенева,
не говоря уже про Щедрина и Гоголя,
особенно Достоевского,
не списывают — им не с кого,
не фотографируют — не с кого,
а просто выдумывают, сочиняют,
не воссоздают,
а создают.

В результате
существует мир как мир,
точно и добросовестно
описанный средними писателями,
и, кроме того,
мир Гоголя,
созданный Гоголем,
мир Достоевского,
вымышленный Достоевским,
и это — миры,
плавающие в эфире,
существующие! —
вызывающие приливы и отливы
в душах людей
обычного мира.

Он остался на перевале.
Обогнали? Нет, обогнули.
Сколько мы у него воровали,
а всего мы не утянули.

Скинемся, товарищи, что ли?
Каждый пусть по камешку выдаст!
И поставим памятник Коле.
Пусть его при жизни увидит.

ПОЛВЕКА СПУСТЯ

Пишут книжки, мажут картинки!
Очень много мазилок, писак.
Очень много серой скотинки
в Аполлоновых корпусах.

В Аполлоновых батальонах
во главе угла, впереди,
все в вельветовых панталонах,
банты черные на груди.

А какой-нибудь — сбоку, сзади —
вдруг возьмет и перечеркнет
этот
в строе своем и ладе
столь устроенный, слаженный гнет.

И полвека спустя — читается!
Изучает его весь свет!
Остальное же все — не считается.
Банты все!
И весь вельвет.

ВЫПАДЕНИЕ ИЗ ОТЧАЯНИЯ

Впал в отчаяние, но скоро выпал.
Быстро выпал, хоть скоро впал.
И такое им с ходу выдал,
что никто из них не видал.

Иронически извиняется,
дерзко смотрит в лицо врагам,
и в душе его угомоняется
буря чувств, то есть ураган.

Он не помнит, как руки ломал,
как по комнате бегал нервно.
Он глядит не нервно, а гневно.
Он уже велик, а не мал.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

И без наглости,
и без робости,
и не мудро,
и не хитро,
как подсаживаются в автобусе,
как подсаживаются в метро,
он подсел в эту жизнь —
на всю жизнь,
и отсаживаться не захотелось.
Вместе им
и пилоь, и елось.
Полностью сбылось
все, что пелось
в их сердцах,
когда, такт и честь
соблюдая
в мельчайшей подробности,
он без наглости
и без робости
ей сказал:
— Позвольте присесть!

ЗЕРКАЛЬЦЕ

— Ах, глаза бы мои не смотрели! —
Эти судорожные трели
испускаются только теперь.
Счет закрылся. Захлопнулась дверь.

И на два огня стало меньше,
два пожара утратил взгляд.
Все кончается. Даже у женщин.
У красавиц — скорей, говорят.

Из новехонькой сумки лаковой
и, на взгляд, почти одинаковой
старой сумки сердечной
она
вынимает зеркальце. Круглое.
И глядится в грустное, смуглое,
отраженное там до дна.

Помещавшееся в ладони,
это зеркальце мчало ее
побыстрей, чем буланные кони,
в ежедневное бытие.

Взор метнет
или прядь поправит,
прядь поправит
и бросит взгляд,
и какая-то музыка славит
всю ее!
Всю ее подряд!

Что бы с нею там ни случилось —
погляди и потом не робей!
Только зеркальцем и лечилась
ото всех забот и скорбей.

О ключи или о помаду
звякнет зеркальце на бегу,
и текучего счастья громада
вдруг зальет, разведет беду.

Столько лет ее не выдавала
площадь маленького овала.
Нынче выдала.
Резкий альт!
Бьется зеркальце об асфальт.

И, преображенная гневом
от сознания рубежа,
высока она вновь под небом,
на земле опять хороша.

И ДЯДИ И ТЕТИ

Дядя, который похож на кота,
с дядей, который похож на попа,
главные занимают места:
дядей толпа.

Дяди в отглаженных сюртуках.
Кольца на сильных руках.
Рядышком с каждым, прекрасна на вид,
тетя сидит.

Тетя в шелку, что гремит на ходу,
вдруг к потолку
воздевает глаза
и говорит, воздевая глаза:
— Больше сюда я не приду!

Музыка века того: граммофон.
Танец эпохи той давней: тустеп.
Ставит хозяин пластиночку. Он
вежливо приглашает гостей.

Я пририсую сейчас в уголке,
как стародавние мастера,
мальчика с мячиком в слабой руке.
Это я сам, объявиться пора.

Видите мальчика рыжего там,
где-то у рамки дубовой почти?
Это я сам. Это я сам!
Это я сам в начале пути.

Это я сам, как понять вы смогли.
Яблоко, данное тетей, жую.
Ветры, что всех персонажей смели,
сдуть не решились пушинку мою.

Все они канули, кто там сидел,
все пировавшие, прямо на дно.
Дяди ушли за последний предел
с томными тетями заодно.

Яблоко выдала в долг мне судьба,
чтоб описал, не забыв ни черта,
дядю, похожего на попа,
с дядей, похожего на кота.

СТАРИННЫЙ СОН

Старинный сон,
словно старинный вальс.
Внезапно он
настигнет вас.
Смутит всего
и зазвучит в душе,
хотя его
забыли вы уже.

Опять знобит
и лихорадит вновь,
хотя забыт
старинный сон дурной.
Забыт давно,
давным-давно,
но все равно,
но все равно.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ГОЛОВНОЙ БОЛИ

У меня болела голова,
что и продолжалось года два,
но без перерывов, передышек,
ставши главной формой бытия.
О причинах, это породивших,
долго толковать не стану я.

Вкратце: был я ранен и контужен,
и четыре года — на войне.
Был в болотах навсегда простужен.
На всю жизнь — тогда казалось мне.

Стал я второй группы инвалид.
Голова моя болит, болит.

Я не покидаю свой диван,
а читаю я на нем — роман.

Дочитаю до конца — забуду.
К эпилогу — точно забывал,
кто кого любил и убивал.
И читать с начала снова буду.

Выслуженной на войне
пенсии хватало мне
длить унылое существованье
и надежду слабую питать,
робостное упованье,
что удастся мне с дивана — встать.

В двадцать семь и двадцать восемь лет
подлинной причины еще нет,
чтоб отчаяние одолело.
Слушал я разумные слова,

но болела голова
день-деньской, за годом год болела.

Вкус мною любимого борща,
харьковского, с мясом и сметаной,
тот, что, и томясь, и трепеща,
вспоминал на фронте неустанно, —
даже этот вкус не обжигал
уст моих, души не тешил боле
и ничуть не помогал:
головной не избывал я боли.

Если я свою войну
вспоминать начну,
все ее детали и подробности
реставрировать по дням бы смог!

Время боли, вялости и робости
сбилось, слиплось, скомкалось в комок.

Как я выбрался из этой клетки?
Нервные восстановились клетки?
Время попросту прошло?
Как я одолел сплошное зло?

Выручила, как выручит, надеюсь,
и сейчас — лирическая дерзость.
Стал я рифму к рифме подбирать
и при этом силу набирать.

Это все давалось мне непросто.
Веры, и надежды, и любви
не было. Лишь тихое упорство
и волнение в крови.

Как ни мучит головная боль —
блекну я, и вяну я, и никну, —
подберу с утра пораньше рифму,
для начала, скажем, «кровь — любовь».

Вспомню, что красна и горяча
кровь, любовь же голубее неба.
Чувство радостного гнева
ставит на ноги и без врача.

Земно кланяюсь той, что поставила
на ноги меня, той, что с колен
подняла и крылья мне расправила,
в жизнь преобразила весь мой тлен.

Вновь и вновь кладу земной поклон
той, что душу вновь в меня вложила,
той, что мне единственным окном
изо тьмы на солнышко служила.

Кланяюсь поэзии родной,
пребывавшей в черный день со мной.

ВСЕ-ТАКИ МЕЖДУ ТЕМ...

Тень переходит в темь.
День переходит в ночь.
Все-таки, между тем,
можно еще помочь.

Шум переходит в тишь.
Звень переходит в немь.
Что ты там мне ни тычь,
все-таки, между тем...

Жизнь переходит в смерть.
Вся перешла уже.
— Все-таки, между тем! —
Крикну на рубеже.

Шаг переходит в «Стой!».
«Стой!» переходит в «Ляг!».
С тщательностью простой
делаю снова шаг:

шаг из тени в темь,
шаг из шума в тишь,
шаг из звени в немь...
Что ты там мне ни тычь!

— Стой! Остановись!
Хоть на миг погоди,
не прекращайся, жизнь!
В смерть не переходи.

БОЛЬШИЕ МОНОЛОГИ

В беде, в переполохе
и в суете сует
большие монологи
порой дают совет.

Конечно, я не помню
их знаменитых слов,
и, душу переполняя,
ушли из берегов

граненые, как призмы,
свободные, как вздох,
густые афоризмы,
сентенции эпох.

Но лишь глаза открою,
взирают на меня
шекспировские брови
над безднами огня.

* * *

В этот вечер, слишком ранний,
только добрых жду вестей —
сокращения желаний,
уменьшения страстей.

Время, в общем, не жестоко:
все поймет и все простит.
Человеку нужно столько,
сколько он в себе вместит.

В слишком ранний вечер этот,
отходя тихонько в тень,
применяю старый метод —
не копить на черный день.

Будет день, и будет пища.
Черный день и — черный хлеб.
Белый день и — хлеб почище,
повкусней и побелей.

В этот слишком ранний вечер
я такой же, как с утра.
Я по-прежнему доверчив,
жду от жизни лишь добра.

И без гнева и без скуки,
прозревая свет во мгле,
холодеющие руки
грею в тлеющей золе.

* * *

Делайте ваше дело,
поглядывая на небеса,
как бы оно ни задело
души и телеса,
если не будет взора
редкого на небеса,
все позабудется скоро,
высохнет, как роса.

Делали это небо
богатыри, не вы.
Небо лучше хлеба.
Небо глубже Невы.
Протяжение трассы —
вечность, а не век.
Вширь и вглубь — пространство.
Время — только вверх.

Если можно — оденет
синей голубизной.
Если нужно — одернет:
холод его и зной.
Ангелы, самолеты
и цветные шары
там совершают полеты
из миров в миры.

Там из космоса в космос,
словно из Ялты в Москву,
мчится кометы конус,
вздыбливая синеву.
Глядь, и преодолела
бездну за два часа!
Делайте ваше дело,
поглядывая на небеса.

* * *

Я других людей — не бедней
и не обделенной судьбой:
было все-таки несколько дней,
когда я гордился собой.

Я об этом не возглашал,
промолчал, про себя сберег.
В эти дни я не оплошал,
и пошла судьба поперек.

Было несколько дней. Они
освещают своим огнем
все другие, прочие дни:
день за днем.

* * *

У меня был свой «Сезам, отворись!».
Наговорное слово я тоже знал,
но оставил я все свое при себе,
никуда без очереди не лез.

И осталось все мое при мне,
даже скатерть-самобранка. Ее
я ни разу в жизни не расстилал,
потому что в столовые я ходил.

Но, быть может, еще настанет день,
когда мне понадобится мой сезам.
Разменяю свой неразменный рубль.
Золотую рыбку в сметане съем.

ХВАСТОВСТВО ПАМЯТЬЮ

Т. Дашковской

Память — это остаток соли.
Все испарится, она — остается.
Память это участок боли.
Все заживает, она — взывает.

В детстве определения — определенной,
ясность — яснее, точность — точнее.
В детстве новый учитель истории,
умный студент четвертого курса
задал нам для знакомства с нами:
напишите на отдельном листочке
все известные вам революции.
Все написали две революции —
Февральскую и Октябрьскую.
Или три —
с девятьсот пятым годом.
Один написал Великую Французскую,
а я написал сорок восемь революций,
навсегда поссорился с учителем истории,
был освобожден от уроков истории
и покончил с этим вопросом.

Память — это история народа,
вошедшая в состав твоей крови.
Это уродство особого рода,
слабеющее с годами.
Что эти формулы двадцатилетним,
даже двадцатипятилетним?

В доблестном девятьсот сорок пятом
в венгерском городе Надьканижа
я формировал местные власти,

не зная ни слова по-венгерски,
на дохлом немецком и ломаном сербском
с применением обломков латыни.
Я учредил четыре обкома:
коммунистов, социал-демократов,
партии мелких земледельцев
и одной небольшой партии,
которая тоже требовала власти,
но не запомнилась даже по имени.
За четыре дня: обком за сутки, —
а также все городские власти —
за то же время,
и ни разу не ошибся,
не назвал господином товарища
(и обратно)
и Миклошем — Иштвана.

На банкете
лидер оппозиции, источая иронию,
выпив лишку,
сказал:

— Я никогда не поверю,
что у вас такая память.
Просто вы жили год или больше
в нашем городе и нас изучили. —
Между тем все было не просто,
а гораздо проще простого,
у меня была такая память —
память отличника средней школы.

Сейчас, когда, словно мел с доски,
с меня сыплется старая память,
я сочиняю новые формулы
памяти,
потому что не могу запомнить
ничего,
даже ни одной старой
формулы памяти, сочиненной
другими стареющими отличниками,
когда с них, словно мел с доски,
сыпались остатки их памяти.

* * *

На шинелке безлунной ночью
засыпаешь, гонимый судьбой,
а едва проснешься — воочью
чудный город перед тобой.

Всех религий его соборы,
всех монархий его дворцы,
клубов всех якобинские споры,
все начала его и концы —

всё, что жаждал ты, всё, что алкал,
ждал всю жизнь. До сих пор не устал.
Словно перед античностью варвар,
ты пред чудным городом встал.

Словно сухопутный кочевник
в первый раз видит вал морской,
на смешенье красок волшебных
смотришь, смотришь с блаженной тоской.

ДИЛЕММА

Застрять во времени своем,
как муха в янтаре,
и выждать в нем иных времен —
получше, поясней?

Нет, пролететь сквозь времена,
как галка на заре
пересекает всю зарю,
не застревая в ней?

Быть честным кирпичом в стене,
таким, как вся стена,
иль выломаться из стены,
пройдя сквозь времена?

Быть человеком из толпы,
таким, как вся толпа,
и видеть, как ее столпы
мир ставят на попу?

А может, выйти из рядов
и так, из ряду вон,
не шум огромных городов,
а звезд услышать звон?

С орбиты соскочив, звезда,
навек расставшись с ней,
звенит тихонько иногда,
а иногда — сильнее.

ВЫБОР

Привычный шум смешался с тишиной,
цвет примелькавшийся
с ночью смешался,
а я еще подумать не решался,
что станется со мной.

Вольюсь ли я,
сольюсь ли я,
сплетусь
иль собственной тропинкой поплетусь,
чтобы, пускай несмело,
свое, особое, доделать дело.

Неужто не решусь я до утра
и снова ночь — всю напролет — промучусь?
Неужто не пора мне, не пора,
не время выбрать долю или участь?

Так, перекаtywаясь по простыням,
матрац злосчастный в плоский блин сминая,
решенья принимая и меняя,
я сам себя неловко распинал.

* * *

В одинокой его судьбе
занимала немалую площадь
нелюбовь говорить о себе,
то есть жаловаться или хвастать.

Благодарны мы хвастунам,
восхваляем их хвастливость
ну хотя бы за то, что нам
подражать им никак не хотелось.

Пусть другие про нас говорят
или, что гораздо лучше,
пусть про нас и другие молчат,
как мы сами молчать приучились.

* * *

Звеню в цепи, звеню в цепи, звеню в цепи
звени — терпи, звени — терпи, звени — терпи.
Терпенье звона мудреней,
а цепь из дней, из дней, из дней
длинна, как степь. Еще длинней.

Ты — миг, и миг был до тебя,
а миг после тебя
придет, как ты: звеня — терпя, звеня — терпя.
Ты — век,
и ты одна из веж, из веж на том пути,
где до конца не добрести, до краю — не дойти.

Пока звенит в твоих ушах
предшественника шаг,
к последователю не спеша
ты делаешь свой шаг.

Ты ритм,
в котором ход часов подготавливает бой.
Молчание, а после зов
считаешь ты судьбой.

Ты — жим
штангиста, —
тыщу тонн подняв над головой.
Ты жив,
покуда не сметен
рекорд твой мировой.

Ты скороход,
и ты бетон
на мировом шоссе.
Но смерть придет,
прервав твой стон,
и ты — как все, как все.

* * *

Не грозный оклик палача
и не тоскливое изгнание —
меня, как автолихача,
наказывает знание.

Свою вину с собой влача,
влача свою беду,
как нарушитель правил, я
на лекцию иду.

Нет, лучше было все признать,
снести все, что положено,
но только ничего не знать,
не ведать по-хорошему.

Нет, что-то есть такое в них,
в тех тысячах прочтенных книг,
что сушит кровь, и ломит кость,
и в сердце колобродит.
А старость — тот незванный гость,
что встал и не уходит.

ЭНЕРГИЯ СТАРОСТИ

Какие тени налагает старость
на лбы, на щеки!
Какие пени налагает старость!
Какие важные уроки
она дает! Какие прегрешенья
она прощает!
Какие нам советует решенья!
С каких постов смещает!
Какие нам подсказывает строчки!
И, в общем, все дает.
Кроме отсрочки.

* * *

Уже не холодно, не жарко,
а так себе и ничего.
Уже не жалко ничего,
и даже времени не жалко.

Считает молодость года.
и щедро тратит годы старость.
О времени жалеть, когда
его почти что не осталось?

А для чего его жалеть —
и злобу дня и дни без злобы?
Моей зимы мои сугробы
повсюду начали белеть.

Не ремонтирую часов,
календарей не покупаю.
Достаточно тех голосов,
что подает мне ночь слепая.

* * *

От человека много сору
и мало толку,
и я опять затею ссору,
пусть втихомолку,
и я опять затею свару
с самим собою,
с усердно поддающей жару
своей судьбою.

По улице пройду и стану
жестикулировать,
судьбу свою я не устану
то регулировать,
то восхвалять, то обзывать,
и даже с маху
с себя ее поспешно рвать,
словно рубаху.

СТОЛБ В ОКНЕ

Бетонный столб поставили в окне.
Торчит он между мной и небесами.
А что от них осталось мне,
об этом умозаклучайте сами.

Перечеркнул пространства синеву.
В окно глядит, не скажет «здравствуй».
Отныне в переулке я живу,
а прежде в звездном обитал пространстве.

Когда в окошке дерево росло
и зеленело или облетало,
оно напомнить не могло число,
цифирь, штампованную из металла.

Фонарь не прибавляет свету мне:
я обходился звездами с луною.
Бетонный столб поставили в окне.
Меж вечностью поставили и мною.

* * *

Увидев в зеркале зеркало,
я, конечно, понял,
что превратился в зеркало.
Овладение
искусством отражения
и отражение
до обалдения
постепенно привели к тому,
что я превратился в зеркало
или же уподобился ему.
Была другая возможность,
что я
стал не зеркалом, а пустотою,
но все же я
хоть что-нибудь стою.
Сейчас еще разок проверю я,
спрошу у соседа,
исполнен доверия,
отражен
во мне он
или совершенно не отражен.

* * *

Историческую необходимость
на полкорпуса я обогнал,
а она за мною гонится
и кричит: «Остановись!»

Знаю, что, едва остановишься,
не отпустит вперед никогда.
Потому, соблюдая дистанцию,
не оглядываюсь, а бегу.

Что по ходу бега думается?
Вот что мыслится на бегу:
так ли ты необходима?
может, можно и без тебя?

Нет, не сдамся, не поддамся
и не дамся в руки тебе.
Может, я не из той истории,
где необходима ты.

* * *

Что бояться?
Не перебояться
всех, кто хочет грозить и пугать.
Лучше слогом шута и паяца
их отчаянно изругать.

Лучше криво гримасы строить
пусть избитому до крови,
чем уж льстиво массы трогать
изъявлениями любви.

Самовар, говорят, боялся
и старался кипеть в стороне
и в конце концов распаялся,
и притом на малом огне.

Сбитый с ног
и вставший на ноги,
сбитый с толку
и понявший все,
битый, тертый, я заново, наново
ощущаю и то и се.

Потому что у праха
нету страха.

РОЖОН

В охотоведенье — есть такой
музей, не хуже других, —
я гладил собственной рукой
рожон. Без никаких.

На пулеметы немецкие — пер.
На волю Господню — пер.
Как вспомнишь занесенный топор —
шибает в пот — до сих пор!

Но только вспоминать начну
Отечественную войну
и что-нибудь еще вспомяну —
все сводится к рожну.

Быть может, я молод очень был
и не утратил пыл,
быть может, очень сильно любил
и только потом — забыл.

Хочу последние силы собрать
и снова выйти на рать
и против рожна еще раз — прать
и только потом — умирать.

* * *

Никто не доказал, что впереди
прекраснее, чем позади,
и что прогресс разумнее регресса.
Срез века первого до Рождества
Христово
прогрессивнее едва
второго, после Рождества
Христово,
века
среза.

Но химия какая-то в крови,
механика какая-то в поступках
работают в погонщиках, в пастушках
и понукают нас: «Плыви

вперед, только вперед, всегда вперед,
тебе прогресс показан,
регресс тебе же противопоказан!»
И понуканье за душу берет.

Подстегивает той пастушки кнут.
Как ты ни ломан, бит и гнут,
плывешь! Против течения плывешь,
и завтрашним, грядущим днем живешь,
и вспять не возвращаешься обратно.

А почему — не ясно. Непонятно.

КАК СДЕЛАТЬ РЕВОЛЮЦИЮ

С детства, в школе,
меня учили,
как сделать революцию.
История,
обществоведение,
почти что вся литература
в их школьном изложении
не занимались в сущности ничем другим.
Начатки конспирации,
постановка печати за границей,
ее транспортировка через границу,
постройка баррикад,
создание ячеек
в казармах —
все это спрашивали на экзаменах.
Не знавший,
что надо первым делом
захватывать вокзал,
и телефон, и телеграф,
не мог окончить средней школы!
Однако,
на проходивших параллельно
уроках по труду
столяр Степан Петрович
низвел процент теории
до фраз:
это — рубанок.
Это — фуганок.
А это (пренебрежительно) — шерхебок.
А дальше шло:
вот вам доска!
Берите в руки
рубанок, и — конец теории!

Когда касалось дело революции,
конца теории
и перехода к практике —
не оказалось.

Теория,
изученная в школе
и повторенная
на новом, более высоком уровне
в университете,
прочитанная по статьям и книгам
крупнейших мастеров
революционной теории и практики,
ни разу не была проверена на деле.
Вообразите
народ,
в котором четверть миллиарда
прошедших краткий курс
(а многие — и полный курс)
теории,
которую никто из них
ни разу в жизни
не пробовал на деле!

ГЕРОЙ И ТОЛПА

Толпа, как хор в трагедии греческой.
Она исполнена важности жреческой.
Из ряду вон вышедший индивид
ее коробит или дивит.
Она поправляет
и тем управляет,
то сволочит,
то совестит,
то взывает,
то укрощает.
Она ничего тебе не простит,
хотя себе охотно прощает.

Но только свистнет кто-нибудь главный,
толпа не теряет времени зря:
с жестокостью надвигается плавной,
затаптывает,
слова не говоря.

* * *

В графе «преступление» — епископ.
В графе «преступление» — поп.
И вся — многотысячным списком —
профессия в лагерь идет.

За муки, за эти стигматы,
религия, снова живи.
И снова святые все святые.
Все Спасы — опять — на крови.

* * *

Неверующее государство
верило в чох, в сон,
в метафору: пастырь — паства
и в моральный закон,
в теории прошлого века,
славящие прогресс,
и к культу человека
испытывало интерес.

О, если б убавить веры
у атеистов тех.
О, если бы знали меру
своих фетишистских утех.
О, если б добавить сомненья
в собранья, газеты, кино.
О, если б разные мненья
высказывать было дано.

ХВАЛА ВЫМЫСЛУ

В этой повести ни одного,
ни единого правды слова.
А могло это случиться? Могло —
утверждаю торжественно снова.

Вероятя достигнуть легко
с помощью фотоаппарата.
Но в барокко и рококо
уведут баллада, шарада.

Там журчит золотистый ручей.
Там же пишут прерафаэлиты
поколенный портрет Аэлиты
с генуэзским разрезом очей.

Достоверностью мир утомлен,
ищет страусовые перья,
раздобыть которые он
может с помощью легковерья.

Ищет логики сна. Таблицы
умножения мифа и сна.
Знает: где-то по-прежнему длится
сказка. Ну хотя бы одна.

* * *

Вырабатывалась мораль
в том же самом цеху: ширпотреба, —
и какая далекая даль
пролегла от цеха до неба!

Вырабатывалась она,
словно кофточка: очень быстро,
словно новый букет вина
по приказу того же министра.

Как вино: прокисла уже,
словно кофточка: проносилась,
и на очередном рубеже
ту мораль вывозят на силос,

* * *

Вдох и выдох.
Выдохов больше
оказалось, чем вдохов.
Вот и выдохлись понемногу.

В результате этой зарядки
разрядились.

Приседания, и подскоки,
и топтопы, и «заложите
ваши руки за вашу шею»
или «сделайте шаг на месте».

Шаг на месте давно сменился
шагназадом, обратным, попятным.
Регулярные вдох и выдох
обернулись вульгарной одышкой.

* * *

Хвалить или молчать!
Ругать ни в коем разе.
Хвалить через печать,
похваливать в приказе,
хвалить в кругу семьи,
знакомому и другу,
повесить орден и
пожать душевно руку.
Отметить, поощрить,
заметить об удачах.
При этом заострить
вниманье на задачах,
на нерешенном, на
какой-нибудь детали.

Такие времена —
хвалебные —
настали.

* * *

Государственных денег не жалко,
слово чести для вас не звучит
до тех пор, пока толстою палкой
государство на вас не стучит.

Вас немало еще, многовато
невнимающих речи живой.
Впрочем, палки одной, суковатой,
толстой,
хватит на всех вас с лихвой.

В переводе на более поздний,
на сегодняшней, что ли, язык
так Иван Васильевич Грозный
упрекать своих ближних привык.

Так же Петр Алексеич Великий
упрекать своих ближних привык,
разгоня боярские клики
под историков радостный крик.

Что там пробовать метод учета,
и контроль, и еще уговор.
Ореола большого почета
палка не лишена до сих пор.

* * *

Опубликованному чуду
я больше доверять не буду.
Без тайны чудо не считается.
Как рассекретишь, так убьешь.
Даешь восстановление таинства!
Волхвов даешь!
Жрецов даешь!

* * *

Официальная общественность
теряет всякую вещественность.

Она была пайком и карточками
и славой мировой была.
Сейчас она сидит на корточках,
объедки ловит со стола.

Теперь усилия какие
нужны, какой десяток лет,
чтобы опять вернуть пайки ей,
вернуть лимит, вернуть пакет.

ПОЛНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ

Сытый — голодного, здоровый — больного
не понимает сегодня снова.

Начитанный не понимает невежды
и отнимает призрак надежды

на то, что суть не в необразованности,
а, напротив, в незаинтересованности,

в ловле эрудиционных блох,
а в остальном невежда не плох.

Невнимание и непонимание
достигают степени мании.

Уже у блондина для брюнета
никакого сочувствия нету.

Уже меломаны замкнулись в кружок,
чтобы послушать пастуший рожок,

слиони от предвкушенья пускают,
а пастуха туда не пускают.

СОЛОВЬИ И РАЗБОЙНИКИ

Соловьев заслушали разбойники
и собрали сборники
цокота и рокота и свиста —
всякой музыкальной шелухи.
Это было сбито, сшито, свито,
сложено в стихи.

Душу музыкой облагородив,
распотешив песнею сердца,
залегли они у огородов —
поджидать купца.

Как его дубасили дубиною!
Душу как пускали из телес!

(Потому что песней соловьиною
вдохновил и возвеличил лес.)

* * *

Психика всегда стоящих в очереди,
психика всегда идущих без —
эти психики друг дружке
движутся наперерез.

Государственники, охранители
свой правопорядок берегут,
беспорядка стражи и ревнители
через расписание бегут.

* * *

Умирают в своей постели!
И на этом вечном пределе
унижают в последний раз
столько раз униженных нас.

Не наплакавшись, не на плахе,
а с удобствами и в тепле,
нас оставив в крови и прахе,
завершают свой путь на земле.

И подписываем некрологи,
курим ладан, льем елей,
понимая, что эти налоги
тоже надо платить скорей.

ЗАТЕСАВШЕЕСЯ СТОЛЕТЬЕ

Не машинами — моторами
звали те автомобили,
запросто теперь с которыми —
а тогда чудесны были.

Авиатором пилота,
самолет — аэропланом,
даже светописью — фото
звали в том столетьи славном,

что случайно затесалось
меж двадцатым с девятнадцатым,
девятьсотым начиналось
и окончилось семнадцатым.

ПАВЕЛ-ПРОДОЛЖАТЕЛЬ

История. А в ней был свой Христос.
И свой жестокий продолжатель Павел,
который все устроил и исправил,
сломавши миллионы папирос,
и высыпавши в трубочку табак,
и надымивши столько, что доселе
в сознании, в томах, в домах
так до конца те кольца не осели.
Он думал: что Христос? Пришел, ушел.
Расхлебывать труднее, чем заваривать.
Он знал необходимость пут и шор
и действовать любил, не разговаривать.
Недаром разгонял набор он вширь
и увеличивал поля, печатая
свой евангелия. Этот богатырь
краюху доедал уже початую.
Все было сказано уже давно,
и среди сказанного было много лишнего.
Кроме того, по должности дано
ему было добавить много личного.
Завидуя инициаторам,
он подо всеми инициативами
подписывался, притворяясь автором
с идеями счастливыми, ретивыми.
Переселив двенадцать язык,
претендовал на роль в языкознании.
Доныне этот грозный окрик, зык
в домах, в томах, особенно в сознании.
Прошло ли то светило свой зенит?
Еще дают побеги эти корни.
Доныне вскакиваем, когда он звонит
нам с того света
по вертушке горней.

* * *

Стыдились своих же отцов
и брезговали родословной.
Стыдились, в конце концов,
истины самой дословной.

Был столь высок идеал,
который оказывал милость,
который их одевал,
которым они кормились,
что робкая ласка семьи
и ближних заботы большие
отталкивали. Свои
для них были только чужие.

От ветки родимой давно
дубовый листок оторвался.
Сверх этого было дано,
чтоб он обнаглел и зарвался.

И в рухнувший домик отца
вошел блудный сын господином,
раскрывшимся до конца
и блудным и сукиным сыном.

Захлопнуть бы эту тетрадь
и, если б бумага взрывалась,
то поскорее взорвать,
чтоб не оставалась и малость.

Да в ней поучение есть,
в истории этой нахальной,
и надо с улыбкой печальной
прочесть ее и перечесть.

ТРИДЦАТКИ

Вся армия Андерса — с семьями,
с женами и с детьми,
сомненьями и опасеньями
гонимая, как плетьюми,
грузилась в Красноводске
на старенькие суда,
и шла эта перевозка,
печальная, как беда.

Лились людские потоки,
стремясь излиться скорей.
Шли избранные потомки
их выборных королей
и шляхтичей, что на сейме
на компромиссы не шли,
а также бедные семьи,
несчастные семьи шли.

Желая вовеки больше
не видеть нашей земли,
прекрасные жены Польши
с детьми прелестными шли.
Пленительные полячки!
В совсем недавние дни
как поварихи и прачки
использовались они.

Скорее, скорее, скорее!
Как пену несла река
еврея-брадобрея,
буржуя и кулака,
и все гудки с пароходов
не прекращали гул,
чтоб каждый из пешеходов
скорее к мосткам шагнул.

Поевши холодной каши,
болея тихонько душой,
молча смотрели наши
на этот исход чужой,
и было жалко поляков,
детей особенно жаль,
но жребий не одинаков,
не высказана печаль.

Мне видится и сегодня
то, что я видел вчера:
вот восходят на сходни
худые офицера,
выхватывают из кармана
тридцатки и тут же рвут,
и розовые
за кормами
тридцатки
плывут, плывут.

О, мне не сказали больше,
сказать бы могли едва
все три раздела Польши,
восстания польских два,
чем

в радужных волнах мазута
тридцаток рваных клочки,
покуда раздета, разута,
и поправляя очки,
и кутаясь во рванину,
и женщин пуская вперед,
шла польская лавина
на английский пароход.

* * *

Крестьянская ложка-долбленка,
начищенная до блеска.
А в чем ее подоплека?
Она полна интереса.

Она, как лодка в бурю
в открытом и грозном море,
хлебала и щи и тюрю,
но больше беду и горе.

Но все же горда и рада
за то, что она, бывало,
единственную награду
крестьянину добывала.

Она над столом несется,
губами, а также усами
облизанная, как солнце
облизано небесами.

Крестьянской еды дисциплина:
никто никому не помеха.
Звенит гончарная глина.
Ни суеты, ни спеха.

Вылавливая картошки,
печеные и простые,
звонят деревянные ложки,
как будто они золотые.

НИКИФОРОВНА

Дослужила старуха до старости,
а до пенсии — не дожила.
Небольшой не хватило малости:
документик один не нашла.

Никакой не достался достаток
ей

на жизни самый остаток.
Все скребла она и мела
и, присаживаясь на лавочку,
на скамеечку у дверей,
про затерянную справочку —
ох, найти бы ее поскорей —
бестолково вслух мечтала,
а потом хватала метлу
или старый веник хватала,
принималась скрести в углу.

Все подружки ее — в могиле.
Муж — убит по пьянке зазря.
Сыновья ее — все погибли.
Все разъехались — дочеря.
Анька даже письма не пишет,
как там внучек Петя живет!

И старуха на пальцы дышит:
зябко, знобко!
И снова метет.
Зябко, знобко.
Раньше зимою
было холодно,
но давно
никакого июльского зноя
не хватает ей все равно.

Как бы там ни пекло — ей мало.
Даже валенок бы не снимала,
но директор не приказал.
— Тапочки носите! — сказал.

Люди — все хорошие. Яблочко
секретарша ей принесла,
а директор присел на лавочку
и спрашивал, как дела.
Полумесячную зарплату
дали: премию в Новый год.
Все равно ни складу ни ладу.
Старость, слабость
скребет, метет.
Люди добрые все, хорошие
и сочувствуют: как житье? —
но какой-то темной порошею
запорошивает ее.

Запорошивает, замечает,
отмечает ее ото всех,
и ей кажется,
что не тает
даже в августе
зимний снег.

* * *

Конечно, обозвать народ
толпой и чернью —
легко. Позвать его вперед,
призвать к ученью —
легко. Кто ни практиковал —
имел успехи.
Кто из народа не ковал
свои доспехи?

Но, кажется, уже при мне
сломалось что-то
в приводном ремне.

НЕ ТАК УЖ ПЛОХО

Распадаются тесные связи,
упраздняются совесть и честь,
и пытаются грязи в князи
и в светлейшие князи пролезть.

Это время — распада. Эпоха —
разложения. Этот век
начал плохо и кончит плохо.
Позабудет, где низ, где верх.

Тем не менее в сутках по-прежнему
ровно двадцать четыре часа,
и над старой землею по-прежнему
те же самые небеса.

И по-прежнему солнце всходит
и посеянное зерно
точно так же усердно всходит,
как всходило давным-давно.

И особенно наглые речи,
прославляющие круговерть,
резко, так же, как прежде, и резче
обрывает внезапная смерть.

Превосходно прошло проверку
все на свете: слова и дела,
и понятия низа и верха,
и понятия добра и зла.

МЕЖДУ СТОЛЕТИЯМИ

Захлопывается, закрывается, зачеркивается столетье.
Его календарь оборван, солнце его зашло.
Оно с тревогой вслушивается в радостное междометье,
приветствующее преемствующее следующее число.
Сто зим его, сто лет его, все тысяча двести месяцев
исчезли, словно и не было, в седицах времен серебрясь,
очередным поколением толчется сейчас и месится
очередного столетия очередная грязь.
На рубеже двадцать первого я, человек двадцатого,
от напряженья нервного, такого, впрочем, понятного,
на грозное солнце времени взираю из-под руки:
столетия расплываются, как некогда материки.
Как Африка от Америки
когда-то оторвалась,
так берег века — от берега —
уже разорвана связь.
И дальше, чем когда-нибудь,
будущее от меня,
и дольше, чем когда-нибудь,
до следующего столетья,
и хочется выкликнуть что-нибудь,
его призывая, маня,
и нечего кликнуть, кроме
тоскливого междометья.
То вслушиваюсь, то всматриваюсь, то погляжу, то взгляну.
Итожить эти итоги, может быть, завтра начну.
О, как они расходятся,
о, как они расползаются,
двадцатый
и двадцать первый,
мой век
и грядущий век,
для бездн, что между ними трагически разверзаются,
мостов не напасешься,
не заготовишь вех.

* * *

Поезд двигался сразу в несколько тупиков — у метафор для этого есть большие возможности. Путь движения поезда именно был таков, потому что у поезда были большие сложности.

Поезд должен был свергнуться в несколько пропастей, каждой из которых было достаточно слишком. Наблюдатели ждали только очень плохих вестей и предавались только очень печальным мыслишкам.

Несколько пророков оспаривали честь первого предсказания гибели поезда этого. Несколько пороков, они говорили, есть, каждого с лихвою достаточно для этого.

Несколько знаменитых похоронных контор в спорах вырабатывали правильное решение: то ли откос угробит, то ли погубит затор, — даже не обсуждая предотвращение крушения.

Чай уже разносили заспанные проводники, заспанные пассажиры лбы прижимали к окнам, дни, идущие в поезде, были спокойны, легки, и домино гремело под предложение «Кокнем!».

* * *

Есть итог. Подсчитана смета.
И труба Гавриила поет.
Достоевского и Магомета
золотая падучая бьет.

Что вы видели, когда падали?
Вы расскажете после не так.
Вы забыли это, вы спрятали,
закатили, как в щели пятак.

В этом дело ли? Нет, не в этом,
и событию все равно,
будет, нет ли, воспето поэтом
и пророком отражено.

Будет, нет ли, покуда — петли
Парки вяжут из толстой пеньки,
сыплет снегом и воют ветры
человечеству вопреки.

* * *

Ракеты уже в полете, и времени вовсе нет,
не только, поскольку сам я скоро вовсе замлею,
но и для той легкомысленнейшей из небесных планет,
которая очень скоро не будет зваться землею.

А сколько все-таки времени?

Скажем, сорок минут.
Сейчас они пролетают (ракеты)
друг мимо друга,
и ядерные заряды ядерным подмигнут,
и смертоносной метели кивнет смертельная выюга.

О, если б они столкнулись, чокнулись там вверху,
ракета, ударив ракету, растаяла бы в стратосфере.
О, если бы антиракеты не опоздали, успели
предел поставить вовремя глупости и греху!

Но, словно чертеж последний вычерчивающий Архимед,
и знающий, и не знающий, что враг уже за спиною,
и думают, и не думают люди
про гонку ракет,
и ведая, и не ведая, что миру делать с войною.

Все кончается травой.
Окружив живое,
мертвое продрав,
побеждает раса трав.

Прорастает сквозь другие расы,
все бывшее прободав быльем.
А другого не было ни разу
на пути, история, твоём.

Как узки дороги! Как бескрайни
степи, прерии и ковыли.
Бабочкой вдоль киноэкрана
пролетели мы по ним, прошли.

Между тем, трава, сникая к осени,
возникает сызнова весной,
как ее ни топчем и ни косим,
как ни сыплет снег, ни жарит зной.

Травы. Бесконечные оравы,
лавы наступающей травы
старше Рима, Атики, Москвы,
и правее правых это право.

Главное, претензий нет:
гнут — сгибается,
как японец битый, улыбается,
улучит мгновенье — разгибается,
опрокидывает гнет.

Не прошло столетья —
заросло травой лихолетье,
и зеленой крепкой плетью
перешло каменное зло.
Заросло.

* * *

Будущее футуристов — Сад Всеобщих Льгот,
где сбудутся сны человечества и его не разбудят.
Будущее футурологов — просто будущий год:
будет он или не будет.

Будущее футуристов — стеклянные дворцы
(они еще не знали, как холодно в них и странно).
Будущее футурологов — всеобщие концы:
заканчиваются народы, завершаются страны.

Будущее футуристов — полеты на луну
(они еще не знали, как холодно там и пусто).
Будущее футурологов — прикинь на машине, взгляну,
когда, по всей вероятности, изрубят меня, как капусту.

Те самые желтые кофты, изношенные давно,
сегодня воспринимаются как радости униформа.
И быстро, как скорый поезд мимо дачной платформы,
проносится истории немеющее кино.

* * *

Распад созвездья с вызовом звезды
на независимую от него орбиту,
и пестрые кометные хвосты
сулят, что будут ломаны и биты,
что будут вдрызг обрушены миры,
что космос загорится и истлеет
и разве головешка уцелеет
от всей организованной игры,
от целой гармонической структуры.

Не до искусства,
не до литературы!

НА ФИНИШЕ

Значит, нет ни оркестра, ни ленты
там, на финише. Нет и легенды
там, на финише. Нет никакой.
Только яма. И в этой яме,
с черными и крутыми краями,
расположен на дне покой.

Торопиться, и суетиться,
и в углу наемном ютиться
ради голубого дворца
ни к чему, потому что на финише,
как туда ни рванешься, ни кинешься,
ничего нету, кроме конца.

Но не надо и перекланиваться,
и в отчаянии дозваниваться,
и не стоит терять лица.
Почему? Да по той же причине:
потому что на финишной линии
ничего нету, кроме конца.

ДОМОИ!

Расходимся по домам,
застрявшие на рубеже.
Все те, кто нас поднимал,
давно разошлись уже.

Они разошлись давно —
кто как, кто мог, кто куда.
Им так теперь все равно!
Беда им уже — не беда!

Когда-то было легко
уйти из домов поутру,
но это столь далеко,
что слова не подберу.

Теперь легко молодым —
пора веселых ребят,
и то, что нам невподым,
теперь молодым впопад.

Подобно черным дымам,
летающим по городам,
расходимся по домам,
расходимся по домам.

ИГРА В КИРПИЧИ

Битых кирпичей было столько,
что не бросить их было нельзя.
Развивая в себе стойкость стойка,
понимая, такая стезя,
в детства нашего в самом начале
утверждали мы: все нипочем,
и бросались мы кирпичами,
битым, ломаным кирпичом.

Небольшую дистанцию выбрав —
метров несколько, щебню набрав,
ритуальный твердили мы вызов,
проверяли характер и нрав.
В детства нашего самом начале
утверждали мы: все нипочем,
и бросались мы кирпичами,
битым, ломаным кирпичом.

Столько битв и ломало и било,
столько войск перло против рожна,
столько войн на земле этой было,
и гражданская даже война!
Нам всего не хватало. Обломков
нам хватало — повсюду скрипят.
Мы бросали их точно и ловко,
попадали в себя и в ребят.

Целить в голову нам не хотелось.
Чаще целили мы по ногам.
Победить помогала нам смелость
и азарт молодой помогал.
В детства нашего самом начале
утверждали мы: все нипочем,
и бросались мы кирпичами,
битым, ломаным кирпичом.

ВНЕЗАПНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Жилец схватился за жилет
и пляшет.
Он человек преклонных лет,
а как руками машет,
а как ногами бьет паркет
схватившийся за свой жилет
рукою,
и льется по соседу пот
рекою.

Все пляшет у меховщика:
и толстая его щека,
и цепь золотая,
и белизна его манжет,
и профессиональный жест —
почти летая.
И достигают высоты
бровей угрюмые кусты
и под усами зыбко
бредущая улыбка.

А я — мне нет и десяти,
стою и не могу уйти:
наверно, понял,
что полувека не пройдет
и это вновь ко мне придет.
И вот — я вспомнил.

Да, память шарит по кустам
десятилетий. Здесь и там
усердно шарит.
Ей все на свете нипочем.
Сейчас бабахнет кирпичом
или прожекторным лучом
сейчас ударит.

Трибуна

Вожди из детства моего!
О каждом песню мы учили,
пока их не разоблачили,
велев не помнить ничего.
Забыть мотив, забыть слова,
чтоб не болела голова.

...Еще столица — Харьков. Он
еще владычен и державен.
Еще в украинской державе
генсеком правит Косиор.

Он мал росточком, коренаст
и над трибуной чуть заметен,
зато лобаст, и волей мечен,
и спуску никому не даст.

Иона рядом с ним, Якир
с лицом красавицы еврейской,
с девическим лицом и резким,
железным
вымахом руки.

Петровский, бодрый старикан,
специалист по ходакам,
и Балицкий, спец по расправам,
стоят налево и направо.

А рядышком: седоволос,
высок и с виду — всех умнее,
Мыкола Скрыпник, наркомпрос.
Самоубьется он позднее.

Позднее: годом ли, двумя,
как лес в сезон лесоповала,

наручниками загремя,
с трибуны загремят в подвалы.

Пройдет еще не скоро год,
еще не скоро их забудем,
и, ожидая новых льгот,
мы, площадь, слушаем трибуну.

Низы,
мы слушаем верхи,
а над низами и верхами
проходят облака, тихи,
и мы следим за облаками.

Какие нынче облака!
Плывут, предчувствий не тревожа.
И кажется совсем легка
истории большая ноша.

Как день горяч! Как светел он!
Каким весна ликует маем!
А мы идем в рядах колонн,
трибуну с ходу обтекаем.

бога или же мать поминая,
шла колонна,
трусов сминая,
близ несчастья,
вдоль по беде.

Вспоминаю и разумею,
что без тех осенних дождей
и угрюмых ротных вождей
не сумел бы
того, что умею,
не дошел бы,
куда дошел,
не нашел бы
то, что нашел.

В САМОМ КОНЦЕ ВОЙНЫ

Смерть стояла третьей лишней
рядом с каждым двумя
или же четвертой лишней
рядом с каждым тремя.

До чего к ней все привыкли?
До того к ней все привыкли,
что, когда она ушла,
я сказал: «Ну и дела!

Что же буду делать я
без нее, в углу молчащей,
заходящей в гости чаще,
чем родные и друзья?»

Угол пуст. Ответа нет.
Буду жить теперь иначе,
в этом мире что-то знача,
даже если смерти нет.

В бытии себя упроча,
надо вверх идти, вперед,
хоть со смертью было проще,
было менее забот.

МОИ МОЛОДЫЕ ТОВАРИЩИ

Мои молодые товарищи
давно перешли в сказанья
и старше Ивана Грозного
с опричниной
и Казанью.

Мои молодые товарищи
древней богатырских былин,
Киевского цикла
и Новгородского цикла.

Как к лету земля привыкла
и как к зиме привыкла,
она привыкла к товарищам,
павшим
в бою за Берлин.

Когда ночами бессонными
они приходят ко мне,
когда перстами беззвучными
они меня нежно будят,
мне кажется:
мы причастны
к самой главной войне.
Такой, наверное, не было.
Конечно, такой не будет.

Оружье моих товарищей
коррозия не берет,
и возраст моих товарищей
самое время не старит.
Я шел и остановился.
Они шагают вперед.
О чем-то тихо толкуют
или неслышно гутарят.
Они обсуждают в подробностях
умолкнувшие бои.
Как молоды
молодые
товарищи мои!

* * *

А в общем, ничего, кроме войны!
Ну хоть бы хны. Нет, ничего. Нисколько.
Она скрипит, как инвалиду — койка.
Скрипит всю ночь вдоль всей ее длины.

А до войны? Да, юность, пустяки.
А после? После — перзрелость, старость.
И в памяти, и в сердце не осталось,
кроме войны, ни звука, ни строки.

Война? Она запомнилась по дням.
Все прочее? Оно — по пятилеткам.
Война ударом сабли метким
навек развалила сердце нам.

Все прочее же? Было ли оно?
И я гляжу неузнающим взглядом.
Мое вчера прошло уже давно.
Моя война еще стреляет рядом.

Конечно, это срыв, и перебор,
и крик,
и остается между нами.
Но все-таки стреляет до сих пор
война
и попадает временами.

ЖЕЛАНЬЕ ПОЕСТЬ

Хотелось есть.
И в детстве
и в отрочестве.
В юности тоже хотелось есть.
Не отвлекали помыслы творческие
и не мешали лезть и мезть
аппетиту.
Хотелось мяса.
Жареного, до боли аж!
Кроме мяса
имелась масса
разных гастрономических жажд.

Хотелось выпить и закусить,
повторить, не стесняясь счетом,
а потом наивно спросить:
— Может быть, что-нибудь есть еще там?

Наголодавшись за долгие годы,
хотелось попросить судьбу
о дарованье единственной льготы:
жрать!
Чтоб дыханье сперло в зобу.

Думалось: вот наемся, напьюсь
всего хорошего, что естся и пьется,
и творческая жилка забьется,
над вымыслом слезами оболуюсь.

О СТИХАХ НА СЛУЧАИ

Какие случаи случались,
а вот стихи не получались.
Да, было в случаях такое,
что поэтической рукою
касаться страшно было их
и стыдно, совестно — других,
а третьих — просто неудобно,
а некоторых — нелегко:
случившееся ведь от догмы
поэзии так далеко.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАДМЕННОСТЬ

Тяжело быть поэтом с утра до вечера,
у иных же — и с вечера до утра,
вычленяя из облика человеческого
только рифму, ритм, вообще тра-ра-ра.

Если жизнь есть сон, то стихи — бессонница.
Если жизнь — ходьба, то поэзия пляс.
Потому-то поэты так часто ссорятся
с теми, кто не точит рифмованных ляс.

Эта странность в мышлении и выражении,
эта жизнь, заключенная крепко в себе,
это — ежедневное поражение
в ежедневно начатой вновь борьбе.

Не люблю надменности поэтической,
может быть, эстетической,
вряд ли этической.
Не люблю вознесения этой беды
выше, чем десяти поколений труды.

Озираясь, как будто бы чуя погоню,
голову боязливо втянув в воротник,
торопливо, надменно, робко и беспокойно
мы, поэты, проходим меж всяких иных.

ОБЪЕКТИВНАЯ ЭПИТАФИЯ

Когда велик, когда и невелик,
зато свое болото, как кулик,
не уставая, не переставая,
хвалил,
болота прочие хулил,
пылал к ним ненавистью, не остывая.

И благородных, и неблагородных,
и злых, и добрых чувств
немало он
воспел, прославил и возвел в канон,
обычай чтил, но исполнял закон
и превосходным русским языком,
с которым был с младенчества знаком,
пять или шесть грехов общенародных
запечатлел навеки в бронзе он.

* * *

Увидимся ли когда-нибудь?
Земля слишком велика,
а мы с вами — слишком заняты.
Расстанемся на века.

В какой-нибудь энциклопедии
похожесть фамилий сведет
твое соловьиное пение
и мой бытовой оборот.

А в чьих-нибудь воспоминаниях
в соседних упоминаниях
меня и вас учтут
и в перечне перечтут.

МЛАДШИМ ТОВАРИЩАМ

Я вам помогал
и заемных не требовал писем.
Летите, товарищи,
к вами умышленным высям,
езжайте, товарищи,
к вами придуманным далям,
с тем голодом дивным,
которым лишь юный снедаем.

Я вам переплачивал,
грош ваш рублем называя.
Вы знали и брали,
в момент таковой не зевая.
Момент не упущен,
и вечность сквозь вас просквозила,
как солнечный луч
сквозь стекляшку витрин магазина.

Мне не все равно,
что из этого вышло.
Крутилось кино,
и закона вертелось дышло,
но этот обвал
обвалился от малого камня,
который столкнул
я своими руками.

* * *

Ни ненависти, ни зависти
к этой шумливой завязи
иных цветов и деревьев.
Я в эти сферы не лез.
Я с ними соприкасался,
но только по касательной,
хотя иногда касался
их мой перст указательный.
Я не эталон, не мера.
Мне вторить — напрасный труд.
Пускай с меня примера
они никогда не берут.

* * *

— Что вы, звезды?
— Мы просто светим.
— Для чего?
— Нам просто светло. —
Удрученный ответом этим,
самочувствую тяжело.

Я свое свечение слабое
обуславливал
то ли славою,
то ли тем, что приказано мне,
то ли тем, что нужно стране.

Оказалось, что можно просто
делать так, как делают звезды:
излучать без претензий свет.
Цели нет и смысла нет.

Нету смысла и нету цели,
да и светишь ты еле-еле,
озаряя полметра пути.
Так что не трепись, а свети.

* * *

Хорошо бы, жив пока,
после смерти можно тоже,
чтобы каждая строка
вышла, жизнь мою итожа.

Хорошо бы самому
лично прочитать все это,
ничему и никому
не передоверив это.

Можно передоверять,
лишь бы люди прочитали,
лишь бы все прошло в печать —
мелочи все и детали.

* * *

Нарушались правила драки.
Вот и все. Остальное — враки.

То под дых, то в дух, то в пах.
Крови вкус — до сих пор в зубах.

В деснах точно так же, как в нёбе.
На земле точно так же, как в небе,

сладкий, дымный, соленый, парной
крови вкус во мне и со мной.

До сих пор по взору, по зраку
отличаю тех, кто прошел
через кровь, через драку,
через мордой об стол.

* * *

Я ранняя пташка.
Я вылетел раньше других.
Ромашка, да кашка,
да вихря рассветного гик.
А поздние птахи
мечтали во страхе,
чтоб сбил меня,
сдул меня,
сшиб меня с облака вихрь.

Я ранняя птаха,
и поздние птахи меня не поймут.
Они без размаха
считают: титанов родит титанический труд.
Но проще и легче,
опасней и легче,
смертельней и легче, когда
подставлены плечи
под гибель заместо труда.

* * *

Золотую тишину Вселенной,
громкую, как негритянский джаз,
записали на обыкновенной
ленте. Много, много, много раз.

Сравниваю записи. Одна —
межпланетная тишина.
Если дальше глянуть по программе —
тишина в заброшенном храме.

Эту тишину — погибший взвод,
ту — законсервированный завод
издают и излучают.
Впрочем, их почти не отличают,

КЛИМАТ НЕ ДЛЯ ЧАСОВ

Этот климат — не для часов.
Механизмы в неделю ржавеют.
Потому, могу вас заверить,
время заперто здесь на засов.

Время то, что, как ветер в степи,
по другим гуляет державам,
здесь надежно сидит на цепи,
ограничено звоном ржавым.

За штанину не схватит оно.
Не рванет за вами в погоню.
Если здесь говорят: давно, —
это все равно что сегодня.

Часовые гремуче храпят,
проворонив часы роковые,
и дубовые стрелки скрипят,
годовые и вековые.

А бывает также, что вспять
все идет в этом микромире:
шесть пробьет,
а за ними — пять,
а за ними пробьет четыре.

И никто не крикнет: скорей!
Зная, что скорей — не будет.
А индустрия календарей
крепко спит, и ее не будят.

СЕНЬКИНА ШАПКА

По Сеньке шапка была, по Сеньке!
Если платили малые деньги,
если скалдырничали, что ж —
цена была Сеньке и вовсе грош.

Была ли у Сеньки душа? Была.
Когда напивался Сенька с получки,
когда его под белые ручки
проводжали вплоть до угла,

он вскрикивал, что его не поняли,
шумел, что его довели до слез,
и шел по миру Семен, как по миру, —
и сир, и наг, и гол, и бос.

Только изредка, редко очень,
ударив шапкой своею оземь,
Сенька торжественно распрямлялся,
смотрел вокруг,
глядел окрест
и быстропоспешно управлялся
со всей историей
в один присест.

РУКА И ДУША

Не дрогнула рука!
Душа перевернулась,
притом совсем не дрогнула рука,
ни на мгновенье даже
не запнулась,
не задержалась даже
и слегка.

И, глядя
на решительность ее —
руки,
ударившей,
миры обруша, —
я снова не поверил в бытие
души.
Наверно, выдумали душу.

Во всяком случае,
как ни дрожит
душа,
какую там ни терпит
муку,
давайте поглядим на руку.
Она решит!

СЛОВО «ЗАПАДНИК» И СЛОВО «СЛАВЯНОФИЛ»

В слове «западник» корень и окончание
славянофильствуют до отчаянья.

А на слове «славянофил»
запад плющ словесный навил.

В общем, логике не уступает,
поддаваться не хочет язык,
как захочет, так поступает,
совершает так, как привык.

О СМЕРТНОСТИ ЮМОРА

Остроумие вымерло прежде ума
и растаяло, словно зима
с легким звоном сосуллек
и колкостью льдинок.
Время выиграло без труда поединок.

Прохудились, как шубы на рыбьем меху,
и остроты, гонимые наверху,
и ценимые в самых низах анекдоты,
развивавшие в лицах все те же остроты.

Видно, рвется, где тонко,
и тупится, где
острие заостреннее, чем везде.
Что легко, как сухая соломка,
как сухая соломка, и ломко.

Отсмеявшись, мы жаждем иных остряков,
а покуда внимаем тому, кто толков,
основателен, позитивен, разумен
и умен,
даже если и не остроумен.

* * *

И лучшие, и худшие, и средние —
весь корпус человечества, объем —
имели осязание и зрение,
владели слухом и чутьем.

Одни и те же слышали сигналы,
одну и ту же чуяли беду.
Так неужели чувства им солгали,
заставили сплясать под ту дуду?

Нет, взгляд был верен, слух был точен,
век в знании и рвении возрос,
и человек был весь сосредоточен
на том, чтоб главный разрешить вопрос.

Нет, воли, кроме доброй, вовсе не было,
предупреждений вой ревел в ушах.
Но, не спуская взоры с неба,
мир все же в бездну свой направил шаг.

* * *

Хватит ли до смерти? Хватит.
Хватит на мой век с верхо́м.
И когда морозец схватит
зеркало воды ледком,

я уйду под лед, бедняга,
век за мною — не нырнет,
и хладеющая влага
надо мною льды сомкнет.

Я уйду, а век продлится
после кратких лет моих.
Каплею успев пролиться,
каплей высохну я вмиг.

Не дошедший до преддверья
века нового — уйду,
не узнавши, не проверя
его счастье и беду.

* * *

Все калечится и увечится.
Вымогает сон и покой.
Вся надежда — на человечество.
На себя — уже никакой.

Вся надежда — на ход исторический,
поступательный. На прогресс.
И в надежде той исторической
ты теряешь к себе интерес.

Вся надежда — на надежду,
что еще дотлевет в тебе.
Уголек, что еще не погас,
закрывающиеся вежды
раскрывает в последний раз.

* * *

Совесьть ночью, во время бессонницы,
несомненно, изобретена.
Потому что с собой поссориться
можно только в ночи без сна.
Потому что ломается спица
у той пряжи, что вяжет судьбу.
Потому что, когда не спится,
и в душе находишь судью.

ДЫХАНИЕ В ЗАТЫЛОК

Неустройство сосудов, сумятица жил,
грусть в душе, меланхолия в сердце тупая.
В общем:

— Вы в этом веке уже старожил, —
говорит новосел, место мне уступая.

Уступает мне место народ молодой,
ожидая, когда же свое уступлю я —
не в метро! За живой и за мертвой водой
место в очереди уступлю чистоплюю,

у которого руки чисты и душа
словно щеткой зубной до сиянья надраена.
Ожидает, когда я уйду.
Не спеша
ожидает,
как водопровода — окраина.

В общем, это закон и — люблю — не люблю —
все под ним, по истории и наблюдениям.
Терпеливо слежу за насмешливым бдением.
Терпеливо дыханье в затылок терплю.

ЛЮБИМАЯ ОБИДА

Старые обиды не стареют.
Ты стареешь, но обида — нет.
Снова потихоньку душу греет,
полегоньку, словно звездный свет.

Не сноситься ей, не прохудиться!
До конца судиться и рядиться,
до смерти качать права
она,
старая и слабая,
должна.

Не подвержена нисколько хворости
и не уставая от труда,
не имея паспортного возраста,
старая обида — молода!

Кулаком слабеющим машу, —
верно, недругу не быть им биту, —
восхищенные стихи пишу
про свою любимую обиду.

ДАВАЙ ПОЙДЕМ ВДВОЕМ

Уже давным-давно,
в сраженье ежедневном,
то радостном, то гневном,
мы были заодно:

делили пополам
все то, что получали,
удачи и печали,
прогулки по полям,

победы, и посты,
и зорьку, что алела.
Как у меня болело,
когда болела ты!

Все на двоих! Обид —
и тех мы не дробили.
Меня словно избили,
когда тебя знобит.

Смущаясь и любя,
без суеты и фальши,
я вновь зову тебя:
пойдем со мною дальше!

* * *

Как бы чувства ни были пылки,
как бы ни были долги пути,
очень тесно стоят могилки,
очень трудно меж них пройти.

Территория мертвого уже,
чем живой рассчитывать мог,
и особенно — если лужи
и тропинка ползет между ног.

К точке сведены все пространства.
Все объемы в яму вошли.
Охлаждаются жаркие страсти
от сырой и холодной земли.

* * *

Это не беда.
А что беда?
Новостей не будет. Никогда.

И плохих не будет?
И плохих.
Никогда не будет. Никаких.

* * *

Век вступает в последнюю четверть.
Очень мало непройденных вех.
Двадцать три приблизительно через
года — следующий век.

Наш состарился так незаметно,
юность века настолько близка!
Между тем ему на замену
подступают иные века.

Между первым его и последним
годом

жизни моей весь объем.

Шел я с ним — сперва дождиком летним,
а потом и осенним дождем.

Скоро выпадут снегом, снегом
вместе с ним, двадцатым веком.

За порог его не перейду,
и заглядывать дальше не стану,
и в его сплоченном ряду
прошагаю, пока не устану,
и в каком-нибудь энском году
на ходу
упаду.

* * *

Говорят, что попусту прошла
жизнь: неинтересно и напрасно.
Но задумываться так опасно.
Надо прежде завершить дела.

Только тот, кто сделал все, что смог,
завершил, поставил точку,
может в углышке листочка
сосчитать и подвести итог:

был широк, а может быть, и тесен
мир, что ты усердно создавал,
и напрасен или интересен
дней грохочущий обвал,

и пассивно или же активно
жизнь прошла, —
можно взвесить будет объективно
на листочке, на краю стола.

На краю стола и на краю
жизни я охотно осознаю
то, чего пока еще не знаю:
жизнь мою.

СТОЛЕТИЯ В СРАВНЕНЬЕ

Девятнадцатый век отдаленнее
и в теории
и на практике
и Танзании,
и Японии,
и Австралии,
и Антарктики.
Непонятнее восемнадцатого
и таинственнее семнадцатого.
Девятнадцатый век — исключение,
и к нему я питаю влечение.

О, пускай исполненье отложено
им замысленных помыслов всех!
Очень много было хорошего.
Очень много поставлено вех.

Словно бы впервые одумалось
и, одумавшись, призадумалось,
оценило свое калечество
разнесчастное человечество.
И с внимательностью осторожной
пожалело впервые оно
женщину,
на железнодорожное
с горя
бросившую
полотно.

Гекатомбы и армагеддоны
до и после,
но только тогда
индивидуального стона
общая
не глушила беда.

До и после
от славы шалели,
от великих пьянели идей.
В девятнадцатом веке жалели,
просто так — жалели людей.

Может, это и не годится
и в распыл пойдет,
и в разлом.
Может, это еще пригодится
в двадцать первом и в двадцать втором.

ВЕЧЕРНИЙ АВТОБУС

Смирно ждут автобус —
после смены все ведь, —
нехотя готовясь —
нечего поделать —
и к тому, что тесно,
и к тому, что душно
и неинтересно,
а вот так, как нужно.

Двадцать остановок,
тридцать километров
в робах и обновах,
с хрустом карамелек,
с шорохом газетным —
плохо видно только.
Тридцать километров
вытерпим тихонько.

А в окошко тянет
запахами сада.
Может, кто-то встанет:
я, наверно, сяду.
А в окошко веет
запахами леса,
и прохладный ветер
расчудесно лезет.

И пионерлагерь
звуки горна тычет,
и последний шлягер
мой сосед мурлычет.

И все чаще, чаще,
и все пуще, пуще
веет запах чащи,
веет запах пуши.
И ночное небо
лезет в дом бегучий,
и спасенья нету
от звезды падучей.

КУЗЬМИНИШНА

Старуха говорит, что три рубля
за стирку — много.
И что двух — довольно.
Старуха говорит, что всем довольна,
родила б только хлебушко земля.

Старуха говорит, что хорошо
живет
и, ежели войны не будет,
согласна жить до смерти.
Молоко
с картошкой
пить и есть в охотку будет.

Старуха говорит, что над рекою
она вечер слыхала соловья.
— Пощелкал, и всю хворь
сняло рукою.
Заслушалась,
зарадовалась я!

КОНЦЕРТ В ГЛУБИНКЕ

Пока столичные ценители
впивают мелос без конца,
поодаль слушают певца,
народных песен исполнителя,
здесь проживающие жители:
казах в железнодорожном кителе,
киргиз с усмешкой мудреца —
поодаль слушают певца.

Им текст мелодии нужней,
а что касается мелодии,
она живет в своем народе, и
народ легко бытует в ней.

Понятно им, что не понятно
для кратковременных гостей.
Что проезжающим понятно,
их пробирает до костей.

Убога местная эстрада
и кривобока без конца,
но публика и этой рада:
поодаль слушает певца.

А он, как беркут на ладони,
на коврике своем сидит,
пока стреноженные кони
жуют траву. Он вдаль глядит,
и струны он перебирает
и утирает пот с лица.
А он поет. А он играет.
А те, чей дух в груди спирает,
поодаль слушают певца.

СЕМЕЙНАЯ ССОРА

Ненависть! Особый привкус в супе.
Суп — как суп. Простой бульон по сути,
но с щепоткой соли или перцу —
даром ненавидящего сердца.

Ненависть кровати застилает,
ненависть тетради проверяет,
подметает пол и пыль стирает:
из виду никак вас не теряет.

Ничего не видя. Ненавидя.
Ничего не слыша. Ненавидя.
Вздрагивает ненависть при виде
вашем. Хвалите или язвите.

А потом она тихонько плачет,
и глаза от вас поспешно прячет,
и лежит в постели с вами рядом,
в потолок уставясь долгим взглядом.

МЕЛОЧЬ ПОД НОГАМИ

Хорошо заработать деньги.
Большущие!
Еще лучше — просто найти в траве
эти гривенники, терпеливо ждущие,
эту бронзу — по копейке, по две.

Если под ноги взглядываешь умеючи
и при этом больших новостей не ждешь,
ни за что не пройдешь мимо медной мелочи!
Никогда не пройдешь!

Замечаешь сначала, орел или решка.
Все равно, орел или решка!
Усмешка
от подарка не столь уж щедрой судьбы
проползает меж верхней и нижней губы.

В регулярном, как Петербург петровский,
мире
людям хочется и рублей,
и случайной мелочи, звонкой, броской,
и викторий гром,
и блеск ассамблей.

В мире жесткой плановой необходимости
и бредущих по расписанью ракет
хорошо из-под шкафа метлою вымести
запропавший век назад брегет.

Хорошо, что еще не списан случай
со счетов, не сброшен со стола,
хорошо
в традиции самой лучшей
иногда сказать:
была — не была!

ЗАШЕДШИЙ РАЗГОВОР

Д. Самойлову

Разговор зашел как гость,
словно в гости гость заходит.
Он зашел и не уходит,
хоть идет и вкривь и вкось.

Он зашел издалека,
и дорога разговора
не проста и не легка.
Он уйдет теперь не скоро.

Не боится он угроз,
женских слез,
чужого толка,
раз уж он
зашел всерьез,
если он
зашел надолго.

Не щадя ночного сна,
даже утренней работы,
выяснит
все доясна,
разрешит он все заботы.

ЗНАКОМСТВО С НЕЗНАКОМЫМИ ЖЕНЩИНАМИ

Выполнив свой ежедневный урок—
тридцать плюс-минус десять строк,
это примерно полубаллада, —
я приходил в состояние лада,
строя и мира с самим собой.
Я был настолько доволен судьбой,
что — к тому времени вечерело —
в центр уезжал приниматься за дело.

Улицы Горького южную часть
мерил ногами я, мчась и мечась.
Улицу Горького после войны
вы, поднатужась, представить должны.
Было там людно, и было там стадно.
Было там чудно бродить неустанно,
всю ее вечером поздним пройти,
женщин разглядывая по пути,
женщин разглядывая и витрины.
Молодость! Ты ведь большие смотрины!

Мой аналитический ум,
пара штиблет и трофейный костюм,
ног молодых беспардонная резвость,
вечер свободный, трофейная дерзость —
много Амур мне одалживал стрел!
Женщинам прямо в глаза я смотрел.
И подходил. Говорил: — Разрешите!
В дружбе нуждается вы и в защите.
Вечер желаете вы провести?
Вы разрешите мне с вами — пойти!

Был я почти что всегда отшиваем.
Взглядом презрительным был обдаваем
и критикуем по части манер.
Был даже выкрик: — Милиционер!

Внешность была у меня выше средней.
Среднего ниже были дела.
Я отшивался без трений и прений.
Вновь пришивался: была не была!

Чем мы, поэты, всегда обладаем,
если и не обладаем ничем?
Хоть не читал я стихи никогда им —
совестно, думал, а также — зачем? —
что-то иные во мне находили
и не всегда от меня отходили.
Некоторые, накуражившись всласть,
годы спустя говорили мне мило:
чем же в тот вечер я увлеклась?
Что же такое в вас все-таки было?

Было ли, не было ли ничего,
кроме отчаянности или напора, —
задним числом не затею я спора
после того, что было всего.

Матери спрашивали дочерей:
— Кто он? Рассказывай поскорей.
Кто он? — Никто. — Где живет он? — Нигде.
— Где он работает? — Тоже нигде. —
Матери всплескивали руками.
Матери думали: быть ей в беде —
и объясняли обиняками,
что это значит: никто и нигде.

Вынес из тех я вечерних блужданий
несколько неподдельных страданий.
Был я у бездны не раз на краю,
уничтожаясь, пылая, сгорая,
да и сейчас я иных узнаю,
где-нибудь встретившись, и — обмираю.

* * *

Молодая была, красивая,
озаряла любую мглу.
Очень много за спасибо
отдавала. За похвалу.
Отдавала за восхищение.
Отдавала за комплимент
и за то, что всего священнее:
за мгновение, за момент,
за желание нескрываемое,
засыпающее, как снег,
и за сердце, разрываемое
криком:

— Ты мне лучше всех!—
Были дни ее долгие, долгие,
ночи тоже долгие, долгие,
и казалось, что юность течет
никогда нескончаемой Волгой,
год-другой считала — не в счет.
Что там год? Пятьдесят две недели,
воскресенья пятьдесят два.
И при счастье, сковно при деле,
оглянуться — успеешь едва.
Что там год? Ноги так же ходят.
Точно так же глаза глядят.
И она под ногами находит
за удачей удачу подряд.
Жизнь не прожита даже до трети...
Половина — ах, как далека!
Что там год, и другой, и третий —
проплывают, как облака.

Обломлю конец в этой сказке.
В этой пьесе развязку — свинчу.
Пусть живет без конца и развязки,
потому что я так хочу.

ОЧКИ

Все на свете успешно сводивший к очкам,
математик привык постепенно к очкам,
но успел их измерить и взвесить:
минус столько-то. Кажется, десять.
Это точкой отсчета стало. С тех пор,
как далекая линия гор
вдруг приблизилась. В то же время
переносицу сжало бремя.
— Минус десять! — очки математик считал.
У него еще был капитал
из рассветов, закатов, жены и детей,
вечерами — интеллектуальных затей,
интересной работы — утрами
и огромной звезды,
что венчала труды
дня — в оконной тускнеющей раме.

За очками другие пошли минуса:
прежде дружественные ему небеса,
что одни лишь надежды питали,
слишком жаркими стали.
Сердце стало шалить. Юг пришлось отменить,
в минус двадцать он это решил оценить.
Разбредалась куда-то с годами семья,
постепенно отламывались друзья
и глупее казались поэты.
Он оценивал в цифрах все это.
Смолоду театрал, он утратил свой пыл
и дорогу в концерты навечно забыл,
и списались былые восторги,
оцененные им по пятерке.
Лестницы стали круче. Зима — холодней,
и удовлетворенье от прожитых дней
заменила сплошная усталость.
«Минус двести! — подумал он. — Старость.

Что же, старость так старость. Быть может, найду
то, что мне полагается по труду:
отдых; книги; закат беспечальный;
свой розарий индивидуальный».
Стал он Канта читать. Горек был ему Кант.
Солон был ему Кант. Хоть, конечно, талант
и по силе своих построений,
по изысканной сложности — гений.
Эти сложности он, как орехи, колол!
Он бы смолоду Канта в неделю смолол!
А сейчас голова загудела.
— Минус сто, — он сказал, — плохо дело. —
Свежесть мысли прошла. Честность мысли —
при нем.

Понимая вполне, что играет с огнем,
Канта более он не читает,
а его из себя вычитает.
Разошелся запас, разметался клубок,
а гипотезе недоказанной: Бог —
смолоду не придал он значенья.
Бог и выдал его, без сомненья.
Выдал Бог! Заглушая все звуки в ушах,
просто криком кричит: сделай шаг, сделай шаг,
тот единственный шаг, что остался.
Ты считал. И ты — просчитался.

* * *

Если вас когда-нибудь били ногами —
вы не забудете, как ими бьют:
выдует навсегда сквозняками
все мировое тепло и уют.

Вам неостанет ни хватки, ни сметки,
если вы видели из-под руки
те кожмитовые подметки
или подкованные каблуки.

Путь ваш дальнейший ни был каков,
от обувного не скрыться вам гнева —
тяжеловесный полет каблуков
не улетает с вашего неба.

* * *

Итак, остается надежда
на мертвых и молодых,
на выдержавших проверку
тлением на нетленность,
и на веселую юность,
могучую здоровенность,
выдерживающую проверку
даже ногой под дых.

А все остальные возрасты
проверку уже прошли.
По старости ли, по хворости,
по вялости — не подошли.
Они не прошли проверку
так, как ее проходили
молодые и мертвые,
мертвые и молодые.

* * *

Мера наказания пророку
мере неприятия равна,
если просто он болтал без проку
и никто не понял ни хрена.

Если втуне факты и примеры,
ссылки и цитаты пропадут,
высшую пророк получит меру:
все, пожав плечами, прочь пойдут.

Остальное, в том числе и мука,
означает: победил пророк,
замолчать его никто не смог,
и усвоена его наука.

ОБОСНОВАНИЕ ЭЛЕГИИ

И печаль — это форма свободы.
Предпочел ведь еще Огарев
стон, а не торжествующий рев,
и элегию вместо оды.

Право плача,
немногое знача
для обидчика —
можно и дать, —
в то же время большая удача
для того, кому нужно рыдать.

И какие там ветры ни дуют,
им не преодолеть рубежи
в темный угол,
где молча тоскуют,
и в чулан,
где рыдают в тиши.

* * *

С юным Пушкиным все в полной ясности,
и не существует опасности,
что припишут ему неприязнь
к мятежу или богобоязнь.

Поздний Пушкин дает основания
и для кривотолкования.
Кое в чем — изменился действительно,
Кое в чем — только дал предлог.
Так что даже не удивительно,
что втираются царь и бог

и что вежливые златоусты
норовят повешать икон
в том углу, где было так пусто,
где стоял лишь один Аполлон.

* * *

Поэты похожи на поэтов.
Все. Кроме самых лучших.
Прекрасный Надсон,
снедаемый чахоткой благородной,
овеянный златоволосым ветром, —
похож.
Некрасов, плешивый,
снедаемый неблагородной хворью,
похож не на поэта — на дьячка.
В День Блока,
когда закончились «Двенадцать»,
и гул умолк,
и музыка заглохла,
и в дневнике писалось:
«Сегодня я — гений»,—
в этот день
он сразу постарел.
Лицо — втянулось.
Глаза — померкли.
Плечи ссутулились.
Блок перестал напоминать поэта.
Позже усердный чтец поэтов
(всех, кроме самых лучших),
скульптор
облагораживает им фигуры,
спины разгибает,
плечи рассутиливает
и придает им вид поэтов
(всех. Кроме самых лучших).

* * *

Все примазываются к Ренессансу.
Общий дедушка всех — Гомер.
Не желая с этим расстаться,
допускают обвес и обмер.

Пушкин всех веселит и радует,
обнадеживает, сулит.
Даже тех, кто его обкрадывает,
тоже радует и веселит.

Как пекутся о генеалогии,
о ее злочных дарах
и мозги совершенно отлогие,
и любой отпетый дурак.

Героические речи
произносят все травести.
Но не хочет никто от Греча,
от Булгарина род вести.

* * *

Выпив квасу из холодильника —
ледяной был квас,
зубы ломил, —
обличают всё:
от будильника
и до спутника —
век им не мил!

Век,
из изб,
и пещер,
и хижин
перегнавший в отдельность квартир,
на тебя троглодит обижен:
обличает теплый сортир!

НЕЧАЕВЦЫ

Похож был на Есенина. Красивый.
С загадочною русскою душой
и «с небольшой ухватистой силой»
(Есенин о себе). Точней — с большой.

Нечаев... Прилепили к нему «щину».
В истории лишили всяких прав.
А он не верил в сельскую общину.
А верил в силу. Оказалось — прав.

— Он был жесток.

— Да, был жесток. Как все.

— Он убивал.

— Не так, как все. Единожды.

Росток травы, возросший при шоссе,
добру колес не доверять был вынужден.

Что этот придорожный столбик знал!
Какой пример он показал потомкам!
Не будем зверствовать над ним, жестоким!
Давайте отведем ему аннал —

Нечаеву... В вине кровавом том —
как пенисто оно и как игристо —
не бакунисты, даже не лавристы,
нечаевцы задали тон.

Задали тон в кровавой той вине,
не умывавшей в холодочке руки,
не уступавшей никакой войне
по цифрам смерти и по мерам муки.

В каких они участвовали дивах,
как нарушали всякий протокол!

Но вскоре на стыдливых и правдивых
нечаевцев
произошел раскол.

Стыдливые нечаевцы не чаяли,
как с помощью брошюр или статей
отмежеваться вовсе от Нечаева.
Им ни к чему Нечаев был, Сергей.

Правдивейшим нечаевцем из всех
был некий прокурор, чудака, калека,
который подсудимых звал: коллега. —
и двое (или трое) из коллег.

* * *

Тривиальность: все люди смертны —
очень скоро придет на смену
тривиальности: даже бог
крестных мук избежать не смог.

Место общее это бульвар.
Каждый там хоть раз побывал.
Самая большая банальность —
это дпящаяся реальность.

Отступают оригиналы
в тень и вслед за тем — в темноту,
и выказывают анналы
утомительную простоту.

* * *

Стали старыми евреями
все поэты молодые,
свои чувства поразвеяли,
свои мысли — охладили.

Кто бродил Путями Млечными,
верен был Прекрасной Даме,
стали все недолговечными,
а не вечными жидами.

И акцент проснулся, Господи,
и пробилась, Боже, пейсы
у того, кто в неба копоты
совершал ночные рейсы.

БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ

Холодная душа,
старательно держа
перо сентиментальное,
фиксирует метания,
фиксирует разлад,
фиксирует томление.
Ее, наверно, злят
то более, то менее
необходимость врать,
нужда в приспособлении,
ей, в общем, начихать
то более, то менее.
Писала бы стихи —
зря время бы не тратила —
о твердости руки,
о жесткости характера,
о том, что холодны
все чувства и стремления,
о том, что хоть бы хны
всё
более ли, менее.
Но принято — любить.
Заведено — сочувствовать,
и надо, стало быть,
такие чувства чувствовать,
и значит, надо мнить
такие только мнения,
не упуская нить:
то более, то менее.

ПОЭТЫ

Мы как белые журавли,
или как тасманийские волки,
или как пейзажи на Волге.
Нас сводили, сводят, свели.

Мир бегущий, спешащий свет
не желает подзадержаться,
посмотреть закат и рассвет
и стихи почитать с абзаца.

Без причины и без вины
нас затерло, свело, отставило.
Почему-то из этого правила
исключения исключены,

почему-то этот закон
повернуть хотели, как дышло.
Но не выгорело, не вышло.
Устоял и действует он.

ПОСЛЕДНЯЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Геологи всегда нужны,
географы всегда полезны.
Значения их для страны
ясны, их положение — лестно.

Меж тем никто не доказал,
что неизбежен стих и нужен,
и важен, ну хоть как вокзал,
полезен, ну хоть словно ужин.

Уехать можно без стихов,
и даже далеко заехать,
и даже до конца доехать,
до точки,
можно без стихов.

Необходимости не первой,
на положеньи пустяка
стиха излишние напевы,
необязательность стиха.

Так в чем его непобедимость?
Какая в нем благая весть?
Последняя необходимость
в поэзии, наверно, есть.

* * *

Утихомирились, угомонились,
едва лишь только ветер стих,
застыли ветви.

В тот же миг
деревья тоже изменились.

Коловращенье, суматоха
в их черноту, в их немоту
вдыхали жизни полноту.
Сейчас ни выдоха, ни вдоха.

И отлетает не спеша,
неторопливо, как душа,
как знак исполненного срока,
величественная сорока.

КОРИДОРЫ СУДЬБЫ

Коридоры судьбы
бесконечны, словно в Зимнем дворце.
Открываются
и закрываются двери.
Что же нас ожидает
в неминуемом все же конце?
То ли царская ласка,
то ли царские звери?

Все же надо идти,
не оглядываясь по сторонам,
мимо точных служителей
нашей судьбы неотложной.
Мы получим лишь столько,
сколько положено нам
по какой-то наметке
запутанной, темной и ложной.

* * *

На похоронах не смеются,
разве только в душе.
Покуда раздаются
речи, мерно дыши.

И замеряй на правдивость
слезы или хвалу,
зная, что справедливость
тихо ждет в углу.

* * *

Утверждают многие кретины,
что сладка летейская струя.
Но, доплыв едва до середины,
горечи набрался вдосталь я.

О покой покойников! Смиренье
усмиренных! Тишина могил.
Солон вкус воды в реке забвенья,
что наполовину я проплыл.

Солон вкус воды забвенья, горек,
нестерпим, как кипятки крутой.
Ни один не подойдет историк
с ложкой
 этот размешать настой.

Ни один поэт не хочет жижу
рассекать с тобою стилем «кроль».
И к устам все ближе эта соль,
и к душе вся эта горечь ближе.

* * *

Смерть вычеркивает, упрощает
и совсем легко, без труда
очень многих навеки прощает,
очерняет иных навсегда.

Мне она представит случай
снисхожденья немного добыть,
к категории несколько лучших
походя причислену быть.

Я покуда тяну тем не менее,
к репутации мертвого гения,
как она ни хороша,
не лежит покуда душа.

* * *

Куда-то голос запропал.
Был голос и куда-то спал,
свалил, как жар, и снегом стаял.
Был голос и меня оставил.

Могу сказать, и даже крикнуть,
и отшутиться на бегу.
Но не могу никак привыкнуть,
что петь я больше не могу.

Немь с хрипом, лязгом или визгом
сменяет потихоньку звень,
а голос как волна разбрызган,
как свет — он уползает в тень,

* * *

Тороплю эпоху: проходи,
изменяйся или же сменяйся!
В легких санках мимо прокати
по своей зиме!
В комок сжимайся
изо всех своих газет!
Раньше думал, что мне места нету
в этой долговечной, как планета,
эре!
Ей во мне отныне места нет.
Следующая, новая эпоха
топчется у входа.
В ней мне точно так же будет плохо.

**СТИХОТВОРЕНИЯ
1977 ГОДА**

* * *

Я был кругом виноват, а Таня мне
все же нежно сказала: — Прости!—
почти в последней точке скитания
по долгому мучающему пути.

Преодолевая страшную связь
больничной койки и бедного тела,
она мучительно приподнялась —
прошенья попросить захотела.

А я ничего не видел кругом —
слеза горела, не перегорала,
поскольку был виноват кругом
и я был жив,
а она умирала.

* * *

Человек живет только раз. Приличия
соблюсти приходится только раз.
Жить — нетрудно, и неуместно величие
подготовленных ложноклассических фраз.

И когда на исходе последнего дня
не попали иглой в ее бедную вену,
Таня просто сказала и обыкновенно:
— Всё против меня.

ПОСЛЕДНИЙ ВЗГЛЯД

Жена умирала и умерла —
в последний раз на меня поглядела, —
и стали надолго мои дела,
до них мне больше не было дела.

В последний раз взглянула она
не на меня, не на все живое.
Глазами блеснув,
тряхнув головою,
иным была она изумлена.

Я метрах в двух с половиной сидел,
какую-то книгу спроста листая,
когда она переходила предел,
тряхнув головой,
глазами блистая.

И вдруг,
хорошея на всю болезнь,
на целую жизнь помолодела
и смерти молча сказала: «Не лезь!»
Как равная,
ей в глаза поглядела.

* * *

Каждое утро вставал и радовался,
как ты добра, как ты хороша,
как в небольшом достижимом радиусе
дышит твоя душа.

Ночью по несколько раз прислушивался:
спишь ли, читаешь ли, сносишь ли боль?
Не было в длинной жизни лучшего,
чем эти жалость, страх, любовь.

Чем только мог, с судьбою рассчитывался,
лишь бы не гас язычок огня,
лишь бы еще оставался и числился,
лился, как прежде, твой свет на меня.

* * *

Небольшая синица была в руках,
небольшая была синица,
небольшая синяя птица.
Улетела, оставив меня в дураках.

Улетела, оставив меня одного
в изумленьи, печали и гнев,
не оставив мне ничего, ничего,
и теперь — с журавлями в небе.

* * *

То, что было вверено, доверено,
выпускать из рук не велено,
вдруг
выпустил из рук.

Звук прервали, свет потух.
То, что было на меня записано,
от чего вся жизнь моя зависела,
отлетело, легкое как пух.

Улетело тихо, как душа,
имя, что душа моя вытверживала,
то, что на плаву меня поддерживало
до конца. Даже чуть-чуть дыша.

* * *

Мужья со своими делами, нервами,
чувством долга, чувством вины
должны умирать первыми, первыми,
вторыми они умирать не должны.

Жены должны стареть понемногу,
хоть до столетних дойдя рубежей,
изредка, впрочем, снова и снова
вспоминая своих мужей.

Ты не должна была делать так,
как ты сделала. Ты не должна была.
С доброй улыбкою на устах
жить ты должна была,
долго должна была.

Жить до старости, до седины
жены обязаны и должны,

делая в доме свои дела,
чьи-нибудь сердца разбивая
или даже — была не была —
чарку — в память мужей — распивая.

* * *

Мне легче представить тебя в огне, чем в земле.
Мне легче

взвалить на твои некрепкие плечи
летучий и легкий,
вскипающий груз огня,
как ты бы сделала для меня.

Мы слишком срослись. Я не откажусь от желанья
сжимать, обнимать негасимую светлость пыланья
и пламени
легкий, летучий полет,
чем лед.

Останься огнем, теплотою и светом,
а я, как могу, помогу тебе в этом.

ПЕРЕОБУЧЕНИЕ ОДИНОЧЕСТВУ

Я обучен одиночеству.

Я когда-то умел это делать,
знал эту работу:
встать пораньше, лечь попозже,
никому не мешая
и не радуясь
никому.

Долгий день в промежутке от утра и до вечера
провести, никому не мешая
и никому не радуясь.

Я забыл одиночество.

Точно так же, как, проучившись лет восемь игре на рояле
и дойдя до «Турецкого марша» Моцарта
в харьковской школе Бетховена,
я забыл весь этот промфинплан,
эту музыку,

Бетховена с Моцартом

и сейчас не исполню даже «чижик-пыжика»
одним пальчиком, —

точно так же я позабыл одиночество.

Точно так же, как, выучив некий древний язык
до свободного чтения текста,
забыл алфавит —

я забыл одиночество.

Надо все это вспомнить, восстановить, перевыучить.

Помню, как-то я встретился
с составителем словарей того древнего,
мною выученного и позабытого
языка.

Оказалось, я помню два слова: «небеса» и «яблоко».

Я бы вспомнил все остальное —

все, что под небесами и рядом с яблоками, —
нужды не было.

Подхожу к роялю и тычу пальцами в клавиши:
о-ди-но-че-ство!
Выбиваю мотив одиночества.
У меня есть нужда
вспомнить, восстановить, реставрировать,
вновь освоить,
пережить до конца
одиночество.

* * *

Мой товарищ сквозь эту потерю прошел
лет пятнадцать назад,
и он вспомнил, как выход нашел:
— Телевизор купи, — говорит, — телевизор
и сиди вечерами, вперив в него взор,
словно ты в доме отдыха ревизор
или провинциальный провизор.

Я с момента изобретения
телевидения не люблю.
Тем не менее, тем не менее
телевизор я вскоре куплю,
потому что, как ни взгляну,
все четыре программы полезны,
чтоб засыпать образовавшуюся бездну
и заполнить установившуюся тишину.

* * *

Кучка праха, горстка пепла,
всыпанные в черепок.
Все оглохло и ослепло.
Обессилен, изнемог.

Непомерную расплатой
за какой-то малый грех —
свет погасший, мир разъятый,
заносящий душу снег.

* * *

Страшно сохнет во рту.
Рот как вяленый.
Полнедели — как не житье,
Сбитый с ног,
сшибленный,
сваленный,
получаю свое.

Получаю все, что положено
за свое персональное зло.
Так хотелось, чтоб по-хорошему,
но не вышло.
Нет — не прошло.

* * *

Не на кого оглядываться,
не перед кем стыдиться.
Вроде бы жить и радоваться.
Мне это не годится.

Мне свобода постыла
та, что бы ты не простила.
Мне не надобна воля
та, где тебя нет боле.

* * *

Сократились мои обязанности
не до минимума — до нуля,
до той грозной отметки опасности,
когда больше не держит земля,
когда можно легким усилием,
поворотом одним руки
улететь вослед птичьим крыльям
за перистые облака.

ВОТ КАКОЕ НАМЕРЕНИЕ

А намеренье такое:
чуть немного погодя,
никого не беспокоя,
никого не тяготя,
отойти в сторонку смирно,
пот и слезы отереть,
лечь хоть на траву и мирно,
очень тихо помереть.

ПРОСТО ЖАЛОБЫ

Не тристии, а жалобы,
и вспомнить не мешало бы,
что за стеной соседи
с работы устают,
и сетованья эти
поспать им не дают.

Не тристии, а стоны
пронзительного тона.

Не тристии, а скрежеты,
мешающие всем,
и я себе: пореже ты
стони, когда совсем
сдержать не можешь стона,
тогда только стони,
не повышая тона.
И долго не тяни.

ВОПРОСЫ К СЕБЕ

Доделывать ли дела?
С одной стороны, конечно,
как быть без цели конечной —
уничтожения зла.

Зато, с другой стороны,
при всех душевных высотах,
усилия наши равны
нолю или ноль ноль сотых.

Усилия наши равны
тому прошлогоднему снегу,
что где-то остался для смеху
по милости дружной весны.

У всякой одной стороны
есть и сторона другая,
и все мы должны, должны,
и я как могу помогаю.

ДОИГРЫВАНИЕ ПОСЛЕ ДОМАШНЕГО АНАЛИЗА

Доигрываю проигранную
давным-давно игру.

Дотягиваю, как проигрыватель
дотягивает муру.

Как роты, когда повелено,
досматривают кино.
О том, что дело потеряно,
я знаю уже давно.

О том, что дело не выгорело,
догадывался всегда,
и все же из дела не выдворила
большая даже беда.

И что я себе ни внушаю,
но все же, покуда живой,
фигуры не смешаю
на доске мировой.

И на пол не стряхну я
игру эту со стола.
Еще потяну, потяну я,
была или не была.

МЕНКИ

Шел я по улице и менялся,
кто бы навстречу мне ни попадался.
Чем я менялся? Просто судьбой,
переставая быть собой.

Я воплощался в девчонку с косичкой,
рыжею проскользнувшей лисичкой,
и в пьяноватого старика,
пусть качавшегося слегка.

В пенсионера и в пионера,
в молодцеватого милиционера.

В миллионера я тоже бы смог,
чуть поднатужившись, воплотиться,
но он скользнул серебристой плотицей,
бросив колечком сигарный дымок.

С кем ни сменялся бы я — я выгадал.
Кто б ни сменялся со мной — прогадал.
Вот почему эти менки я выдумал.
Я приплатил бы! И много бы дал.

За перемену судьбы, перемену
много бы я приплатил пионеру.

Но пионер не захотел.

Пенсионер не захотел.

Не показался обмен подходящим
ни проезжающим, ни проходящим.

Все оставались самими собой.

Я оставался с моею судьбой.

* * *

Молча, как придорожные столбики,
принимаю удары колес.
Молча, как античные стойки,
молча, без нареканий и слез.

Потому что, как бы и сколько бы
ни рыдай, ни тряси телеса,
не уйдешь никак от жестокого,
молчаливого колеса.

Что ж, не будем сухость отчаяния
разбавлять потоками слез.
Молча. В общем и полном молчании
принимаем удары колес.

* * *

Наблюдатели с Марса заметят, конечно,
как все медленней от начальной к конечной
точке,
все осторожней

иду.

Наблюдатели с Марса почуют беду.

Не по величине, а скорей по свеченью
наблюдатели с Марса оценят значенья
этой точки, ничтожнейшей, но световой.
Потому что свечусь я, покуда живой.

Марс дотошная в смысле науки планета,
там встревожатся тем, что все менее света,
что все менее блеска, сиянья, огня,
что все менее жизни идет от меня.

Спор на Марсе возникнет,
нескоро затихнет:

— Может, он уже гибнет?

— Может, он еще вспыхнет?

— Телескоп на него мы направим в упор. —
К сожалению — обо мне этот спор.

Как в палате во время обхода врача,
обернувшись к студентам, бесстрастно шепча,
сформулируют долю мою и судьбину
марсиане,

черпнувши науки глубины.

Ледовитая тьма между Марсом и мной,
ледовитая тьма или свет ледяной,
но я чую душой, ощущаю спиной,
что решил обо мне

мир планеты иной.

БЕЗ МЕНЯ

Можно обойтись и без меня.
Но зачем? Секундой в толще дня,
каплей в океане моря
и слезинкою в рыданьи горя
пригодиться я еще могу.
И еще — снежинкою в снегу.

Все мы, имена и анонимы
заменяемые — заменимы?
Да, конечно. Нет, конечно. Да,
безо всякого сомнения.
Тем не менее есть такое мнение,
что и горе — не беда.

Горе — горе, а беда — беда,
и специалисты отмечали,
что печаль равна одной печали,
отличима без труда.

Рыжий, а впоследствии седой,
ныне старый, бывший молодой,
не лишенный совести и чести,
исчерпавший почти весь объем
срока своего, на своем месте
я, когда на месте на своем.

Всякий, кто его займет
по призванью ли, по назначенью,
что-нибудь не так поймет
во звучаньи или во значеньи.
Стало быть, никто, кроме меня,
не заменит никогда меня.

* * *

Отбиваюсь от мысли о смерти.
Не отстанет теперь до смерти,
до последнего самого дня.
Дó смерти одолеет меня.

То листвой золотой листопада
с ног сшибает она до упада.
То пургой заметет, как зима.
То предстанет открыто сама.

Каждой точкой. Каждой развязкой.
Каждой топью холодной и вязкой,
беспощадная, словно война,
на себя намекает она.

Тем не менее солнечным светом,
на вопросы — не медля — ответом,
круглосуточным тяжким трудом
от нее отбиваюсь. С трудом.

Я ее словно мяч отбиваю.
Вскачь, стремглав, впопыхах забываю.
Отгоню или хоть отложу
и по нормам бессмертья пишу.

* * *

Те стихи, что вынашивались, словно дитя,
ныне словно выстреливаются, вихрем проносятся,
и уносятся вдаль, и столетье спустя
из какого-то дальнего века доносятся.

Не уменьшилось время мое, хоть пружин
часовых

перержавело предостаточно.

Не уменьшился срок мой последний, остаточный
Изменился порядок его и режим:

в месяцы я укладываю года,
вечности я в мгновенья настойчиво вталкиваю
и пишу набело. Больше не перетакиваю.
Так и — будет. И может быть, даже — всегда.

* * *

Я знаю, что «дальше — молчанье»,
поэтому поговорим,
я знаю, что дальше безделье,
поэтому сделаем дело.
Грядут неминуемо варвары,
и я возвожу свой Рим,
и я расширяю пределы.

Земля на краткую длительность
заведена для меня.
Все окна ее — витрины.
Все тикают, словно Женева.
И после дня прошедшего
не будет грядущего дня,
что я сознаю без гнева.

Часы — дневной распорядок
и образ жизни — часы.
Все тикает как заведенное.
Все движется, куда движется.
Все литеры амортизированы
газетной от полосы,
прописывают ижицу.

Что ж ижица? Твердого знака
и ятя не хуже она.
Попробуем, однако,
переть и против рожна.
А доказательств не требует,
без них своего добьется
тот, кто ничем не гребует,
а просто трудится, бьется.

НА БЕЛЕЮЩЕМ В НОЧИ ЛИСТЕ

Начинают вертеться слова,
начинают вращаться,
исчезать, а потом возвращаться,
различимые в ночи едва.

Разбираться привык я уже
в крутеже-вертеже:
не печалит и не удивляет,
но заняться собой — заставляет.

Точный строй в шкафу разоря,
что-то вечное говоря,
вдруг выпархивают все слова словаря
изо всех томов словаря.

И какие-то легкие пассы
я руками творю в темноте,
и слова собираю во фразы
на белеющем в ночи листе.

— А теперь подытожь крутеж-вертеж, —
и с тупым удивленьем:—Мол, ну что ж,—
не сумевши понять, что случилось,
перечитываю, что получилось.

* * *

На историческую давность
уже рассчитывать нельзя,
но я с надеждой не расстанусь,
в отчаянии не останусь.
Ну что ж, уверуем, друзья,
в геологическую данность.

Когда органика падет
и воцарится неорганика
и вся оценочная паника
в упадок навсегда придет,

тогда безудержно и щедро —
Изольду так любил Тристан —
кристалла воспоеет кристалл,
додекаэдр — додекаэдра.

РОДСТВЕННИКИ ХРИСТА

Что же они сделали
с родственниками Христа?
Что же с ними сделали?
В письменных источниках не найдешь ни черта,
прочерки, пустота.
Что же с ними сделали?

До седьмого колена, как считалось тогда,
тетки, дядья, двоюродные дядья,
троюродные дядья,
племянники, племянницы,
кто там еще вспомнется.
Что же с ними случилось, когда пришла беда?
Куда девалась семья?
Куда исчезла семья?
Ведь почти всегда
хоть кто-нибудь да останется.

Племянники Магомета предъявили права
и получили с лихвою.
История, которая перед ними была не права,
с повинною головою
пришла и заявила, что была не права.

Однако никто не знает про родственников Христа,
Иисуса Назарянина, казненного в Иерусалиме.
Анналы — не поминают.
Хотя бы единое имя
осталось бы, уцелело от родственников Христа.

Что же они сделали
с жителями простыми,
мелкими ремесленниками и тружениками земли?
Может быть, всех собрали в близлежащей пустыне,
выставили пулеметы и сразу всех посекли?

Так или иначе, век или два спустя
никто не взимал убытки, никто не взывал о мести.
Полная реабилитация Иисуса Христа
не вызвала реабилитации членов его семейства.

И вот цветы прорастают из родственников Христа.
И вот глубина под ними, над ними — высота.
А в мировой истории не занимают места
родственники Христа.

МАМА!

Все равно, как французу — германские судьбы!
Все равно, как шотландцу — ирландские боли!
Может быть, и полезли, проникли бы в суть бы,
только некогда. Нету ни силы, ни воли.

Разделяющие государства заборы
выше, чем полагали, крепче, чем разумели.
Что за ними увидишь? Дворцы и соборы.
Души через заборы увидеть не смели.

А когда те заборы танкисты сметают,
то они пуще прежнего вырастают.
А когда те заборы взрывают саперы —
договоры возводят их ладно и споро.

Не разгрызли орешек тот национальный,
и банальный, и, кроме того, инфернальный!
Ни свои, ни казенные зубы не могут!
Сколько этот научный ни делали опыт.

И младенец — с оглядкой, конечно, и риском,
осмотрительно и в то же время упрямо,
на своем, на родимом, на материнском
языке
заявляет торжественно: «Мама».

ПРОДЛЕННАЯ ИСТОРИЯ

Группа царевича Алексея,
как и всегда, ненавидит Петра.
Вроде пришла для забвенья пора.
Нет, не пришла. Ненавидит Петра
группа царевича Алексея.

Клан императора Николая
снова покоя себе не дает.
Ненавистью негасимой пылая,
тщательно мастерит эшафот
для декабристов, ничуть не желая
даже подумать, что время — идет.

Снова опричник на сытом коне
по мостовой пролетает с метлою.
Вижу лицо его подлое, злое,
нагло подмигивающее мне.
Рядом! Не на чужой стороне —
в милой Москве на дебелим коне
рыжий опричник, а небо в огне:
молча горят небеса надо мною.

ВОЗБУЖДЕННЫЙ МАТЕМАТИК

Математик кипятился:
он качал свои права.
Он кричал и суетился,
кибернетик-голова.

Шеи очень тонкий стебель
гнула тяжесть головы:
знания свои, и степени,
и внимание Москвы.

И внимание Европы
к этой самой голове
горячит его невроты.
Он кричит минуты две,

три минуты и четыре
и мотает головой
и шагает по квартире
математик мировой.

Черт — он утверждает — с вами,
греш цена вам всем, пятак,
если с нами, с головами,
поступаете не так,

САМОДЕРЖЕЦ

Свою погибель сам сыскал —
с ухваткою тупицы и спартанца.
Он даже, как Людовик или Карл,
бежать из заключенья не пытался.

В кругу семьи до самой смерти он
выслушивал семейные приветствия.
Не за злодейство вовсе был казнен,
а за служебное несоответствие.

Случайности рождения
его,
не понимающего ничего,
заставили в России разобратся.
Он знать не знал, с конца какого взяться.

Он прав на то не более имел, —
на трон, занять который он решился, —
чем сын портного на портновский мел.
В руках его неловких мел крошился.

Москва, в которой в те поры в чести
был Робеспьер, российского Бурбона
до казни в обстоятельствах закона
и по суду
хотела довести.

Но слишком был некрепок волосок
соотношенья сил. По той причине
мы знать не знаем о его кончине:
в затылок, в спину, в грудь или в висок,

ЦАРЕВИЧ

Все царевичи в сказках укрылись,
ускакали на резвых конях,
унесли у Жар-птицы на крыльях,
жрут в Париже прозрачный коньяк.

Все царевичи признаны школой,
переизданы в красках давно.
Ты был самый неловкий и квелый,
а таким ускользнуть не дано.

С малолетства тяжело болея,
ты династии рушил дела.
Революцию гемофилия
приближала, как только могла.

Хоть за это должна была льгота
хоть какая тебя найти,
когда шли к тебе с черного хода,
сапогами гремя по пути.

Все царевичи пополуночи
по Парижу, все по полям
Елисейским — гордые юноши.
Кровь! Притом с молоком пополам.

Кровь с одной лишь кровью мешая,
жарким, шумным дыханьем дыша,
Революция — ты Большая.
Ты для маленьких — нехороша.

Хоть за это, хоть за это,
если не перемена в судьбе,
от какого-нибудь поэта
полагался стишок тебе.

ВСЕ ТЕОРИИ СУДЬБЫ

Бережет ли бог береженого?
Погляжу-ка я на пораженного,
словно громом, неожиданной бедой.
Он берется — не уберется.
Он стережся — не устережся,
а еще такой молодой.

Ежедневно нас учит история,
что не так уж верна теория
осторожности. Нет, не верна.
Потому что порою бывает:
выживают, уцелевают
даже прутья против рожна.

А теория случая — та,
что не хочет считать ни черта
и компьютер считает хламом,
вдруг прокрадывается
и оправдывается
в чем-то самом важном и главном.

А в теории маятника,
утверждающей, что пока
сверху ты, завтра я буду сверху,
тоже есть живая душа,
и она не спеша,
но успешно проходит проверку.

Нет, судьба не Дом быта. Давать
вам гарантии жизни фартовой
не желает. Не хочет фантомы
и иллюзии вам создавать.

Нет, судьба вам не автомат,
что дает за монетку — газетку.
А предчувствия, если томят,
могут сбыться. Бывает нередко.

ЗАДУМЫВАЯСЬ О ВЕЧНОСТИ

Задумываются о вечности,
точнее сказать, о том,
что же будет потом?
Какую квартиру в вечности,
какую площадь получают
и как получить получше?

Но эти еще не худшие,
оглядывающиеся вперед
и думающие, чья берет,
и зло побеждает,
добро ли,
и выбрать какие роли.

Ведь есть такие, что думают
о чем-то вроде угла,
где духота и мгла.
Их вечность не проветрена,
и даже антисанитарна,
и до того бездарна,

что обаятельней даже
лозунг: «Хоть день, да мой!»
И спяну бредя домой,
они счастливо думают,
что хоть денек урвали:
потом поминай как звали!

РАЗГОВОРЫ О БОГЕ

Стесняясь и путаясь:
может быть, нет,
а может быть, есть, —
они говорили о боге,
подразумевая то совесть, то честь,
они говорили о боге.
А те, кому в жизни не повезло,
решили, что бог — равнодушное зло,
инстанция выше последней
и санкция всех преступлений.
Но бог на кресте, истомленный, нагой,
совсем не всеильный, скорей — всеблагодь,
сама воплощенная милость,
дойти до которой всем было легко,
был яблочком, что откатилось
от яблони — далеко, далеко.
И Ветхий завет, где владычил отец,
не радовал больше усталых сердец.
Его прочитав, устремились
к тому, кто не правил и кто не карал,
а нищих на папертях собирал —
не сила, не право, а милость.

* * *

Пока на участке молекулы
окапывалось людье,
пока возилось с калеками,
познавшими силу ее,

на линии хромосомы
прорвался новейший враг
и, не признавая резона,
грозит превратить нас в прах.

Пока макромир обследовали,
по правилам странной игры
нас мучили и преследовали,
нас гнали микромиры.

Мгновенья блаженной косности
природа нам не дает:
во всех закоулках космоса
военную песню поет.

Не уступает и шагу
без арьергардных атак
и, проявляя отвагу,
тоже делает шаг.

И вот мы лицом к лицу
в батальном переплетеньи.
Она с моего цветенья
легко сшибает пыльцу.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я вернулся из странствия, дальнего столь,
что протерся на кровлях отечества толь.
Что там толь?
И железо истлело,
и солому корова изъела.

Я вернулся на родину и не звоню,
как вы жили, Содом и Гоморра?
А бывало, набатец стабильный на дню —
разговоры да переговоры.

А бывало, по сто номеров набирал,
чтоб услышать одну полуфразу,
и газеты раскладывал по номерам
и читал за два месяца сразу.

Как понятие новости сузилось! Ритм
как замедлился жизни и быта!
Как немного теперь телефон говорит!
Как надежно газета забыта!

Пушкин с Гоголем остаются одни,
и читаю по школьной программе.
В зимней, новеньким инеем тронутой раме —
не фонарные, звездные
блещут огни.

Время кружит меня по кругу —
кругу года и кругу дня.
Я физически чувствую руку
времени,
двигущую меня.

Так пружина решает за стрелку,
колесо решает за белку,
и по кругу, по колесу
циферблата
себя я несу.

Оборачиваясь то другом,
то гораздо чаще врагом,
время гонит меня по кругу
и тихонько смеется вдогон.

Оборачиваясь то страхом,
то любовью, гонит меня,
и лечу я летучим прахом
по кружной территории дня.

Оборачивается то богом,
то наукой, то чем-то еще...
Я бы мог об очень многом
крикнуть времени
через плечо.

ГДЕ ЛУЧШЕ ВСЕГО МЫСЛИТЬ

**Мыслить лучше всего в тупике.
В переулке уже немного погромче,
площадь же, гомоня, и пророча,
и фиксируя на пустяке,
и навязывая устремления,
заглушает ваше мышление.**

**Мыслить лучше в темном углу.
Если в нем хоть свечу поставить,
мыслить сразу труднее станет:
отвлекаешься на игру
колебания светотени
и на пламени переплетенье.**

**Мыслить лучше всего на лету
в бездну, без надежд на спасенье.
Пролетаешь сквозь темноту,
но отчаянье и убыстренье
обостряет твои мозги
в этой мгле, где не видно ни зги.**

В УГЛУ

Мозги надежно пропахали,
потом примяли тяжело,
и от безбожной пропаганды
в душе и пусто и светло.

А бог, любивший цвет, и пенье,
и музыку, и аромат,
в углу, набравшийся терпенья,
глядит, как храм его громят.

* * *

Человечеству любо храбриться.
Людям любо греметь и бряцать,
и за это нельзя порицать,
потому что пожалуйста бриться —
и уныло бредет фанфарон,
говорун торопливо смолкает:
часовые с обеих сторон,
судьи перья в чернила макают.

Так неужто приврать нам нельзя
между пьяных друзей и веселых,
если жизненная стезя —
ординарный разбитый проселок?
Биографию отлакируешь,
на анкету блеск наведешь —
сердце, стало быть, очаруешь,
душу, стало быть, отведешь.

СЛОВО НА КАМНЕ

Стихла эта огромная нота. Звучанье
превратилось в молчанье.
Не имевший сравнения цвет
потускнел, и поблекнул, и выпал из спектра.
Эта осень осыпалась.
Эта песенка спета.
Это громкое «да!»
тихо сходит на «нет».

Я цветов не ношу,
монумент не ваяю,
просто рядом стою,
солидарно зияю
с неоглядной,
межзвездной почти
пустотой,
сам отпетый, замолкший, поблекший, пустой.

Будто угол обрушился
общего дома
и врывается буря
в хоромы пролома.

Кем он был?
Человеком.
И странная гордость
прибавляется
каплей блестящею
в горечь.
Добавляется к темени
пламени пыл —
человеком,
как я
и как все мы,
он был.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЗЕРКАЛ

Охладеваем, застываем,
дыханье про себя таим:
мы ничего не затеваем,
когда пред зеркалом стоим.

Без жалости. Без разговоров.
Без разговоров. Без пощад.
Ведь зеркала не заключат
и не подпишут договоров.

Они отсрочек не дают,
они пыльцу цветную сдунут,
они вам в душу наплюют —
блеснут, сверкнут и в рожу плюнут.

Напоминают зеркала
без всякой скидки или льготы,
что молодость давно прошла
и что необратимы годы.

Скорей заставишь реку вспять
потечь, хотя бы силой взрыва,
чем старость — отступить на пядь,
не наступать нетерпеливо.

Определяют зеркала,
что твой удел отныне — старость
и то, что выжжено дотла,
и то, что все-таки осталось.

Всю жизнь я правду почитал
и ложью брезговал и скидки
не требовал, но слишком прытки
постановления зеркал.

Их суд немилостив, и скор,
и равнодушен, и поспешен,
и, предвкушая приговор,
шепчу тихонько: грешен, грешен.

ВНЕЗАПНО

Темно. Темнее темноты,
и переходишь с тем на «ты»,
с кем ни за что бы на свету,
ни в жизнь и ни в какую.
Ночь посылает темноту
смирять вражду людскую.

Ночь — одиночество. А он
шагает, дышит рядом.
Вселенской тьмы сплошной закон
похожим мерит взглядом.

И возникает дружба от
пустынности, отчаяния
и оттого, что он живет
здесь, рядом и молчание
терпеть не в силах, как и я.

Во тьме его нащупав руку,
жму, как стариннейшему другу.

И в самом деле — мы друзья.

* * *

Ожидаемые перемены
околачиваются у ворот.
Отрицательные примеры
вдохновляют наоборот.

Предаёт читателей книга,
и добро недостойно зла.
В ожидании скорого сдвига
жизнь — как есть напролет — прошла.

Пересчёта и перемера
ветер
не завывает в ушах.

И немедленное, помедля
сделать шаг,
не делает шаг.

И СРАМ И УЖАС

От ужаса, а не от страха,
от срама, а не от стыда
насквозь взмокала вдруг рубаха,
шло пятнами лицо тогда.

А страх и стыд привычны оба.
Они вошли и в кровь и в плоть.

Их

даже

дня

умеет

злоба

преодолеть и побороть.

И жизнь являет, поднатужась,
бесстрашным нам,
бесстыдным нам
не страх какой-нибудь, а ужас,
не стыд какой-нибудь, а срам.

* * *

Господи, больше не нужно.
Господи, хватит с меня.
Хлопотно и недужно
день изо дня.

Если Ты предупреждаешь —
я уже предупрежден.
Если Ты угрожаешь —
я испугался уже.
Господи, неужели
я лишь для страха рожден?
Холодно мне и суетно
на роковом рубеже.

Все-таки многоначалие
больше надежды дает,
проще спасти свою душу
и уберечь свою плоть,
чем если молотом тяжким
судьбы немолчно кует
не подлежащий обжалованию
единосущный Господь.

Но никуда не денешься.
Падаешь, словно денежка,
в кружке церковной звеня.
Боже, помилуй меня!

НОЧНЫЕ СТУКИ

Мне показалось, что кто-то стучится.
В дверь или в душу — понять я не мог.
Тотчас я встал и пошел за порог.
Пусто, и только вселенная мчится.
Мчится стремглав и сбивается с ног.

Звезды, сшибаясь на страшных рысях,
вдруг издают глуховатые звуки?
Или планеты скрипят на осях?
Или, по данным последним науки,
что-нибудь, как-нибудь, так или сяк?

Все-таки это, наверно, не в небе.
Все-таки это, наверно, в душе.
Кто-то стоит на моем рубеже
и осторожно, в печали и гнев,
тихо и грозно стучится: «Уже!»

Это как Жанны д'Арк голоса:
определяют, напоминают,
будто бы тихо и грозно роняют
капли — не наземь — в тебя небеса.
Или листву отрясают леса.

Я на холодном крыльце постою,
противоставлю молчанье вселенной
шороху, шуму, обвалу велений,
что завалили душу мою.
Вспомню, запомню и не утаю,

как он пришел, этот шелест и шепот,
перерастающий в гул или гром,
за целый век береженным добром,
как упразднил весь мой жизненный опыт,
что за вопросы поставил ребром.

ЗАВЕРШЕНИЕ

На полуфразе, нет, на полуслове,
без предисловий и без послесловий,
на полузвучке оборвать рассказ,
прервать его, притом на полуноте,
и не затягивать до полуночи,
нет, кончить все к полуночи как раз.

К полуночи закончить все, к курантам,
рывком решительным и аккуратным,
а все, что плел и расплести не мог,
все тропки, что давно с дороги сбились,
клубки, что перепутались, склубились,
загнать в полустраничный эпилог.

А в эпилоге воздух грозовой.
Дорога в эпилоге — до порога.
Короткий и печальный разговор
у эпилога.

* * *

Концерт для скрипки и гобоя —
а впрочем, заиграй любое.
Без музыки — словно без рук.
Сыграй мне что-нибудь, мой друг.

А если на фортепианах
не обучался никогда —
в биндюжниках и грубиянах,
в невеждах у меня нужда.

Скажи хоть глупость, развлеки
побасенкою, хоть чугунной.
С моей руки твоей руки
снимать и убирать не думай.

А если скрипка и гобой
захвачены сюда тобой,
пожалуйста, сыграй любое!
Концерт для скрипки и гобоя.

* * *

Ну что же, я в положенные сроки
расчелся с жизнью за ее уроки.
Она мне их давала, не спросясь,
но я, не кочевряжась, расплатился
и, сколько мордой ни совали в грязь,
отмылся и в бега пустился.
Последний шанс значительней иных.
Последний день меняет в жизни много.
Как жалко то, что в истину проник,
когда над бездною уже заносишь ногу.

Начата посмертная додача.
Все, что, сплетничая и судача,
отобрали, додадут в речах —
лишь бы наш покойник не зачах.

Все, что вопросительными знаками
недодали, пока был живой,
восклицательными знаками
додадут с лихвой.

Только окончательная мгла
перспективы облегла,
только добредешь ты до угла,
сразу улучшаются дела.

Все претензии погибнут сразу,
и отложенный вопрос — решат.
Круглые и жалостные фразы
все противоречья разрешат.

ВЕЗУЧАЯ КРИВАЯ

Приемы ремесла
с годами развиваю.
Но главное — везла
и вывезла кривая.

Отборнейших кровей,
задорнейшего ритма,
она была кривей,
извилистей, чем кривда.

Но падал на орла
любой пятак мой медный,
когда она везла
дорогою победной,

когда быстрее коня,
скорей автомобиля
она везла меня
и все куранты били.

Она прямей прямой,
она правее права,
и я вернусь домой
по кривизне той
прямо.

ПАЛАТА

У меня, по крайней мере, одно достоинство:
терпимость,
равнодушие в смеси с дружелюбием.
Но не в равных долях:
дружелюбия больше.
Стало быть, есть немного
любви, особенно жалости.
Все это получено по наследству,
но доучивался я в палате,
где лежал после трепанации черепа
с десятью другими,
лежавшими после трепанации черепа.
Череп, когда их расколют
даже с помощью мединструментов,
необщительны, неприязненны,
пессимистичны, неконтактны.
Самые терпимые из их владельцев
эволюционируют
от дружелюбия к равнодушию,
а потом к ярости.
Я развивался в противоположном направлении.
Я не стонал,
когда просили:
— Замолчи! — Я не ругался,
когда курили под табличкой
«Палата для некурящих».
Когда я слышал чужие стоны,
я думал, как ему плохо,
а не только как мне плохо
оттого, что он стонет.
Я выслушивал похабные анекдоты
из уст умирающего
и смеялся.
Из жалости.

Я притерпелся к своей терпимости.
Она не худшего сорта.
Одни доучивались в институте,
другие в казарме,
или в землянке,
или в окопе,
или в бараке.
Кто в семье,
кто на производстве,
кто на курсах по повышению квалификации.
Я повышал квалификацию
в палате для оперированных
во Второй Московской градской больнице.
Спасибо ее крепостным стенам,
озабоченному медперсоналу
и солнечному зайчику,
прибегавшему с воли
поглядеть, как мы терпим свое терпение.

ГОРОДСКАЯ СТАРУХА

Заступаюсь за городскую старуху —
деревенской старухи она не плоше.
Не теряя ничуть куражу и духу,
заседает в очереди, как в царской ложе.

Голод с холодом — это со всяким бывало,
но она еще в очереди настоялась:
ведь не выскочила из-под ее обвала,
все терпела ее бесконечную ярость.

Лишена завалинки и природы,
и осенних грибов, и летних ягод,
все судьбы повороты и все обороты
все двенадцать месяцев терпела за год.

А как лифт выключали — а его выключали
и на час, и на два, и на две недели, —
это горше тоски и печальней печали.
Городские старухи глаза проглядели,

глядя на городские железные крыши,
слыша грохоты городского движения,
а казалось: куда же забраться повыше?
Выше некуда этого достижения.

Телевизор, конечно, теперь помогает,
внуки радуют, хоть их не много, а мало.
Только старость тревожит, болезнь помыкает.
Хоть бы кости ночами поменьше ломало.

ЦЕННОСТИ

Сначала ценности — только
обычные драгоценности,
десятки или пятерки,
нахальные до откровенности,
заложённые в стены,
замазанные в печь.
За ценности той системы
нетрудно было упечь.

Потом в трубу вылетало
и серебро и золото.
Не выстояли металлы
против нужды и голода,
и дети детей осколка
империи, внуки его
уже не имели нисколько
и выросли без ничего.

Их ценности были «Бесы» —
растерзанный переплет,
и купленный по весу
разрозненный «Идиот»,
и даже «Мертвые души»
по случаю приобрели
живые юные души,
усвоили и прочли.

Это экспроприировать
не станет никто, нигде.
Это у них не вырвать
в счастье и в беде.
Они матерей беспечней,
они веселей отцов,
поскольку обеспечены
надежней, в конце концов.

БАСКЕТБОЛЬНЫЙ РОСТ

Соломенная вдова,
коломенская верста
проговорила слова,
придуманные спроста:

— За что он бросил меня?
За что он ушел к другой?
Не вижу белого дня. —
И слезы смахнула рукой.

Стояла, как перпендикуляр,
как тополь или как столб,
а взор бесшумно гулял,
а грудь издавала стон.

— За что он бросил, за что? —
Ну кто ответит на то?
Никто, конечно, никто
не знает, как и что.

— Пойду, сказал, беду
руками разведу.
Ведь платят по труду.
Обиды я не жду.

Запомнилась такой,
бредущей поутру,
качаемая тоской,
как мачта на ветру.

ХАРЬКОВСКИЙ ИОВ

Ермилов долго писал альфреско.
Исполненный мастерства и блеска,
лучшие харьковские стены
он расписал в двадцатые годы,
но постепенно сошел со сцены
чуть позднее, в тридцатые годы.

Во-первых, украинскую столицу
перевели из Харькова в Киев —
и фрески перестали смотреться:
их забыли, едва покинув.
Далее. Украинский Пикассо —
этим прозвищем он гордился —
в тридцатые годы для показа
чем дольше, тем больше не годился.

Его не мучили, не карали,
но безо всякого визгу и треску
просто завешивали коврами
и даже замазывали фреску.

Потом пришла война. Большая.
Город обстреливали и бомбили.
Взрывы росли, себя возвышая.
Фрески — все до одной — погибли.

Непосредственно, самолично
рассмотрел Ермилов отлично,
как все расписанные стены,
все его фрески до последней
превратились в руины, в тени,
в слухи, воспоминанья, сплетни.

Взрывы напоминали деревья.
Кроны упирались в тучи,
но осыпались все скорее —
были они легки, летучи,
были они высоки, гремучи,
расцветали, чтобы поблёкнуть.

Глядя, Ермилов думал: лучше,
лучше бы мне ослепнуть, оглохнуть.

Но не ослеп тогда Ермилов,
и не оглох тогда Ермилов.
Богу, кулачища вскинув,
он угрожал, украинский Иов.

В первую послевоенную зиму
он показывал мне корзину,
где продолжали эскизы блекнуть,
и позволял руками потрогать,
и бормотал: лучше бы мне ослепнуть —
или шептал: мне бы лучше оглохнуть.

МЕТР ВОСЕМЬДЕСЯТ ДВА

Женский рост — метр восемьдесят два!
Многие поклонники, едва
доходя до плеч,
соображали,
что смешно смотреть со стороны,
что ходить за нею — не должны.
Но, сообразивши, продолжали.

Гордою пленительною статью,
взоров победительною властью,
даже,
в клеточку с горошком,
платьем
выделялась —
к счастью и к несчастью.

Город занял враг
войны в начале.
Продолжалось это года два.
Понимаете, что же означали
красота
и метр восемьдесят два?

Многие красавицы, помельче
ростом,
длили тихое житье.
Метр восемьдесят два,
ее пометя,
с головою выдавал ее.

С головою выдавал
вражьему, мужчинскому наскоку,
спрятаться ей не давал
за чужими спинами нисколько.

Город был — прифронтовой,
полный солдатни,
до женщин жадной.

Как ей было
с гордой головой,
выглядевшей Орлеанской Жанной,
исхудающей, но еще живой?

Есть понятие — величье духа,
и еще понятие — голодуха.

Есть понятие — совесть, честь,
и старуха мать — понятие есть.

В сорок третьем, в августе, когда
город был освобожден, я сразу
забежал к ней. Помню фразу:
горе — не беда!

Ямой черною за ней зияли
эти года два,
а глаза светились и сияли
с высоты метр восемьдесят два.

СЕБАСТЬЯН

Сплю в обнимку с пленным эсэсовцем,
мне известным уже три месяца
Себастьяном Барбье.
На ничейной земле, в проломе
замка старого, на соломе,
в обгорелом лежим тряпье.

До того мы оба устали,
что анкеты наши — детали
незначительные в той большой,
в той инстанции грандиозной,
окончательной и серьезной,
что зовется судьбой и душой.

До того мы устали оба,
от сугроба и до сугроба
целый день пробродив напролет,
до того мы с ним утомились,
что пришли и сразу свалились,
Я прилег. Он рядом прилег.

Верю я его антифашизму
или нет — ни силы, ни жизни
ни на что. Только б спать и спать.
Я проснусь. Я вскочу среди ночи —
Себастьян храпит что есть мочи.
Я заваливаюсь опять.

Я немедленно спать заваливаюсь.
Тотчас в сон глубокий проваливаюсь.
Сон — о Дне Победы, где, пьян
от вина и от счастья полного,
до полуночи, да, до полночи
он ликует со мной, Себастьян.

К ПЕРЕСМОТРУ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Сгинь! Умри! Сводя во гневе брови,
требуют не нюхавшие крови
у стоявших по плечи в крови:
— Сгинь! Умри! И больше не живи!

Воевал ты, да не так, не эдак,
как Суворов, твой великий предок,
совмещавший с милосердьем пыл.
И Кутузов гениальней был.

Ты нарушил правила морали!
Все, что ты разрушил, не пора ли
правежом взыскать! И — до рубля!
Носит же таких сыра земля!

Слушают тоскливо ветераны,
что они злодеи и тираны,
и что надо наказать порок,
и что надо преподать урок.

Думают они, что в самом деле
сгоряча они недоглядели
и недоучли в пылу атак,
что не эдак надо бы, не так!

Впрочем, перетакивать не будем,
а сыра земля по сердцу людям,
что в манере руд или корней
года по четыре жили в ней.

* * *

Хорошо было на войне!
Тепло
по весне,
морозно — зимой.
Это, кажется, безвозвратно прошло,
только я вернулся домой.

Хорошо было на войне!
Держись
до конца. Отступать — не смей.
Но и жизнь на войне — настоящая жизнь.
Но и смерть — настоящая смерть.

Хорошо было на войне.
С тех пор
так прекрасно не было мне.
Подводя итог, я до сути допер:
хорошо было на войне.

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ

На фронте, в штабах, месяц службы
считался за три.
На передовой месяц службы
считали за год.
И только в тылу месяц службы
считали за месяц.
Но даже в тылу было ясно,
что месяц — это месяц.

В армии подполковник
был ниже всех полковников
и выше всех майоров.
Будучи майором,
я был выше всех капитанов,
так же как все капитаны
выше всех лейтенантов.

Ордена и медали
с нашивками за ранение,
конечно, вносили поправки,
но не нарушали системы.

Демобилизовавшись,
я выломился из старейшей
знаковой системы,
что старше всех алфавитов.

Я начинал сначала,
я действовал с иероглифами
размытыми, хуже меток
на простынях больничных.

В самом деле,
что такое
хорошая рифма?

И если договориться
о том, что это такое,
то все-таки что такое
хорошее чувство?

И что такое поэзия,
пусть даже не хорошая,
а просто — поэзия?

Какие знаки различия
носит Медный Всадник?

НОЧНОЙ ТАКСИСТ

Я ночной таксист. По любому
знаку, крику

я торможу,
открываю дверцу любому,
и любого я отвожу.

Я обслуживаю стихами,
как таксист — такси,

всех подряд,
а расплачиваются — пустяками,
очень скупно благодарят.

Я — ночной таксист. Среди ночи,
пополуночи

в мрак и тьму
тормозну на крик что есть мочи,
и открою дверцу ему.

Кто он, этот читатель ночной,
для чего я ему понадобился,
может быть, он просто полакомился
занимательной строчкой одной?

Может быть, того не планируя,
я свою глухую лирою
дал ответ на глухой вопрос,
до которого он дорос?

Я ночной таксист. За спиной
пассажир словоохотливый,
видный в зеркало очень отчетливо,
поболтать он хочет со мной.

ХВАЛА И ХУЛА

И хвала и хула,
но не похвала и не ругань,
а такая хвала и такая хула,
что кругами расходится на всю округу
то малиновый звон,
то набатные колокола.

Выбирая пооскорбительней фразы
или пообольстительнее слова,
опускали так сразу,
поднимали так сразу,
так что еле душа оставалась жива.

Всякий раз, когда кто-нибудь разорется
или же разольется воспитанным соловьем,
почему же — я думал — он не разберется.
Сели, что ли, бы рядом, почитали вдвоем.

Но хвала нарастала,
и в темпе обвала
вслед за нею немедля
хула прибывала.
А когда убывала
поспешно хвала,
тоже в темпе обвала
ревела хула.

Раскачали качели,
измаяли маятник.
То заметен ты еле,
то как временный памятник.
День-деньской,
весь свой век
то ты грязь,

ТО ТЫ КНЯЗЬ,
ТО ТЫ ВНИЗ,
ТО ТЫ ВВЕРХ.

Из листка,
ураганом, сорвавшим листок,
и тебя по морям-океанам мотает:
то метет тебя с запада на восток
или с юга на север тебя заметает.

* * *

Унижения
в самом низу,
тем не менее
я несу
и другие воспоминания:
было время — любили меня,
было легкое бремя признания,
когда был и я злобой дня.

В записях тех лет подневных,
в дневниках позапрошлых эпох
есть немало добрых и гневных
слов о том, как хорош я и плох.

Люди возраста определенного,
ныне зрелого, прежде зеленого,
могут до конца своих дней
вдруг обмолвиться строчкой моей.

И поскольку я верю в спираль,
на каком-то витке повторится
время то, когда в рифме и в ритме
был я слово, и честь, и мораль.

Я ЭТО Я

Я это только я. Не больше.
Но, между прочим, и не меньше.
Мне, между прочим, чужого не надо,
но своего отдавать не желаю.
Каждый делает то, что может,
иногда — сто три процента.
Требовать сто четыре процента
или сто пять довольно странно:
я это только я. Не больше.

Но, между прочим, и не меньше.
Раза три, а точнее, четыре
прыгал я выше лба своего же.
Как это получалось — не знаю,
но параметры и нормативы
выполнялись, перевыполнялись,
завышались и возвышались.
— Во дает, — обо мне говорили
самые обыкновенные люди,
а необыкновенные люди
говорили: «Сверх ожиданья!»
Это было заснято на пленку.
Пленку многократно крутили.
При просмотре было ясно:
я это только я. Не больше.
Но рекорд был все же поставлен,
но прыжок был все-таки сделан.

Так что я все-таки больше,
пусть немного, чем думали люди.

* * *

Рядовым в ряду,
строевым в строю
общую беду
лично, как свою,
общий груз задач
на себе таскал,
а своих удач
личных — не искал.

Человек в толпе,
человек толпы —
если он в тепле,
и ему теплы
все четыре угла
его площади,
жизнь его прошла
как на площади.

На виду у всех
его век прошел.
Когда выпал снег —
и его замел.
И его замел
этот самый снег,
тот, что шел и шел,
шел и шел навек.

* * *

Умелая рука гробовщика
вытаскивает тело старика,
холодное и бедное. Нагое.
В пространства бесконечные песка
уткнулась чахлая река
и захлебнулась мне на горе.

Река устала и ушла в песок,
и жилка, что трясла его висок,
устала и угомонилась.
Еще вчера она пыталась, билась,
синела.
Высох слабенький поток.

И разговоры недоговорив,
беседы не закончив мягкой шуткой,
недоперелиставши словари,
он замолкает. Словно на минутку.

Сначала на минутку. На часок,
а после — на год,
а потом — на вечность,
и речка, что сперва ушла в песок,
потом течет тихонько в бесконечность,

в дом отдыха, где есть кино и душ,
но фильмов — нету и воде — не литься,
где столько стариковских душ
пытаются тихонько веселиться.

* * *

Обжили ад: котлы для отопленья,
для освещенья угли.
Присматривай теперь без утомленья,
чтоб не потухли.

Зола и шлак пошли на шлакоблоки,
и выстроили дом.
Итак, дела теперь совсем не плохи,
хоть верится с трудом.

НЕ ЦИФРАМИ, А БУКВАМИ

Не цифрами, а буквами. Точней,
конечно, цифра. Буква — человечней.
Болезненный, немолодой, увечный
находит выраженье только в ней.

А цифра — бессердечная метла.
Недаром богадельня и больница
так любит слово, так боится,
так опасается числа.

* * *

Как ни взвесьте, как ни мерьте,
по прямой — кратчайший путь.
С точки жизни к точке смерти,
может, все-таки свернуть?

Нет, не выйдет по обочине.
По прямой. Со всеми прочими!
По асфальту, по шоссе!
Напрямик, как едут все!

Сзади пулемет врага,
пули метят в хвост и в гриву.
Впереди метет пурга,
огненная буря взрыва.

Впереди стоит машина
с ящиками небольшими.
В каждом ящике — снаряд.
Эти ящики — горят.

И покуда канонада
до костей не проберет,
прорываться надо, надо!
Я командую: вперед!

И машина между двух
взрывов
мчится во весь дух.
И осколков брызг стальной
в темпе марша или вальса
не поделает со мной
ничего.
И я — прорвался.

И ПУХ И ПЕРО

Ни пуха не было, ни пера.
Перо еще меньше было, чем пуха.
Но жизнь и трогательна и добра,
как в лагере геодезистов — стряпуха.

Она и займет и перезаймет,
и — глядь — и зимует и перезимует,
Она тебя на заметку возьмет
и не запомнит, не забудет.

Она, упираясь руками в бока,
с улыбкою простоит века,
но если в котле у нее полбыка —
не пожалеет тебе куска.

А пух еще отрастет, и перо
уже отрастает, уже отрастает,
и воля к полету опять нарастает,
как поезда шум в московском метро.

05.04.77

* * *

Когда ухудшились мои дела
и прямо вниз дорожка повела,
я перечел изящную словесность —
всю лирику, снискавшую известность,
и лирика мне, нет, не помогла.

Я выслушал однообразный вой
и стон томительный всей мировой
поэзии. От этих тристий, жалоб
повеситься, пожалуй, не мешало б
и с крыши броситься вниз головой.

Как редко радость слышались и смех!
Оказывается, что у них у всех,
куда ни глянь, оковы и вериги,
бичи и тернии. Захлопнув книги,
я должен был искать других утех.

15.04.77

* * *

Господи, Федор Михалыч,
я ошибался, грешил.
Грешен я самую малость,
но повиниться решил.

Господи, Лев Николаич,
нищ и бессовестен я.
Мне только радости — славить
блеск твоего бытия.

Боже, Владимир Владимыч,
я отвратительней всех.
Словом скажу твоим: «Вымучь!»
Вынь из меня этот грех!

Трудно мне с вами и не о чем.
Строгие вы господа.
Вот с Александром Сергеевичем
проще и грех не беда.

* * *

Читая параллельно много книг,
ко многим я источникам приник,
захлебываясь и не утираясь.
Из многих рек одновременно пью,
алчбу неутолимую мою
всю жизнь насытить тщетно я стараюсь.

Уйду, недочитав, держа в руке
легчайший томик, но невдалеке
пять-шесть других рассыплю сочинений.
Надеюсь, что последние слова,
которые расслышу я едва,
мне пушкинский нашепчет светлый гений.

22.04.77

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРОДЛЕННЫЙ ПОЛДЕНЬ (1975)

Книга, подписанная в печать в феврале, вышла в свет в середине года 20-тысячным тиражом. В ней было три незаглавленных раздела: стихи о текущей современности, о сегодняшнем мироощущении автора; стихи о прошлом — от детства до войны, людские портреты, стихи на этические, поведенческие темы; основной темой последнего раздела была поэзия, искусство (впервые большое место было отдано искусству изобразительному). Также впервые книга была иллюстрирована неопубликованными графическими работами художника А. М. Родченко (1891—1956), творчество которого Слуцкий ценил (впоследствии в еще большем количестве они будут представлены на страницах его книг «Сроки» (1984) и «Стихи разных лет» (1988).

Отклики на книгу были не очень многочисленны: упомянем рецензии критиков М. Пьяных (Звезда, 1976, № 8) и Ю. Болдырева (ДН, 1977, № 1). Но вообще в критических разговорах и размышлениях о поэзии имя Слуцкого возникает все чаще. Тематика и поэтика его творчества подвергается рассмотрению в статьях и книгах Л. Аннинского, А. Байгушева, И. Гринберга, Л. Лавлинского, А. Михайлова, В. Соловьева, К. Султанова, А. Урбана, Г. Филиппова и др.

Реконструкция Москвы (с. 7) — ДН, 1974, № 5, под заглавием «Реконструкция города», без 3-й строфы. Полностью: ПП.
Фреска «Злоба дня» (с. 8) — ПП.

Зал ожидания (с. 10) — ПП.

Журавли (с. 11) — ПП. Выг-озеро находится в Карелии, озеро Чад — в Западной Африке.

Полуторка (с. 12) — Юность, 1974, № 5. В ПП Слуцкий исключил концовку стихотворения, напечатанную в «Юности»:

Родина!
Кверху — до самого неба.
Родина!
Книзу — до центра земли.
Родина!
С запахом снега и хлеба!
Родиною

полуторки
шли.

Одиссей (с. 14) — ДП, 1974. *Одиссей (Улисс), Пенелопа* — персонажи древнегреческих эпических поэм «Илиада» и «Одиссея».

Белые руки (с. 15) — Смена, 1972, № 23.

Грязная чайка (с. 16) — ПП.

Давным-давно (с. 17) — Октябрь, 1975, № 2, без 2-й строфы. Первые два стиха 3-й строфы были заменены следующими:

Еще где-то на подступах — времена,
те, что нашей эпохой потом оказались.

Полностью и неискаженно: ПП.

«Солоно приходится и горько...» (с. 19) — ПП.

Мороз (с. 20) — Юность, 1974, № 2, с небольшим изменением. Исправленный текст: ПП.

Послевоенный шик (с. 22) — Звезда, 1973, № 9.

«Я был человек его века...» (с. 23) — ПП.

Певица (с. 24) — ПП.

Анализ фотографии (с. 25) — ПП. Едва ли не единственное стихотворение Слуцкого с наступающими его в это время раздумьями о боге, религии, церкви, прошедшее в печать при его жизни.

Платон (с. 27) — Смена, 1974, № 21, с небольшими изменениями. Исправленный текст: ПП. *Платон (V—IV вв. до н. э.)* — древнегреческий философ и писатель. В 1965 г. после долгого перерыва у нас в стране вышли «Избранные диалоги» Платона.

Проверка (с. 28) — Юность, 1973, № 6.

Цветное белье (с. 29) — ПП. *Африканда* — город в Мурманской области.

Выбор («Выбор — был. Раза два. Два раза...») (с. 31) — Юность, 1974, № 2.

Продленный полдень (с. 32) — ПП.

Дождь (с. 33) — Смена, 1974, № 21. Эпиграф взят из сцены II «Скупого рыцаря» А. С. Пушкина, из монолога Барона.

Новые чувства (с. 35) — Октябрь, 1975, № 2, с небольшим изменением. Исправленный текст: ПП.

Рассвет в музее (с. 36) — ПП, с последней строкой «стремительные, как пробег планет». Исправленный текст печ. впервые.

Старое синее (с. 37) — Смена, 1973, № 24. *Р. Р. Фальк* (1886—1958) — советский живописец, едва ли не всю свою творческую жизнь подвергавшийся несправедливым травле и давлению, творчество которого Слуцкий высоко ценил (см. стихотворение «Улучшаю свою жилплощадь...» — Неделя, 1987, № 7). *Х. Рембрандт ван Рейн* (1606—1669) — великий нидерландский художник. *М. С. Шагал* (1887—1985) — русский художник, с 20-х гг. жил и работал во Франции.

О вечности (с. 38) — ПП.

Утро, которое мудренее (с. 39) — ПП, без 2-й строфы. Полностью печ. впервые.

В 70-е годы, несмотря на неблагоприятные общественные и домашние обстоятельства и на частые упадки собственного душевного тонуса, Слуцкий тем не менее еще чаще испытывает взлет творческой активности. Стихи-наблюдения, стихи-воспоминания, стихи-размышления, стихи-предвидения одно за другим возникают под его пером в большом, даже невообразимом количестве.

Но по-прежнему к читателю доходит лишь небольшая часть созданного, хотя в эти годы, как он сам говорил, его «печатают много и охотно». Тут же он добавлял к сказанному: «...но не то, что я хотел бы напечатать». То, что он хотел бы напечатать, должно было прождать еще 10—15 лет, когда изменится обстановка в стране и многим его стихам возможно будет выйти из-под спуда.

Некоторые стихи удалось напечатать во время его болезни (1977—1986).

Набросок автопортрета (с. 40) — ДН, 1983, № 11.

Складно! (с. 41) — Юность, 1981, № 8.

Сон об отце (с. 42) — МК, 1978, 6 сент.

Память старых женщин (с. 44) — ДН, 1974, № 5.

Деревня и город (с. 45) — ДП, 1981, с приданным редактором подзаголовком «(Начало 30-х)». Так же — в *Сроках*. Фактически он был правдив (см. стихотворение «Говорит Фома» в т. 1 наст. изд., в котором отражены детские впечатления Слуцкого от голода 1933 года на Украине), тем не менее автору не принадлежал.

Первый день (с. 46) — ДН, 1973, № 5.

«Оказывается, война...» (с. 47) — Судьба.

Не за себя прошу («Седой и толстый. Толстый и седой...») (с. 48) — *Сроки*. В стихотворении описаны Б. А. Слуцкий и его приятель с довоенных времен поэт С. С. Наровчатов (1919—1981), в эти годы бывший главным редактором *НМ*.

Перемена судьбы (с. 49) — ДП, 1983.

«На хал, шарлатан, горлопан...» (с. 50) — Москва, 1971, № 10.

«Щенок, отведавший пинка...» (с. 51) — Юность, 1987, № 11. *Антабус* — лечебный препарат, терапевтическое средство от алкоголизма.

Понимание славы (с. 52) — ЛГ, 1978, 27 сент., с незначительным, но знаменательным для тогдашней редакции и смешным изменением: в первой строке вместо «столичке» напечатано «столице». Р. Л. Стивенсон (1850—1894) и В. Скотт (1771—1832) — английские писатели, шотландцы по происхождению, почтены памятниками в Эдинбурге. Это и следующее стихотворения навеяны впечатлениями от туристской поездки в Великобританию.

Мы в Эдинбурге (с. 54) — Печ. впервые. *Стюарты* — династия шотландских и английских королей. После насильственного присоединения Шотландии к Англии в 1652 г. и официального оформления этого присоединения в 1707 г. было несколько попыток, сделанных потомками Стюартов, вернуть себе шотландскую корону и Шотландии—независимость. Кого именно имеет в виду Слуцкий, непонятно.

Темп (с. 55) — БЗ.

«Отцы еще молодые...» (с. 57) — Смена, 1973, № 24. Стихотворение навеяно гибелью советских космонавтов Г. Т. Добровольского, В. Н. Волкова и В. И. Пацаева во время полета космического корабля «Союз-11» в 1971 г.

«Кто еще только маленький...» (с. 58) — БЗ.

«В общем, сколько мешков с бедою...» (с. 59) — Печ. впервые.

«Мне-то дело какое до Марьи Стюарт?..» (с. 60) — Театр. жизнь, 1988, № 4. *Мария Стюарт* (1542—1587) — шотландская королева с трагической судьбой, героиня многих литературных произведений, в том числе одноименной трагедии немецкого поэта и драматурга И. Шиллера (1759—1805), неоднократно ставившейся в московских театрах, в том числе и в 60—70-е гг.

Плебейские генеалогии (с. 61) — Книжное обозрение, 1987, 4 дек. *Филарет* — русский боярин Федор Никитич Романов (1554/55—1633), в монашестве Филарет, с 1619 г. — патриарх Московский, отец первого царя из династии Романовых — Михаила и соответственно прадед Петра Великого.

«Старухи, как черепахи...» (с. 63) — Веч. Харьков, 1989, 19 дек. *Мегера* — в греческой мифологии одна из трех эриний — богинь мести; нарицательно — злобное, мстительное существо. *Весталка* — жрица римской богини домашнего и общественного очага Весты, поступавшая в служение с 6—10 лет и обязанная сохранять девственность в течение 30 лет.

«Трагедии редко выходят на сцену...» (с. 64) — ЛО, 1989, № 7. *Гамлет, король Лир* — заглавные роли трагедий английского драматурга У. Шекспира.

Судьба («Человекосеанс завершился...») (с. 65) — МК, 1984, 30 сент.

«Это очень богатый мертвец...» (с. 66) — Печ. впервые.

«Кому мене жить, кому боле...» (с. 67) — Лит. Азербайджан, 1989, № 10.

Заповедь самому себе (с. 67) — МК, 1988, 27 марта. Эта штука сильнее «Фауста»... — Слуцкий иронически использует известную надпись И. В. Сталина на экземпляре слабой романтической поэмы А. М. Горького «Девушка и Смерть»: «Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете. Любовь побеждает смерть».

Не совсем (с. 68) — Юность, 1974, № 2. После выхода номера «Юности» со стихотворением ленинградский поэт и переводчик В. Бетаки, впоследствии эмигрировавший, в передаче для радиостанции «Свобода» заявил, что это стихотворение — об А. И. Солженицыне, в связи с чем автор и журнал получили нагоняи от партийных и иных властей.

«Не покоряйся, товарищ...» (с. 68) — ЛО, 1989, № 7.

«Оскорбить, отскоблить с него глянец...» (с. 69) — Печ. впервые.

Без дураков (с. 70) — БК, без заглавия.

«Трудоустроенный кровопийца...» (с. 71) — Знамя, 1989, № 3.

Новый тип (с. 72) — Печ. впервые.

«Среднее звено мечтает...» (с. 72) — Знамя, 1989, № 3.

«Поправляй меня, Родина! Я-то...» (с. 73) — Собеседник (Горизонт), 1988, № 2.

Гашение скоростей (с. 74) — БЗ. Студент молодой стрелял по эрцгерцогу... — 28 июня 1914 г. член националистической организации «Молодая Босния» Гаврило Принцип (1894—1918) убил наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жену в г. Сараево (Югославия). Этот выстрел послужил поводом для развязывания первой мировой войны. Этому событию посвящено неопубликованное стихотворение Слуцкого «Сараево».

«Стоял вопрос про роток и платок...» (с. 75) — ЛО, 1989, № 7.

«Итог истории: осколки...» (с. 76) — Звезда, 1982, № 6.

Пока еще все ничего (с. 77) — Известия, 1988, 9 сент.

Писарь (с. 78) — ДН, 1988, № 11.

«Анекдоты о Сталине лет через много...» (с. 79) — Печ. впервые.

«Доколе, доколе?..» (с. 79) — Печ. впервые.

Из «А» в «Б» (с. 80) — Веч. Казань, 1990, 20 марта. Плу-тарх — см. примеч. к стихотворению «Полезное дело» (т. 2 наст,

изд.). *Н. М. Карамзин* (1766—1826) — русский писатель и историк, автор многотомной «Истории Государства Российского». *Гиньоль* — театральное представление, полное ужасов, преступлений и т. п. Упомянув малороссийский фарс и песенку «Сулико», Слуцкий говорит таким образом о Н. С. Хрущеве, выходец с Украины, и И. В. Сталине, по слухам, очень любившем эту грузинскую народную песню на слова замечательного грузинского поэта Акакия Церетели (1840—1915).

«Я не искал виновника...» (с. 81) — Печ. впервые.

«Где небитые? Не осталось...» (с. 81) — Сов. Татария, 1989, 28 окт.

«В раннем средневековье...» (с. 82) — БЗ. Взятое эпиграфом выражение на самом деле не принадлежит А. А. Ахматовой, но она любила его и часто повторяла.

Высокое чувство (с. 83) — БСП.

«Вогнутый выпуклого не поймет...» (с. 84) — БСП.

«Хорошо будет только по части жратвы...» (с. 84) — БСП.

«Это — старое общество...» (с. 85) — БСП.

«Под эту музыку можно и вешать, и танцевать...» (с. 86) — В мире книг, 1988, № 7.

Полный поворот (с. 87) — БЗ.

Алчба (с. 87) — Знамя, 1989, № 3.

«Интеллигенция — русское слово...» (с. 88) — Юность, 1987, № 11. *Родион Раскольников* — герой романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, едва ли не самого популярного в мире русского писателя.

«Всем было жалко всех, но кой-кому...» (с. 89) — Звезда, 1989, № 10.

«Молодцеватые философы...» (с. 90) — БЗ. *Гораций* (65—8 гг. до н. э.) — древнеримский поэт, бежал с поля боя в битве при Филиппах (42 г. до н. э.).

Медлительность философов (с. 91) — Знамя, 1989, № 3. *А. Бергсон* (1859—1941) — французский философ. *З. Фрейд* (1856—1939) — австрийский психолог. И тот и другой — еврейского происхождения. Во время гитлеровского аншлюса Австрии Фрейд попал в руки гестапо и был выпущен в эмиграцию благодаря заступничеству американского посла. Бергсон умер в Париже во время гитлеровской оккупации.

Ваша нация (с. 92) — Год за годом. Литературный ежегодник. Вып. 5. М., 1989.

Перспектива (с. 93) — Знамя, 1989, № 3.

«Исключите нас из правила...» (с. 94) — Ленинская смена (Горький), 1989, 17 мая.

«А если вы не поймете...» (с. 95) — СМ, 1988, № 10.

- «Я с дисциплиной завязал...» (с. 96) — ДН, 1988, № 11.
«Я делал все, что мог. Не смог...» (с. 97). — Печ. впервые.
- «Двадцать лет я жил на том же уровне...» (с. 97) — ЛР, 1989, 5 мая.
- Разные судьбы (с. 98) — Огонек, 1987, № 7.
- «Даже думать об этом не хочется...» (с. 99) — Звезда, 1989, № 10.
- Сжигаю старые учебники (с. 100) — БСП.
- «Это носится в воздухе вместе с чадом и дымом...» (с. 101) — ДН, 1988, № 11.
- «От нашего любимого...» (с. 102) — Печ. впервые.
- Суровая нитка (с. 103) — МК, 1988, 27 марта.
- Товарищ («Постарел мой товарищ!..») (с. 104) — БСП.
- «Хочу умереть здесь...» (с. 105) — Городское хозяйство Москвы, 1988, № 7.
- Угловатая Родина (с. 106) — Вперед (Загорск), 1988, 26 марта.
- «Я вам глаз не мозолю и на мозоли...» (с. 107) — Печ. впервые.
- «В страхе божьем анкету заполнил...» (с. 108) — Нева, 1989, № 5.
- «Не пробиться к рабочим, крестьянам...» (с. 109) — Лит. Азербайджан, 1989, № 10. ЦСУ — Центральное статистическое управление.
- «Я, наверно, моральный урод...» (с. 110) — БСП. *Кабачок тринадцати стульев* — юмористическая телепередача 70-х гг.
- Подчинение логики (с. 111). — Печ. впервые.
- «Кесарево кесарю воздал...» (с. 112) — Звезда, 1989, № 10. Стихотворение основано на евангельском выражении «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф, 22, 21).
- «Разошлись по дальним далям близкие...» (с. 112) — Знамя, 1989, № 3.
- «Жизнь окончена. Сверх программы...» (с. 113) — БСП.
- «Психология перекрестка...» (с. 114) — БЗ. В стихотворении использована нередкая в русских народных сказках ситуация: витязь на распутье.
- «Были деньги нужны...» (с. 115) — СМ, 1988, № 10.
- «Маленькие государства...» (с. 116) — ЛО, 1988, № 6.
- «Древнейший из видов системы...» (с. 118) — Лит. Азербайджан, 1989, № 10.
- «Читали, взглядывая изредка...» (с. 119) — БЗ.
- Мои первые театральные впечатления (с. 120) — Печ. впервые. Второй вариант этого стихотворения, написанный

белым стихом, под заглавием «Первое театральное впечатление: пьяный Блюменталь в «Гамлете» напечатан в «Театральной жизни», 1988, № 4. В. А. Блюменталь-Тамарин (1891—?) — артист русского и советского театра, часто гастролировал по стране, заслуженный артист РСФСР (1938), в 1941 г. попал в оккупацию, служил оккупационным властям, был захвачен нашими войсками. Последующая судьба в точности неизвестна.

«Какую войну мы выиграли...» (с. 122) — Печ. впервые.

«В тот день, когда окончилась война...» (с. 123) — Печ. впервые.

«Эшафот — моровая страда...» (с. 124) — Юность, 1987, № 11. Достоевский, дождавшись пощады, покидает вдруг эшафот... — 22 дек. 1849 г. на Семеновском плацу в Петербурге Ф. М. Достоевский с несколькими товарищами по кружку Петрашевского, приговоренный к смертной казни, пережил обряд приготовления, прежде чем поступило высочайшее помилование.

«Как разведенные супруги...» (с. 125) — Печ. впервые.

«Пирамиды достигли цели...» (с. 126). — Печ. впервые.

«Ответы пока получены только на второстепенные...» (с. 127) — Огонек, 1987, № 7.

«Сперва на синее небо не отрываясь глядят...» (с. 127) — Печ. впервые.

Деревянная сказка (с. 128). — Печ. впервые.

«...И опять душа влекома...» (с. 129) — БК.

«История мучит людей...» (с. 130) — Печ. впервые. Ж.-Ж. Руссо (1712—1778) — французский писатель и философ, одной из его генеральных идей было максимальное опрощение жизни, возвращение человека к природе.

«Я приручил своих чертей...» (с. 131) — Печ. впервые.

Угрюмый ноктюрн (с. 132). — Печ. впервые.

Музыка будущего (с. 133) — Печ. впервые.

«От эпатирования буржуазии...» (с. 135) — Искусство Ленинграда, 1989, № 5. «Бубновый валет» — объединение московских художников (1910—1916), в которое входили П. П. Кончаловский, И. И. Машков, А. В. Лентулов, Р. Р. Фальк, Д. Д. Бурлюк и др. «Ослиный хвост» — группировка молодых русских художников (1912), объединившая М. Ф. Ларионова, Н. С. Гончарову, К. С. Малевича, В. Е. Татлина и др.

Вам нравится чахоточный (с. 136) — Печ. впервые, В. Э. Борисов-Мусатов (1870—1905) — русский живописец.

Неудача в любви (с. 137). — БЗ.

Слава Лермонтова (с. 138) — Знамя, 1989, № 3. Дамоклов меч — в нарицательном смысле постоянно угрожающая опас-

ность, неприятность. *Гордиев узел* — трудноразрешимое, запутанное дело. *Прометей* — герой древнегреческих мифов.

«Мать пестует младенца — не поэта...» (с. 139) — *НМ*, 1991, № 1. «*Демон*» — поэма М. Ю. Лермонтова. «*Про это*» — поэма В. В. Маяковского.

Златой запас (с. 140) — *Волга*, 1989, № 10.

«Философской лирики замах — рублевый...» (с. 141), — *БСП*.

«Целый народ предпочел стихи...» (с. 141), — *Печ.* впервые.

Два новых слова для нового дня (с. 142) — *Печ.* впервые.

«Не тратьте ваши нервы...» (с. 143) — *Печ.* впервые. «*Анчар*» — стихотворение А. С. Пушкина.

Читатель (с. 144), — *Печ.* впервые.

«Я был проверен и допущен...» (с. 145), — *БСП*.

«Большинство — молчаливо...» (с. 146) — *СМ*, 1988, № 10.

«Я — пожизненный, даже посмертный...» (с. 147) — *БЗ*.

«Прощаю всех...» (с. 148) — *БЗ*. *Ф. Вийон* (1431/1432—?) — французский поэт. *И тех, кого Вийон не захотел, я... прощаю...* — Слуцкий говорит о доносчиках, имея в виду строки из «Баллады, в которой Вийон просит у всех пощады»: «Но доносчиков не надо, // Не у них прошу пощады» (перев. И. Г. Эренбурга).

«Зачем, великая, тебе...» (с. 149), — *БО*.

Величие души (с. 150) — *Юность*, 1968, № 10.

«Никоторого самотека!..» (с. 151). — *Знамя*, 1988, № 1.

«Запах лжи, почти неуследимый...» (с. 151) — Там же.

«Потребности, гордые, словно лебеди...» (с. 152) — *Судьба*.

«Не ведают, что творят...» (с. 153) — *Юность*, 1986, № 8.

Объявление войны (с. 154) — *Знамя*, 1987, № 1.

«Во-первых, он — твоя судьба...» (с. 155) — *Судьба*.

«История над нами пролилась...» (с. 156) — *Судьба*.

«Мир, какой он должен быть...» (с. 157), — *Крестьянка*, 1987, № 9.

Ода Мейерхольду (с. 158) — *Театр. жизнь*, 1988, № 4. *В. Э. Мейерхольд* (1874—1940) — русский советский режиссер, поставил «*Маскарад*» М. Ю. Лермонтова в Александринском театре в 1917 г. *Герцог Альба* (1507—1582) — испанский полководец, за-

воеватель Португалии, правитель Нидерландов, жестоко боролся с Нидерландской буржуазной революцией.

«Гамлет этого поколения...» (с. 160) — *ДН*, 1987, № 6.

«Я был росую...» (с. 161) — Книжное обозрение, 1987, 4 дек.

Старые церкви (с. 162) — Вперед (Загорск), 1988, 26 марта.

Памятник старины (с. 163) — *НМ*, 1987, № 10. Это и предыдущие стихотворения написаны во время автомобильной поездки с женой и ее родственниками на Новгородщину.

Издержки прогресса (с. 164) — Сов. Россия, 1983, 12 июня.

Телефон (с. 165). — Неделя, 1987, № 7.

Молчащие (с. 166) — *ДП*, 1985.

Уходящее время (с. 167). — *ДН*, 1977, № 3.

«Это все прошло давно...» (с. 168) — *Сроки*, без 2-й и 4-й строк первой строфы. Полностью печ. впервые.

«Недостойно бежит старичок...» (с. 169) — *Сроки*.

«Человек умирает дважды...» (с. 169). — *СМ*, 1983, № 6.

«Поколению по имени-отчеству...» (с. 170) — *ДН*, 1987, № 6.

Перемены (с. 171). — Знамя, 1987, № 1.

Необходимость забвенья (с. 172) — Юность, 1979, № 4.

«Хороша ли плохая память?..» (с. 173). — *СМ*, 1983, № 6.

«Охажую крестов, на спину взваленных...» (с. 174) — Там же.

Страсть к фотографированию (с. 175) — Знамя, 1988, № 1. Как прорицанья древних Фив... — Слуцкий, видимо, имеет в виду прорицанья общегреческого Дельфийского оракула, расположенного неподалеку от г. Фивы, или же пророчества о судьбе фиванского царя Эдипа.

Месса по Слуцкому (с. 176) — *НМ*, 1987, № 10. Арнольд Слуцкий (1920—1972) — польский поэт, в 60-х гг. опубликовал в польской прессе стихотворение, посвященное Б. Слуцкому, перевел на польский язык несколько его стихотворений, в том числе «Физики и лирики», «Я учитель школы для взрослых...». Андрей (Анджей) Дравич — польский критик и переводчик советской литературы (переводил стихи Б. Слуцкого), с 1989 г. — министр радио и телевидения в правительстве Т. Мазовецкого; именно он рассказал Слуцкому о событии, легшем в основу стихотворения,

«Польский гонор и еврейский норов...» (с. 178) — Огонек, 1988, № 17.

«Стихи, что с детства я на память знаю...» (с. 179) — Нева, 1988, № 1.

Добавка (с. 180) — Знамя, 1988, № 1. В последних строфах стихотворения содержится переключка с «Памятником» А. С. Пушкина.

«Не воду в ступе толку...» (с. 181), — Крестьянка, 1987, № 9.

Слишком много жизненного опыта (с. 182), — НМ, 1979, № 5.

По течению и против течения (с. 183), — Крокодил, 1986, № 34.

«С бытием было проще...» (с. 184) — Знамя, 1988, № 1.

«Спасибо Вам за добрые слова...» (с. 185), — Альманах «Поэзия», вып. 48. М., 1987. Кому конкретно адресовалось стихотворение, установить пока не удалось.

«Ткал ковры. И продавал — внарез...» (с. 186) — Дом под чинарами-1989. Сборник. Тбилиси, 1989. В стихотворении отражена горечь Слуцкого от того, что многие его честные, правдивые стихотворения не проходили редакционные барьеры и оставались недоступны читателям.

Долг (с. 187), — Знамя, 1986, № 6.

Удачник (с. 188), — Знамя, 1987, № 1.

Неужели? (с. 189), — Юность, 1978, № 6.

Завещанное всем (с. 190) — Знамя, 1986, № 6.

«В драгоценнейшую оправу...» (с. 191) — Знамя, 1988, № 1.

«Поэты подробности...» (с. 192) — Там же.

«В двадцатом веке дневники...» (с. 193) — Там же.

В порядке исключения (с. 194) — ВЛ, 1978, № 4.

Помета под стихотвореньем (с. 195) — ДП, 1980.

Слава («Слава — вырезки из газет...») (с. 196) — Альманах «Поэзия», вып. 38. М., 1984.

«Гром аплодисментов подтверждал...» (с. 197) — ВЛ, 1987, № 2.

Равнодушие к футболу (с. 198) — МК, 1978, 6 сент.

Каждый день (с. 200), — ДП, 1979.

Профессиональное раскаяние (с. 202), — ЛГ, 1978, 6 сент.

НЕОКОНЧЕННЫЕ СПОРЫ (1978)

Этот сборник оказался последней книгой новых стихов, подготовленной самим Слуцким. В основном он готовился в 1976 г., в следующем году автор лишь дополнил его рядом только что созданных стихотворений, в частности, открывающим книгу стихотворением «Тане».

Редакционное прохождение книги, в котором автор уже не принимал участия, было сравнительно быстрым: через год текст ее был отправлен в набор, в июле 1978 года книга подписана к печати и вышла в свет осенью того же года 25-тысячным тиражом.

Книга была самой большой из изданных Слуцким, включала в себя около полутора ста стихотворений. Разделов не имела. Она могла бы быть названа итоговой, если бы в ней на самом деле были представлены итоги всех размышлений и трудов поэта в 70-е годы. К сожалению, это не было и не могло быть так. Достаточно сравнить стихи из «Неоконченных споров», отобранные для настоящего издания, с массивом стихотворений, написанных в эти же годы, чтобы увидеть, какие пласты творчества Слуцкого оставались скрытыми от читателя, задумывавшегося над теми же вопросами, над которыми бился поэт.

В то же время нужно сказать, что и в том, что публиковалось, содержалось много важного и ценного, не услышанного и не оцененного критикой и читателями.

На выход книги откликнулись критики Ю. Болдырев («Проходил не стороной...» — *ЛО*, 1979, № 8) и И. Винокурова («Трудная победа» — Октябрь, 1979, № 11).

Тане (с. 205). — Юность, 1977, № 4, без строфы, начинающейся со слов «Перепечатала, переплела». Полностью: *НС*. Единственное стихотворение о смерти жены, напечатанное Слуцким. Редакция журнала откликнулась на просьбу поэта и включила его в подборку стихов, когда номер был уже в типографии.

Неоконченные споры (с. 206). — Юность, 1976, № 3.

Прощание («Уходящая молодость...») (с. 207) — Смена, 1974, № 21.

Жалею время, что оно прошло (с. 208) — *ЛГ*, 1976, 15 сент.

Воздух полета (с. 209) — *ЛГ*, 1975, 10 сент.

Самый старый долг (с. 210) — Юность, 1975, № 8. Это и следующее стихотворения вызваны болезнью и смертью А. А. Слуцкой, матери поэта, жившей в Харькове с дочерью. Когда она заболела, сын устроил ее в одну из московских больниц.

Женская палата в хирургии (с. 211) — *ЛГ*, 1975, 10 сент., с незначительными изменениями. Исправленный текст: *НС*.

- Днем и ночью (с. 213) — Звезда, 1977, № 7.
- Школа войны (с. 214) — ДН, 1975, № 5.
- Звездные разговоры (с. 215) — Октябрь, 1975, № 2.
- Обгон (с. 216) — Юность, 1978, № 6, без посвящения. Посвящение А. П. Межирову, советскому поэту, к творчеству которого Слуцкий относился с непреходящим интересом, появилось в НС.
- Любовь к старикам (с. 217) — ЛГ, 1976, 16 июня.
- Захарова ко мне! (с. 218) — КП, 1978, 22 марта, без одной строки. Полностью: Знамя, 1978, № 4.
- Наглядная судьба (с. 220) — Кругозор, 1976, № 2.
- Одиннадцатое июля (с. 221) — Юность, 1977, № 4, под заглавием «Двенадцатое июля». Название изменено: НС.
- Звуковая игра (с. 222) — ЛГ, 1977, 27 апр., без заглавия. С заглавием: ДП, 1977.
- «Привычка записывать сны...» (с. 223) — Смена, 1971, № 21.
- Претензия к Антокольскому (с. 224) — ДН, 1976, № 7, под заглавием «О Павле Григорьевиче Антокольском», с изменениями. Окончательный текст и заглавие: НС. Стихотворение было напечатано, а возможно, и написано к 80-летию П. Г. Антокольского (1896—1978) — советского поэта. О первой встрече с ним Слуцкий рассказывает в мемуарном очерке «Знакомство с Осипом Максимовичем Бриком» (ВЛ, 1989, № 10, с. 177).
- Непривычка к созерцанию (с. 225) — Звезда, 1977, № 7.
- Цепная ласточка (с. 227) — Смена, 1971, № 21. Поэт рассказывал автору комментария, что из двух предыдущих книг цензура выбрасывала это стихотворение «с ревом и гиком».
- Все три измерения совести (с. 228) — Смена, 1975, № 22.
- «Не сказануть — сказать хотелось...» (с. 229) — НС.
- Очень много сапожников (с. 230) — ЛГ, 1976, 15 сент.
- Отцы и сыновья (с. 231) — Юность, 1975, № 8.
- Черта меж датами (с. 232) — ДП, 1977.
- Старый спутник (с. 233) — ДП, 1970. Монумент «Свободный труд» — монумент «Освобожденный труд» работы С. Т. Коненкова (1874—1971) в 20-х гг. находился в начале Цветного бульвара.
- Прощение (с. 234) — Звезда, 1977, № 7.
- Информация и интуиция (с. 235) — ЛО, 1978, № 1.
- Все четыре времени жизни (с. 236) — НС.
- Боязнь страха (с. 238) — Юность, 1977, № 4.
- Осенний отстрел собак (с. 239) — ДП, 1976.

Философы сегодня (с. 241) — *НС*.

Иванихи (с. 242) — *Юность*, 1976, № 3. *Как только стали пенсию давать...* — Новый закон о пенсиях, значительно увеличивший мизерные пенсии сталинского времени, вышел и вступил в силу во второй половине 50-х гг., после XX съезда КПСС.

Славная невяница (с. 243) — *ЛО*, 1978, № 1.

Похвала средним писателям (с. 244) — *ВЛ*, 1977, № 2.

Коля Глазков (с. 245) — *ЛР*, 1973, 6 июля, без заглавия — в составе статьи Е. Евтушенко «Обязательность», посвященной творчеству Слуцкого. С изменениями: *ЛО*, 1976, № 12 — в составе статьи Слуцкого «Лицо поэта», посвященной творчеству Н. Глазкова. Название впервые в *НС*. *Н. И. Глазков (1919—1979)* — советский поэт, оказавший большое влияние как на предвоенную группу московских поэтов, так и на генерацию, вошедшую в литературу в середине 50-х гг. (Е. Евтушенко, Р. Рождественский и др.).

Полвека спустя (с. 247) — *ВЛ*, 1978, № 4. *Аполлон* — бог муз в древнегреческой мифологии.

Петровна (с. 248) — *Октябрь*, 1978, № 9, без заглавия. С заглавием: *НС*.

Выпадение из отчаяния (с. 249) — *НС*.

На всю жизнь (с. 250) — *МК*, 1977, 26 янв.

Зеркальце (с. 251) — *Юность*, 1977, № 4.

И дяди и тети (с. 253) — *НС*.

Старинный сон (с. 254) — *Кругозор*, 1976, № 2.

Преодоление головной боли (с. 255) — *НС*.

Все-таки между тем... (с. 258) — *НС*, без последней строфы. Полностью печ. впервые.

Большие монологи (с. 259) — *ЛО*, 1978, № 1.

«В этот вечер, слишком ранний...» (с. 260) — *Нева*, 1977, № 5.

«Делайте ваше дело...» (с. 261) — *Юность*, 1971, № 9.

Нетрудно заметить, что в последних произведениях Слуцкого все большее место занимают темы старости и смерти. Их естественное — по мере увеличения возраста самого автора — явление и нарастание не было таким уж естественным для советской поэзии и вообще литературы, в которой в силу гласных и негласных идеологических требований господствовали настроения, ощущения, чувствования молодости и, как считалось, обязательно сопутствующих ей оптимизма, душевного и телесного здоровья, бодрости и т. п. Начиная с 60-х годов это бодрчество поэзии становится все более фальшивым, едва ли не насильственным. Так что творчество Слуц-

кого в этой его части также было протестом против официальной литературной идеологии, выражало стремление к высвобождению живой жизни из-под идеологического гнета, и потому далеко не все, что писалось поэтом на эти темы, находило место в печати.

В то же время Слуцкий старается не поддаваться ни тяжелым внешним обстоятельствам, ни внутренним унынию и неустройству. Он стремится сохранить прежний интерес к жизни, к людям, к явлениям искусства, к литературной молодежи, к событиям в мире и стране, в том числе и к природным катаклизмам. И этот интерес также сказывается во многих его произведениях, написанных в эту — последнюю — пору его творчества.

Здесь, в одной из последних предуведомительных заметок, следует ради справедливости сказать, что далеко не все ныне впервые публикуемые стихотворения Слуцкого не проходили в свое время в печать по причинам цензурного и редакторского произвола. Иные — в особенности написанные в 1976—1977 годах — он просто не успел предложить редакциям журналов и газет. Иные не считал достойными публикации, предполагая, возможно, еще работать над ними. К тому же Слуцкий писал очень много, куда больше, чем могло быть напечатано в периодике и в подготовленных им для издания книгах.

«Я других людей — не бедней...» (с. 262) — БЗ.

«У меня был свой «Сезам, отворись!»...» (с. 262) — Печ. впервые.

Хвастовство памятью (с. 263) — Печ. впервые. Посвящено жене поэта Т. Б. Дашковской.

«На шинелке безлунной ночью...» (с. 265) — Ленинская смена (Харьков), 1989, 20 мая.

Дилемма (с. 266) — БЗ.

Выбор («Привычный шум смешался с тишиной...») (с. 267) — Сов. Татария, 1989, 28 окт.

«В одинокой его судьбе...» (с. 268) — Печ. впервые.

«Звеню в цепи, звеном в цепи, звеном в цепи...» (с. 269) — БСП.

«Не грозный оклик палача...» (с. 270). — Печ. впервые.

Энергия старости (с. 271) — Звезда, 1977, № 7.

«Уже не холодно, не жарко...» (с. 271) — Знамя, 1989, № 3.

«От человека много сору...» (с. 272) — Звезда, 1989, № 10.

Столб в окне (с. 273) — Смена, 1988, № 21.

«Увидев в зеркале зеркало...» (с. 274) — Печ. впервые.

«Историческую необходимость...» (с. 275) — *ЛО*, 1988, № 6.

«Что бояться?..» (с. 276) — *ДН*, 1988, № 11.

Рожон (с. 277) — *Волга*, 1989, № 10.

«Никто не доказал, что впереди...» (с. 278) — Печ. впервые.

Как сделать революцию (с. 279) — *БЗ. Шерхебок* — ошибочно, правильно шерхебель — рубанок с полукруглым резцом для первичного, грубого строгания.

Герой и толпа (с. 281) — *Сов. Татария*, 1989, 28 окт.

«В графе «преступленья» — епископ...» (с. 282) — *Известия*, 1988, 9 сент. В первой строфе стихотворения отображена реальная политика Советского государства по отношению к церкви (не только православной, но и католической, лютеранской, магометанской и др.) и церковным деятелям в 20-е гг. особенно, но и в позднейшие времена.

«Неверующее государство...» (с. 282) — *Сов. Татария*, 1989, 28 окт.

Хвала вымыслу (с. 283) — *БЗ. Прерафаэлиты* — члены «Братства Прерафаэлиты», английские художники и писатели второй половины XIX в., взявшие за идеал «наивное» искусство средневековья и раннего Возрождения (дорафаэлевское).

«Вырабатывалась мораль...» (с. 284) — *Известия*, 1988, 9 сент. В стихотворении отразилась недолгая судьба торжественно провозглашенного и настойчиво пропагандируемого в 60—70-е гг. «Морального кодекса строителя коммунизма».

«Вдох и выдох...» (с. 285) — *Нева*, 1989, № 5.

«Хвалить или молчать!..» (с. 286) — *ЛР*, 1988, 18 марта.

«Государственных денег не жалко...» (с. 287) — *Знамя*, 1989, № 3.

«Опубликованному чуду...» (с. 288) — *БСП*.

«Официальная общественность...» (с. 288) — *ЛР*, 1989, 5 мая.

Полное отчуждение (с. 289) — *ЛГ*, 1988, 25 мая.

Соловьи и разбойники (с. 290) — *Сов. Татария*, 1990, 15 апр.

«Психика всегда стоящих в очереди...» (с. 291) — Печ. впервые.

«Умирают в своей постели!..» (с. 291) — Печ. впервые.

Затесавшееся столетье (с. 292) — *Комсомолец Татарии*, 1990, 13 мая.

Павел-продолжатель (с. 293) — *БЗ. Павел* — один из апостолов Иисуса Христа, Стихотворение говорит о И. В. Сталине.

«Стыдились своих же отцов...» (с. 294) — БЗ. От ветки родимой давно дубовый листок оторвался... — переиначенная и иронически переосмысленная строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Листок».

Тридцатки (с. 295) — БО. Тридцатки — до денежной реформы 1947 г. имели хождение 30-рублевые ассигнации. Владислав Андерс (1892 — 1970) — польский генерал, в 1942 г. по соглашению с Советским правительством сформировал в СССР из польских военнопленных и людей польской национальности армию, впоследствии сражавшуюся с гитлеровскими армиями на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Италии. Все три раздела Польши... — разделы территорий польского государства между Россией, Австрией и Пруссией, состоявшиеся в 1772, 1793 и 1795 гг. Восстания польских два... — Слуцкий имеет в виду, скорее всего, национально-освободительные восстания польского народа в 1830—1831 и 1863—1864 годах, запамätовав, что было и третье — в 1794 г.

«Крестьянская ложка-долбленка...» (с. 297) — Знамя, 1989, № 3.

Никифорова (с. 298) — ДН, 1988, № 11.

«Конечно, обозвать народ...» (с. 300) — СМ, 1988, № 10.

Не так уж плохо (с. 301) — Веч. Казань, 1990, 20 марта.

Между столетиями (с. 302) — БЗ.

«Поезд двигался сразу в несколько тупиков...» (с. 303) — ДН, 1988, № 11.

«Есть итог. Подсчитана смета...» (с. 304) — ЛО, 1988, № 7. Гавриил — архангел, который должен вострубить о наступлении Страшного суда. Магомет (570—632) — мусульманский пророк, основатель мусульманской (магометанской) религии. Парки — в римской мифологии богини судьбы, прядущие и обрывающие нить жизни.

«Ракеты уже в полете, и времени вовсе нет...» (с. 305) — Нева, 1988, № 1.

«Все кончается травой...» (с. 306) — БЗ. Аттика — см. примеч. к стихотворению «Ямбы» (т. 2 наст. изд.).

«Будущее футуристов — Сад Всеобщих Льгот...» (с. 307) — Дом под чинарами-1989. Сборник. Тбилиси, 1989.

«Распад созвездья с вызовом звезды...» (с. 308) — БЗ.

На финише (с. 309) — Нева, 1980, № 8.

Домой! («Расходимся по домам...») (с. 310) — Нева, 1983, № 12.

Игра в кирпичи (с. 311) — МК, 1977, 26 янв.

Внезапное воспоминание (с. 312) — ДП, 1980.

Трибуна (с. 313) — Огонек, 1988, № 17. Еще столица —

Харьков... — Харьков был столицей УССР до 1934 г. *С. В. Косиор* (1889 — 1939) — советский политический и государственный деятель, в те годы Генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины. *И. Э. Якир* (1896—1937) — военачальник гражданской войны, впоследствии — командующий войсками Киевского военного округа. *Г. И. Петровский* (1878—1958) — известный революционер-большевик, в 20—30-е годы председатель ВУЦИКа. *Н. А. Скрыпник* (1872—1933) — нарком просвещения Украины, покончил с собой в разгар кампании по борьбе с «украинским буржуазным национализмом». *В. А. Балицкий* (1892—1938) — нарком внутренних дел и председатель ГПУ Украины.

Командиры (с. 315) — *ДН*, 1975, № 5.

В самом конце войны (с. 317) — *Нева*, 1977, № 5.

Мои молодые товарищи (с. 318) — Октябрь, 1977, № 1.

«А в общем, ничего, кроме войны!..» (с. 319) — *ДН*, 1975, № 5.

Желанье поест (с. 320) — *Юность*, 1979, № 4.

О стихах на случай (с. 321) — *НМ*, 1986, № 7.

Профессиональная надменность (с. 322) — *ЛО*, 1978, № 1.

«Все труднее глаз на глаз с листом...» (с. 323) — *ЛГ*, 1986, 3 сент.

Объективная эпитафия (с. 324) — *ВЛ*, 1987, № 2.

«Увидимся ли когда-нибудь?..» (с. 324) — Альманах «Поэзия», вып. 48. М., 1987.

Младшим товарищам (с. 325) — *ВЛ*, 1982, № 7.

«Ни ненависти, ни зависти...» (с. 326) — *ВЛ*, 1987, № 2.

«— Что вы, звезды?..» (с. 327) — *Знамя*, 1988, № 1.

«Хорошо бы, жив пока...» (с. 328) — *ВЛ*, 1987, № 2.

«Нарушались правила драки...» (с. 329) — *БСП*.

«Я ранняя пташка...» (с. 330) — *Судьба*.

«Золотую тишину Вселенной...» (с. 331) — *Нева*, 1987, № 2.

Климат не для часов (с. 332) — *Судьба*.

Сенькина шапка (с. 333) — *Знамя*, 1988, № 1.

Рука и душа (с. 334) — *ДП*, 1981.

Слово «западник» и слово «славянофил» (с. 335) — *ЛР*, 1983, 14 окт.

О смертности юмора (с. 336) — *СМ*, 1983, № 6, без заглавия, с искажениями, исправляемыми в наст. изд.

«И лучшие, и худшие, и средние...» (с. 337) — *Знамя*, 1988, № 1.

«Хватит ли до смерти? Хватит...» (с. 338) — *Юность*, 1987, № 11.

«Все калечится и увечится...» (с. 339) — Неделя, 1987, № 7.

«Совесть ночью, во время бессонницы...» (с. 339)—МК, 1988, 27 марта.

Дыхание в затылок (с. 340) — Знамя, 1987, № 1.

Любимая обида (с. 341) — ДП, 1980.

Давай пойдем вдвоем (с. 342)—Сроки.

«Как бы чувства ни были пылки...» (с. 343)—СРЛ.

«Это не беда...» (с. 343) — ЛГ, 1986, 3 сент.

«Век вступает в последнюю четверть...» (с. 344) — Знамя, 1988, № 1.

«Говорят, что попусту прошла...» (с. 345) — Нева, 1988, № 1.

Столетия в сравнении (с. 346) — Нева, 1981, № 7.
Гекатомбы — жестокое и бессмысленное истребление большого числа людей. *Армагеддон* — место последней страшной битвы на исходе времен или сама битва.

Вечерний автобус (с. 348) — ЛГ, 1978, 6 сент.

Кузьминишна (с. 349) — ДН, 1977, № 3.

Концерт в глубинке (с. 350) — Юность, 1978, № 6.

Семейная ссора (с. 351) — Знамя, 1982, № 9.

Мелочь под ногами (с. 352) — ДП, 1975.

Зашедший разговор (с. 353) — Неделя, 1982, № 12.

Д. С. Самойлов (1920—1990) — советский поэт, друг Слуцкого.

Знакомство с незнакомыми женщинами (с. 354)—ДП, 1979.

«Молодая была, красивая...» (с. 356) — БСП.

Очки («Все на свете успешно сводивший к очкам...») (с. 357)—БЗ.

«Если вас когда-нибудь били ногами...» (с. 359)—Неделя, 1989, № 5.

«Итак, остается надежда...» (с. 360) — БСП.

«Мера наказания пророку...» (с. 361) — Печ. впервые.

Обоснование элегии (с. 362) — ВЛ, 1977, № 2.
Н. П. Огарев (1813—1877) — русский поэт, публицист, революционер-демократ.

«С юным Пушкиным все в полной ясности...» (с. 363) — ДН, 1987, № 6. *Аполлон* — см. примеч. к стихотворению «Полвека спустя».

«Поэты похожи на поэтов...» (с. 364) — ДН, 1987, № 6. *С. Я. Надсон* (1862—1887) — русский поэт, в конце XIX и начале XX вв. пользовавшийся огромной читательской популярностью.

«Все примазываются к Ренессансу...» (с. 365)—Звезда, 1989, № 10. *Ф. В. Булгарин* (1789—1859) и *Н. И. Греч*

(1787—1867) — русские писатели и журналисты, чья деятельность в русской общественной традиции получила значение символа продажности и угодливости перед властями.

«Выпив квасу из холодильника...» (с. 366) — Юность, 1984, № 7. *Троглодит* — первобытный пещерный человек.

Нечаевцы (с. 367) — Знамя, 1989, № 3. *С. Г. Нецаев* (1847—1882) — русский революционер-народник, внес в революционное движение методы мистификации и провокации, организовал убийство одного из своих соратников, не согласного с ним по вопросам тактики. *Бакунисты и лавристы* — представители течений в народническом движении, последователи М. А. Бакунина (1814—1876) и П. Л. Лаврова (1823—1900).

«Тривиальность: все люди смертны...» (с. 369) — Печ. впервые.

«Стали старыми евреями...» (с. 370) — Печ. впервые.

Более или менее (с. 371) — Печ. впервые.

Поэты (с. 372) — Знамя, 1989, № 3.

Последняя необходимость (с. 373) — Сов. Татария, 1989, 28 окт.

«Утихомирились, угомонились...» (с. 374) — Печ. впервые.

Коридоры судьбы (с. 375) — *БСП*.

«На похоронах не смеются...» (с. 376) — *ДН*, 1987, № 6.

«Утверждают многие кретины...» (с. 377) — *ЛО*, 1988, № 6. *Летейская струя* — струя реки Леты (см. примеч. к стихотворению «Расстреливали Ваньку-взводного...» в т. 2 наст. изд.).

«Смерть вычеркивает, упрощает...» (с. 378) — Печ. впервые.

«Куда-то голос запропал...» (с. 379) — Печ. впервые.

«Тороплю эпоху: проходи...» (с. 380) — Веч. Казань, 1990, 20 марта.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1977 ГОДА

Стихи 1977 года, а точнее, февраля — мая 1977 года, не случайно выделены в особый раздел тома. Для этого есть серьезные основания.

После нескольких дней тяжелого обострения болезни вечером 6 февраля 1977 года в Онкоцентре умерла Татьяна Борисовна Дашковская. В присутствии мужа, уже более суток находившегося либо в палате, либо у ее дверей. Умирание было тяжелым — накануне Слуцкий записал в блокноте следующие строки:

Медленно движется полночь.
Ход ее мерить не смей.
Самая скорая помощь —
Самая скорая смерть.

Не помедли, не помедли,
Мчась, и звеня, и трубя.
Как это люди посмели
Дурно сказать про тебя.

(Отношение к смерти как к избавительнице, призывы к ней надолго войдут в душевное состояние поэта.)

Тяжело переживая эту потерю, Слуцкий находит для себя спасение в том, к чему прибегал всю свою жизнь, — в поэзии. Можно сказать, теперь она остается его единственной спутницей. Утром, днем, вечером, даже среди ночи он то и дело обращается к своим рабочим тетрадам, вписывая на их страницы все новые и новые строки, строфы, стихотворения. Стихи льются из него едва ли не непрерывным потоком.

Если и до этого Слуцкий часто и много думал о смерти, о ее возможном приходе, то в эти месяцы его не покидает ощущение близкого конца. Отсюда, между прочим, и зачин одного из стихотворений, написанных в эту пору: «Я знаю, что «дальше — молчанье», поэтому поговорим...» Так что и сам поэт относится к создаваемому им в это время как к последним словам, как к поэтическому завещанию. И торопится выговориться, выписаться, не расходуя времени на окончательную отделку написанного — об этом тоже говорится в одном из стихотворений.

Впрочем, в какой-то момент — видимо, в конце марта — начале апреля — Слуцкому показалось, что ему удалось освободиться от пут отчаяния, что безнадежность разжала свои тиски, что поэзия вновь выручила его. Но это состояние длилось недолго — уже через декаду после написания «светлого» стихотворения «И пух и перо» он напишет стихотворение «Когда ухудшились мои дела...» в преобладающем в эти месяцы подавленном, мрачном тоне.

Под последним датированным стихотворением (изменив своему обыкновению не ставить «памет под стихотворением», Слуцкий кое-что из написанного в это время отличает датировкой) стоит: 3 мая. В эти же дни он уезжает в Дом творчества в Дубулты, где вскоре по приезде с ним происходит острый приступ душевной депрессии. Д. С. Данин и В. Н. Семин помогают ему уехать обратно в Москву, где его встречают Ю. В. Трифонов и другие друзья поэта. Еще через несколько дней он становится пациентом 1-й Градской больницы.

Больше Слуцкий не напишет ни строки. Стихи 1977 года так и станут его последними стихами.

Лишь очень немного из написанного в эти месяцы Слуцкий успеет отнести в журнально-газетные редакции — публикации их состоятся во второй половине 1977 и в самом начале 1978 годов.

Несколько стихотворений успеет включить в подготовленную им тогда же для «Советского писателя» книгу «Неоконченные споры».

Кроме нее, Слуцкий в эти месяцы подготавливает и сдает в издательство «Художественная литература» «Избранное».

Раздел открывается стихами, вызванными смертью жены (большинство их, а может быть, и все написаны сразу же после ее кончины). Отступая от принятых им же самим принципов издания, составитель счел необходимым в данном разделе привести немногие существующие датировки стихотворений.

«Я был кругом виноват, а Таня мне...» (с. 383) — ДП, 1986. В этом и следующем стихотворениях Слуцкий, судя по сделанной им в день смерти жены записи, точно воспроизводит сказанные ею в последние дни слова.

«Человек живет только раз. Приличия...» (с. 384) — БСП.

Последний взгляд (с. 385) — ДП, 1986.

«Каждое утро вставал и радовался...» (с. 386) — Крестьянка, 1985, № 7.

«Небольшая синица была в руках...» (с. 387) — ДП, 1986.

«То, что было вверено, доверено...» (с. 387) — ДП, 1986.

«Мужья со своими делами, нервами...» (с. 388) — Знамя, 1985, № 3.

«Мне легче представить тебя в огне, чем в земле...» (с. 389) — Нева, 1985, № 7.

Переобучение одиночеству (с. 390) — ДП, 1986.

«Мой товарищ сквозь эту потерю прошел...» (с. 391) — Знамя, 1985, № 3.

«Кучка праха, горстка пепла...» (с. 392) — Альманах «Поэзия», вып. 48. М., 1987.

«Страшно сохнет во рту...» (с. 392) — Печ. впервые.

«Не на кого оглядываться...» (с. 393) — Альманах «Поэзия», вып. 48. М., 1987.

«Сократились мои обязанности...» (с. 393) — Печ. впервые.

Вот какое намерение (с. 394) — Печ. впервые.

Просто жалобы (с. 395) — Знамя, 1989, № 3. *Тристии* (лат.) — печалования. Слово применялось в поэзии и в ораторском искусстве. «*Tristia*» — такое название книге стихов О. Э. Мандельштама, вышедшей в 1922 г., дал поэт М. А. Кузьмин. Слуцкий противопоставляет поэтическим «тристиям» обычные человеческие «жалобы».

Вопросы к себе (с. 396) — Знамя, 1988, № 1.

Доигрывание после домашнего анализа (с. 397) — Печ. впервые.

Менки (с. 398) — Юность, 1981, № 8.

«Молча, как придорожные столбики...» (с. 399) — Печ. впервые.

«Наблюдатели с Марса заметят, конечно...» (с. 400) — БЗ.

Без меня («Можно обойтись и без меня...») (с. 401) — БСП.

«Отбиваюсь от мысли о смерти...» (с. 402) — Печ. впервые.

«Те стихи, что вынашивались, словно дитя...» (с. 403) — БЗ.

«Я знаю, что «дальше — молчанье»...» (с. 404) — БЗ.
«Дальше — молчанье» — предсмертные слова Гамлета из одноименной трагедии У. Шекспира.

На белеющем в ночи листе (с. 405) — БЗ.

«На историческую давность...» (с. 406) — БЗ. *Тристан и Изольда* — возлюбленные, герои древней валлийской легенды, средневекового «Романа о Тристане и Изольде», переделанного французским филологом Ж. Бедье, одноименной оперы немецкого композитора Р. Вагнера и других произведений европейского искусства.

Родственники Христа (с. 407) — БСП.

Мама! (с. 409) — БЗ.

Продленная история (с. 410) — Знамя, 1989, № 3.

Возбужденный математик (с. 411) — Печ. впервые.

Самодержец (с. 412) — Печ. впервые. *Людовик или Карл* — Людовик XVI (1754—1793) и Карл I (1600—1649), соответственно французский и английский монархи, казненные во время буржуазных революций в своих странах.

Царевич (с. 413) — Сов. Татария, 1989, 28 окт. В основе стихотворения — судьба цесаревича Алексея, расстрелянного вместе с отцом, матерью и сестрами в Екатеринбурге в 1918 г.

Все теории судьбы (с. 414) — Аврора, 1988, № 8.

Задумываясь о вечности (с. 415) — Печ. впервые.

Разговоры о боге (с. 416) — БСП.

«Пока на участке молекулы...» (с. 417) — Сов. Татария, 1989, 28 окт.

Возвращение (с. 418) — ДП, 1981. *Содом и Гоморра* — описываемые в Библии два города, жители которых погрязли в пороках.

«Время кружит меня по кругу...» (с. 419) — Огонек, 1987, № 7.

Где лучше всего мыслить (с. 420) — СМ, 1983, № 6.

В углу (с. 421) — Судьба.

«Человечеству любо храбриться...» (с. 422) — Октябрь, 1988, № 2.

Слово на камне (с. 423) — Нева, 1983, № 12.

Постановление зеркал (с. 424) — Знамя, 1982, № 9.

Внезапно (с. 425) — ДН, 1980, № 5.

«Слепой просит милостыню у попугая...» (с. 426) — НМ, 1987, № 10. *Гюбер (Юбер) Робер (1733—1808)* — французский живописец.

«Ожидаемые перемены...» (с. 427) — Знамя, 1988, № 1.

И срам и ужас (с. 428) — ДН, 1987, № 6.

«Господи, больше не нужно...» (с. 429) — Лит. Армения, 1989, № 5.

Ночные стуки (с. 430) — Альманах «Поэзия», вып. 38. М., 1984. *Жанны д'Арк голоса...* — народная героиня Франции Жанна д'Арк (1412—1431), будучи деревенской пастушкой, слышала голоса архангела Михаила и святых Маргариты и Екатерины, призывавшие ее возглавить борьбу французов с английскими захватчиками во время Столетней войны.

То ли решать, то ли тянуть (с. 431) — Юность, 1983, № 1.

Завершение (с. 432) — Знамя, 1982, № 9.

«Концерт для скрипки и гобоя...» (с. 433) — Юность, 1987, № 11.

«Ну что же, я в положенные сроки...» (с. 434) — СРЛ.

«Начата посмертная додача...» (с. 435) — СРЛ.

Везучая кривая (с. 436) — ДП, 1983.

Палата (с. 437) — Сроки.

Городская старуха (с. 439) — ДН, 1983, № 11, без 2-й строфы. Полностью печ. впервые.

Ценности (с. 440) — ДН, 1988, № 11. «Бесы», «Идиот» — романы Ф. М. Достоевского. «Мертвые души» — поэма Н. В. Голя.

Баскетбольный рост (с. 441) — ЛР, 1983, 14 окт.

Харьковский Иов (с. 442) — ДП, 1978. В. Д. Ермилов (1894—1968) — украинский советский художник-монументалист.

Метр восемьдесят два (с. 444) — Сроки, без 5-й и 6-й строф. Полностью: БСП. *Орлеанская Жанна* — Жанна д'Арк (см. примеч. к стихотворению «Ночные стуки»).

Себастьян (с. 446) — Знамя, 1989, № 3. *Себастьян Барбье* — реальное лицо, полунемец, полусерб, принимал участие в антифашистской пропаганде, после окончания второй мировой войны жил в Югославии, сделал попытку разыскать Слуцкого.

К пересмотру военной истории (с. 447) — Наш современник, 1991, № 2.

- «Хорошо было на войне!..» (с. 448) — Печ. впервые, Демобилизация (с. 449) — Печ. впервые.
- Ночной таксист (с. 451) — Крестьянка, 1987, № 9,
- Хвала и хула (с. 452) — Знамя, 1988, № 1.
- «Унижения в самом низу...» (с. 454) — БЗ.
- Я это я (с. 455) — БЗ.
- «Рядовым в ряду...» (с. 456) — Городское хозяйство Москвы, 1988, № 7.
- «Умелая рука гробовщика...» (с. 457) — Печ. впервые.
- «Обжили ад: котлы для отопленья...» (с. 458) — Наука (Казань), 1989, 26 дек.
- Не цифрами, а буквами (с. 459) — Наш современник, 1991, № 2.
- «Как ни взвесьте, как ни мерьте...» (с. 460) — Печ. впервые.
- И пух и перо (с. 461) — БЗ.
- «Когда ухудшились мои дела...» (с. 462) — Дом подчинарами-1989. Сборник. Тбилиси, 1989.
- «Господи, Федор Михалыч...» (с. 463) — Апрельинформ, 1990, 21 апр. *Федор Михалыч, Лев Николаич, Владимир Владимыч, Александр Сергееч* — соответственно Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, В. В. Маяковский, А. С. Пушкин.
- «Читая параллельно много книг...» (с. 464) — Горьковский рабочий, 1989, 5 мая.

Заканчивая комментарий к первому Собранию сочинений, наверное, нужно еще добавить сведения о том, что во время болезни Слуцкого вышли следующие книги его стихов: «Время моих ровесников» (М., Детская литература, 1977, — вступительная статья Владимира Огнева), «Избранное. 1944—1977» (М., Художественная литература, 1980, — предисловие Константина Симонова) и «Сроки. Стихи разных лет» (М., Советский писатель, 1984). Они были хорошо встречены критикой — статьи и рецензии Б. Рунина, Вад. Соколова, И. Виокуровой, В. Турбина и др.

Незадолго до кончины Слуцкого порадовал выход большого тома его стихотворений на чешском языке в переводе Ярослава Каби́чека (Борис Слуцкий. Продленный полдень. Прага, Чешкословенский списователь, 1985). Том был великолепно оформлен советским художником В. Пивоваровым, снабжен послесловием критика Ивана Матейки, кратким календарем жизни и деятельности Слуцкого и краткой же библиографией его книг, чешских переводов и литературы о нем и его стихах. На родине чего-либо подобного Слуцкий мог ожидать лишь в неведомом будущем.

Перечислить всех тех, кому составитель и автор примечаний обязан теми или иными сведениями, просто невозможно. В то же время не могу не выразить сугубой благодарности Е. С. Ласкиной и Р. М. Медведовской, постоянная и безотказная помощь которых очень способствовала моей работе над первым Собранием сочинений Бориса Абрамовича Слуцкого.

**АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ,
вошедших в Собрание сочинений Б. А. Слуцкого (тома 1—3)**

	Том	Стр.
«А Блока выселили перед смертью...» (Порядок)	2,	214
«А в общем, ничего, кроме войны...»	3,	319
«А если вы не поймете...»	3,	95
«А как у вас с величием души?...» (Величие души)	3,	150
«А мой хозяин не любил меня...» (Хозяин)	1,	171
«— А на что вы согласны?...» (Доверительный разговор)	2,	147
«А нам, евреям, повезло...»	1,	164
«А намеренье такое...» (Вот какое намеренье)	3,	394
«А ты по-прежнему точен...»	2,	79
«А что же все-таки, если бог...»	2,	154
«А что такое полная свобода?...» (Ровно неделя до По- беды)	2,	250
«А я не отвернулся от народа...»	2,	131
Автомат	2,	275
«Автомобиль для смоленских дорог...» (Полуторка)	3,	12
Азбука и логика	2,	507
«Актеры грим смывают...»	1,	486
«Активная оборона стариков...»	1,	275
«— Александрниколаич и вы, Александрниколавна...» (Тезки)	2,	404
Алчба	3,	87
«Алчут алкоголя алкаши...» (Алчба)	3,	87
Амнистированный	1,	74
Анализ фотографии	3,	25
«Анекдоты о Сталине лет через много...»	3,	79
«Арионы высушат на солнышке...» («— Hel»)	2,	303
«Арьергардные бои...»	2,	520
Н. Н. Асеев за работой	1,	333
«Асеев пишет совсем неплохие...» (Н. Н. Асеев за ра- ботой)	1	333
«Асеев уходит черным дымом...» (На смерть Асеева)	2,	18
Астрономия и автобиография	2,	323
«— Ах, глаза бы мои не смотрели...» (Зеркальце)	3,	251
«Аэродромы малой авиации...» (Подполковник)	2,	402
Баба Маня	2,	489
Базис и надстройка	1,	28
Баллада	1,	152
Баллада о догматике	2,	158
Баллада о трех нищих	1,	51
Баня	1,	119

	Том	Стр.
Баскетбольный рост	3,	441
Беда	1,	181
Без дураков	3,	70
Без меня («Можно обойтись и без меня...»)	3,	401
Без меня («Ohne mich!...»)	2,	271
Без претензий	1,	466
«Безвыигрышная лотерея...» (Война)	1,	230
«Безногий мальчишка, калечка...» (На «диком» пляже)	2,	413
Белые руки	3,	15
«Белье теперь не белое...» (Цветное белье)	3,	29
«Бережет ли бог береженого?..» (Все теории судьбы)	3,	414
Березка в Освенциме	2,	41
«Березка над кирпичною стеной...» (Березка в Освенциме)	2,	41
«Бесконечный и мощный, великий туннель...» (Соловьев с Ключевским)	2,	403
Бесплатная снежная баба	1,	385
«Бетонный столб поставили в окне...» (Столб в окне)	3,	273
«Били Мейерхольда — ежедневно...» (Последний подарок судьбы)	2,	145
«Битых кирпичей было столько...» (Игра в кирпичи)	3,	311
Битье в грудь	2,	508
«Благодарю за выволочки...»	2,	65
«Бледная, словно пятая...» (Вам нравится чахоточный)	3,	136
Блик	2,	391
Блудный сын	1,	132
Бог	1,	170
«Бог был терпелив, а коллектив...»	2,	459
«Богатому кажется: бедному проще...»	2,	464
«Богатые занимают легко...»	1,	190
Более или менее	3,	371
Болезнь	1,	150
Боль в глазах	2,	449
Большие монологи	3,	259
«Большинство — молчаливо...»	3,	146
Большой порядок	2,	37
Боязнь страха	3,	238
«Брали карандаш и гнули линию...» (Двадцатые годы)	2,	367
«Брали на обед по три вторых...»	2,	90
«Брата похоронила, мужа...»	2,	284
Бремя людей	2,	256
Броненосец «Потемкин»	1,	347
«Будущее, будь каким ни будешь!..»	2,	184
«Будущее футуристов — Сад Всеобщих Льгот...»	3,	307
Бухарест	1,	138
«Бывший кондрашка, ныне insult...»	1,	448
«Быка не надо брать за бока...»	1,	450
«Был обыкновенный день поэзии...»	2,	17
«Был печальный, а стал печатный...»	1,	245
«Были деньги нужны...»	3,	115
«Были площади все изувечены...» (Варшавянки)	2,	429
«Было много жалости и горечи...»	2,	209
«Было полтора чемодана...» (18 лет)	1,	401
«Было право на труд и на отдых...»	2,	148

	Том	Стр.
«Было стыдно. Есть мне не хотелось...»	1,	246
«Бью себя в грудь — просто для практики...» (Битье в грудь)	2,	508
«В анкетах лгали...» (Улучшение анкет)	1,	434
«В беде, в переполохе...» (Большие монологи)	3,	259
«В бесплацкартном, некупированном...»	2,	33
«В большом городе...» (Первый снег)	2,	415
«В будущем обществе...» (Музыка будущего)	3,	133
В Германии	1,	43
«В графе «преступлень» — епископ...»	3,	282
«В два часа ночи...» (Объяснение)	2,	57
«В двадцатом веке дневники...»	3,	193
«В девятнадцатом я родился...» (Двадцатый век)	2,	128
В деревне	1,	240
«В драгоценнейшую оправу...»	3,	191
«В загашнике души...» (Информация и интуиция)	3,	235
«В звуковое кино не верящие...»	1,	296
«В конце войны, в селе Кулагино...» (Итальянец)	1,	102
«В любой библиотеке есть читатели...»	1,	70
«В маленькую киношку...»	2,	25
В метро	1,	215
«В моей квартире живет глухой...» (Глухой)	1,	115
«В наше время, в такую эпоху!...» (Такая эпоха)	1,	462
«В общем, некогда было болеть...» (Темп)	3,	55
«В общем, сколько мешков с бедою...»	3,	59
«В одинокой его судьбе...»	3,	268
«В окне — четыре этажа...» (Сквозь мутное стекло окна)	2,	191
«В офицерском резерве...» (Подшивки)	2,	421
«В охотоведенье — есть такой...» (Рожон)	3,	277
«В очередях стоять я не привык...» (Про очереди)	1,	53
В порядке исключения	3,	194
«В поэзии есть ангелы и люди...»	2,	107
«В поэзии красна изба углами...»	1,	154
«В промежутке в ожиданьи электрички...»	2,	307
«В рабочем городке Солнечногорске...» (Однофамилец)	1,	118
«В раннем средневековье...»	3,	82
«В революцию, типа русской...»	2,	465
В рифму	2,	506
«В России списывают трактора...» (Трактора и автомобили)	2,	382
В самом конце войны	3,	317
«В свободное от работы время...»	1,	498
«В середине четвертого года войны...» (Красавица)	2,	436
«В слове «западник» корень и окончанье...» (Слово «западник» и слово «славянофил»)	3,	335
В сорок лет	1,	312
«В сорока строках хочу я выразить...»	1,	62
«В страхе божьем анкету заполнил...»	3,	108
«В сутках было два часа — не более...» (Баллада)	1,	152
«В те годы утром я учился сам...» (Школа для взрослых)	1,	121
«В темной трубе ночной дороги...» (Полуночное шоссе)	2,	417
«В то время револьверы были разрешены...» (Из нагана)	1,	256

«В то утро в мавзолее был похоронен Сталин...» (Современные размышления)	1,	167
«В том институте, словно караси...» (Институт)	2,	185
«В тот день, когда окончилась война...»	3,	123
В углу	3,	421
«В углу харчевни спали три танкиста...» (Раннее утро)	1,	209
«В утиль меня сдали. Копейки по две...»	2,	295
«В Харьков приезжает Блюменталь...» (Мои первые театральные впечатления)	3,	120
«В части выписывали «Вечерки»...» (Квадратики)	1,	148
«В шатрах такого стана...» (Ода случаю)	1,	471
В шесть часов вечера после войны	1,	34
«В Эдинбурге — столичке...» (Понимание славы)	3,	52
«В эпоху такого размаха...»	2,	101
«В это десятилетие...» (Татьяна, Наталья)	2,	357
«В этой повести ни одного...» (Хвала вымыслу)	3,	283
«В этот вечер, слишком ранний...»	3,	260
«В этот город разнородный...» (Набросок автопортрета)	3,	40
«В этот день не обходили лужи...»	2,	187
В январе	1,	166
«Вагон метро в июле...» (В метро)	1,	215
«Важно не примкнуть к победителям...» (Заповедь самому себе)	3,	67
Валянье Ваньки	2,	179
«Валяют Ваньку, но Ваньке валянье...» (Валянье Ваньки)	2,	179
Вам нравится чахоточный	3,	136
«Ванька-встанька — самый лучший встанька...»	1,	270
Варшавянки	2,	429
«Васильки на засаленном вороте...» (Кульчицкий)	1,	405
Вася с Булей	1,	430
Ваша нация	3,	92
«Вдова, вернувшись с похорон...» (Неинтересно)	2,	266
«Вдова ли первая жена?...» (Тоня Калачева)	2,	396
«Вдох и выдох...»	3,	285
«Ведомому неведом...»	1,	272
Ведро мертвецкой водки	2,	160
«Везло по мелочам...»	2,	218
Везучая кривая	3,	436
«Век вступает в последнюю четверть...»	3,	344
Величие души	3,	150
Верил?	1,	177
«Весной сорок первого года...» (Хлеб)	1,	47
«Ветер пролетающих поездов...» (Линии железных дорог)	2,	293
Вечер забытых поэтов	2,	285
«Вечерами в полумраке каторжном...» (Землянка)	1,	42
Вечерний автобус	3,	348
«Вечером после рабочего дня...» (После двоеточия)	1,	187
Взрослые	1,	193
«Взрыв, локализованный в объеме...» (Современная теория баллады)	1,	49
«Виноватые без вины...»	1,	444
«Вкладчик оползня...»	2,	162
Вместо некролога	2,	511

	Том	Стр.
Внезапно	3,	425
Внезапное воспоминание	3,	312
«Вогнутый выпуклого не поймет...»	3,	84
«Вода бывает чистая, грязная, горькая, горячая...»	2,	85
Военный рассвет	1,	91
Военный уют	2,	248
«Вожжи из детства моего...» (Трибуна)	3,	313
Возбужденный математик	3,	411
Возвращаем лендлиз	1,	46
Возвращение	3,	418
«Возвышала душу поэзия...»	2,	376
Воздух полета	3,	209
Возраст авиации	2,	229
Война	1,	230
«Война была выиграна...» (Приметы)	2,	364
Волнорез	2,	410
«Во-первых, он — твоя судьба...»	3,	155
Вопросы к себе	3,	396
«Вопросы, словно в прошлом веке...»	1,	266
«Воршат слезавшиеся вороха. Уже...» (Пересуд)	2,	69
18 лет	1,	401
«Воспитан в духе жадной простоты...»	2,	171
Воспоминание	1,	371
Воспоминание о военной игре	2,	236
Воспоминание о журналисте	1,	231
Воспоминание о Павле Когане	2,	203
«Воспоминаний вспомнить не велят...»	2,	315
«Воссоздать сумею ли, смогу...»	1,	227
Восточные мудрецы и восточные умники	2,	463
«Вот вам село обыкновенное...»	1,	213
«Вот въехал странный грузовик...» (Перед вещанием)	1,	40
«Вот — госпиталь. Он — полевой, походный...»	1,	383
«Вот за что люблю анкеты: за прямую...» (Причины одной любви)	2,	304
«Вот и проросла судьба чужая...»	2,	356
Вот какое намерение	3,	394
«Вот она, отныне святая...»	2,	193
«Вот они, дома конструктивистов...» (Окраина)	1,	352
«Вот что скажут потомки...»	1,	285
«Впал в отчаяние, но скоро выпал...» (Выпадение из отчаяния)	3,	249
«Впервые в людской истории...» (Полезное дело)	2,	71
Время все уладит	1,	453
«Время кружит меня по кругу...»	3,	419
«Время уходит, и даже в анализах крови...» (Уходящее время)	3,	167
«Вручая войны объявление, посол понимал...» (Объявление войны)	3,	154
«Все было на авосе...»	2,	74
«Все время думаю, что мне уже пошел сорок второй...»	2,	43
«Все выходят на пенсию — обе стороны, эта и та...» (Обе стороны письменного стола)	2,	475
«Все говорят, имеется настой...» (Смывка киноплёнки)	2,	378
«Все десятилетия — великие...» (Преимущества и недостатки объема)	2,	470

	Том	Стр.
«Все запрещенные приемы...» (Полный поворот)	3,	87
«Все калечится и увечится...»	3,	339
«Все кончается травой...»	3,	306
«Все, кто пали...» (Наши)	1,	392
«Все — люди!» (Ростовщики)	1,	236
«Все мелкие мои долги...»	1,	57
«Все может быть...» (Как только взяться)	1,	451
«Все на свете успешно сводивший к очкам...» (Очки)	3,	357
«Все парки культуры и отдыха...» (Названия и переименования)	2,	479
«Все печки села Никандрова — из храмовых кирпичей...» (Памятник старины)	3,	163
«Все правила — неправильны...»	1,	495
«Все примазываются к Ренессансу...»	3,	365
«Все принцессы спят на горошинах...» (Послевоенный шик)	3,	22
«Все равно, где написано...» (Помета под стихотворением)	3,	195
«Все равно, как французу — германские судьбы...» (Мама!)	3,	409
«Все скверное — раньше и прежде...»	1,	75
«Все слабели, бабы — не слабели...»	2,	31
«Все слова, что связаны с конями...» (Ни к чему!)	2,	281
«Все спали в доме отдыха...» (Мальчишки)	1,	110
Все-таки между тем...	3,	258
«Все-таки стоило кашу заваривать...»	1,	273
«Все телефоны не подслушаешь...»	1,	163
Все теории судьбы	3,	414
Все течет, ничего не меняется	2,	337
«Все то, что не додумал гений...»	1,	279
Все три измерения совести	3,	228
«Все труднее глаз на глаз с листом...»	3,	323
«Все уладится, обойдется...» (Надежды)	2,	523
«Все умерли и все в одном и том же...» (Одногодки)	1,	183
Все условия	2,	234
«Все царевичи в сказках укрылись...» (Царевич)	3,	413
Все четыре времени жизни	3,	236
«Все щурится, и пятится...» (Славная невнятица)	3,	243
«Все было жалко всех, но кой-кому...»	3,	89
«Все м лозунгам я верил до конца...»	1,	172
Вскрытие мощей	2,	164
«Всю-то жизнь я читал. За это...» (Боль в глазах)	2,	449
«Вся армия Андерса — с семьями...» (Тридцатки)	3,	295
«Всяк по-своему волнуется...»	1,	290
Второй этаж	1,	131
«Вы — гончики, а мы — шоферы...»	1,	385
«Вы не были в районной бане...» (Баня)	1,	119
«Выбираешь, за кем на край света...» (Выбор)	2,	252
Выбор («Выбираешь, за кем на край света...»)	2,	252
Выбор («Выбор — был. Два два. Два два...»)	3,	31
Выбор («Привычный шум смешался с тишиной...»)	3,	267
Выдержка	2,	156
«Выдыбает Перун отсыревший...» (Реперунизация)	2,	308
«Вынимаются книжки забытые...»	1,	419
Выпадение из отчаяния	3,	249

	Том	Стр.
«Выпив квасу из холодильника...»	3,	366
«Выполнив свой ежедневный урок...» (Знакомство с незнакомыми женщинами)	3,	354
«— Выпускают, всех выпускают...» (Разговор)	2,	49
«Вырабатывалась мораль...»	3,	284
Высвобождение	2,	121
«Высокие потолки ресторана...» (Ресторан)	2,	23
«Высоко он голову носил...»	1,	363
Высокое чувство	3,	83
Высокомерие	2,	133
«Выходит на сцену последнее из поколений войны...» (Последнее поколение)	2,	274
«Газета пришла — про соседа...» (Слава)	1,	310
Газеты	1,	318
«Гамарнику, НачПУРККА, по чину...» (После реабилитации)	1,	178
«Гамлет этого поколения...»	3,	160
Гашение скоростей	3,	74
«— Где же вы были в годы войны?...» (Скандал сорок шестого года)	2,	425
Где лучше всего мыслить	3,	420
«Где небитые? Не осталось...»	3,	81
«Где-то в небе летит ракета...» (Судьба)	2,	183
«Где-то струсил. Когда — не помню...»	2,	40
Генерал Миаха, наблюдающий переход испанскими войсками французской границы	1,	25
«Генерал Петров смотрел картины...» (По рассказу Л. Вольнского)	2,	321
«Генерала легко понять...»	1,	440
«Геологи всегда нужны...» (Последняя необходимость)	3,	373
«Гераклит с Демокритом...» (Все течет, ничего не меняется)	2,	337
Герой	1,	278
Герой и толпа	3,	281
«Гимназической подружки...» (Елка)	2,	269
«Главная надежда — на читальни...» (Польза чтения)	1,	456
«Главным образом ангелы, но...» (Размол кладбища)	2,	485
Глаза детей	2,	428
«Глухая музыка, затертая стеной...» (Привязчивая мелодия)	2,	384
Глухое чувство справедливости	2,	360
Глухой	1,	115
Говорит комиссар полка	1,	201
Говорит Фома	1,	146
«Говорить по имени, по отчеству...»	2,	262
«Говорят, что Медведиц столь медвежеватых...» (Астрономия и автобиография)	2,	323
«Говорят, что огромные, многотонные самосвалы...» (Все три измерения совести)	3,	228
«Говорят, что попусту прошла...»	3,	345
Годовая стрелка	2,	225
«Голову мне на плечо положив...» (Негритенок)	2,	399
Голос друга	1,	114
«Голоса не дал Господь и слова...»	2,	518

	Том	Стр.
«Гонимая передвиженья зудом...» (Грязная чайка)	3,	16
Гора	1,	87
«Горизонт перед городом пятится...» (Пурга над асфальтом)	2,	414
«Горлопанили горлопаны...»	2,	474
Городская старуха	3,	439
Горожане	2,	491
Госпиталь	1,	89
«Господи, больше не нужно...»	3,	429
«Господи, Федор Михалыч...»	3,	463
«Государя должны государить...»	1,	416
«Государственных денег не жалко...»	3,	287
«Государство уверено в том, что оно...»	2,	140
«Грехи и огрехи...»	1,	78
«Грехи прощают за стихи...» (Прощение)	3,	234
Грешницы	2,	493
«Гривенники, пуговицы...» (Счастье)	1,	192
«Гром аплодисментов подтверждал...»	3,	197
«Громыхая костями...» (Старое синее)	3,	37
«Группа царевича Алексея...» (Продленная история)	3,	410
Грязная чайка	3,	16
Гудки	1,	129
Гурзуф	1,	320
Давай пойдем вдвоем	3,	342
«Давайте деньги бедным...» (Базис и надстройка)	1,	28
«Давайте после драки...» (Голос друга)	1,	114
Давным-давно	3,	17
«— Дадите пальто без номера?..»	1,	242
«Даже дело Каина и Авеля...» (Пересуд)	1,	259
«Даже думать об этом не хочется...»	3,	99
«Даже Новый Завет обещал...» (Необходимость про- рока)	2,	365
«Дайте мне прийти в свое отчаянье...»	2,	197
«Далеки ли пределы разумного...» (Пределы разумного)	2,	335
Дальний Север	1,	264
«Дамоклов меч...» (Слава Лермонтова)	3,	138
Два года в больницах	2,	278
«Два года разговоров, слухов...»	1,	283
Два новых слова для нового дня	3,	142
«Два оклада выдают за два...»	2,	50
«Двадцатилетним можно говорить...» (Преимущества старости)	1,	314
Двадцатые годы	2,	367
«Двадцатые годы, когда все были...»	1,	464
«Двадцатые годы — не помню...» (Тридцатые годы)	2,	34
Двадцатый век	2,	128
«Двадцать лет я жил всухомятку...» (Большой поряд- док)	2,	37
«Двадцать лет я жил на том же уровне...»	3,	97
21 июня	2,	7
Двести метров	2,	122
«Двурукий нищий должен быть...» (Баллада о трех ни- щих)	1,	51

	Том	Стр.
«Девушки, достигнув восемнадцати...»	2,	178
«Девяносто четвертая полная средняя...» (Моя средняя школа)	2,	430
«Девятнадцатый век отдаленнее...» (Столетия в сравнении)	3,	346
«Девятнадцатый век разрушают...» (Реконструкция Москвы)	3,	7
«Дед Петра Великого ведом...» (Плебейские генеалогии) 9-го Мая	3,	61
«Действительность в строку не помещалась...»	2,	28
Декабрь 41-го года	1,	377
«Делайте ваше дело...»	3	200
«Деление на виды и на роды...»	3	261
«Дело, что было Вначале, — сделано рядовым...» (Писаря)	1,	323
Демаскировка	1,	99
Демобилизация	1,	175
«День был душный, а тон был пошлый...»	3,	449
«День возвращения в Москву...» (Дóмал)	2,	261
День Победы в Альпах	1,	211
«Деньги пахнут грозным запахом...»	2,	123
«Деревенский мальчик, с детства знавший...» (Что почем)	1,	33
«Деревня, а по сути дела — весь...»	2,	309
Деревня и город	2,	174
Деревья и мы	3,	45
Деревянная сказка	1,	359
«Деревянные трубы исторгли не звук, а стук...» (Деревянная сказка)	3,	128
«Десятилетье Двадцатого съезда...»	2,	176
«Дети врагов народа...»	1,	257
«Дети пленных турчанок...» (Черные брови)	2,	355
«Дети — это лишний шанс. Второй...» (Сын негодяя)	2,	76
«Дивизия лезла на гребень горы...» (Памятник)	1,	83
«Дивизия на сто восемьдесят...» (Полный поворот дивизии)	2,	244
Дилемма	3,	266
Длинные разговоры	1,	388
Днем и ночью	3,	213
«Днем рассуждаешь...» (Днем и ночью)	3,	213
«Дня такого, ночи такой...» (Беда)	1,	181
«До чего довели Плутарха...» (Из «А» в «Б»)	3,	80
«До чего же женщины живучи!..»	2,	288
«Добавить — значит ударить побитого...» (Добавка)	3,	180
Добавка	3,	180
Добро	2,	36
«Добро и Зло сидят за столом...» (Прощание)	1,	263
Доверительный разговор	2,	147
«Довертелась земля до ручки...» (Кнопка)	2,	180
«Доделывать ли дела?...» (Вопросы к себе)	3,	396
Дождь	3,	33
«Дождь дождил — не переставая...» (Командиры)	3,	315
Доигрывание после домашнего анализа	3,	397
«Доигрываю проигранную...» (Доигрывание после домашнего анализа)	3,	397
«Доколе, доколе?...»	3,	79

	Том	Стр.
Долг	3,	187
«Долго играет долгоиграющая...» (Пластинка)	2,	100
«Долголетье исправит...»	2,	347
«Должна быть мастерская...» (Ленинская жилищная норма)	1,	79
Дом в переулке	1,	189
Дóма!	1,	211
«Дома-то высокие! Потолки...»	2,	305
«Домик на окраине, в стороне...» (Домик погоды)	1,	294
Домик погоды	1,	294
Домой! («Расходимся по домам...»)	3,	310
Домой («То ли дождь, то ли снег...»)	1,	141
«Доносов не принимают!...»	1,	435
Дорога	1,	39
«Дослужила старуха до старости...» (Никифоровна)	3,	298
«Досрочная ранняя старость...» (Болезнь)	1,	150
Досрочник	2,	440
«Древнейший из видов системы...»	3,	118
Духовые оркестры	2,	102
Дыхание в затылок	3,	340
«Дядя, который похож на кота...» (И дяди и тети)	3,	253
Евгений	2,	472
«Евреи хлеба не сеют...» (Про евреев)	1,	165
«Еврейским хилым детям...»	1,	279
«Единоголосные голосования...»	2,	75
«Екатерининский солдат...»	2,	350
Елка	2,	269
«Ермилов долго писал альфреско...» (Харьковский Иов)	3,	442
«Если б Мейерхольду «Маскарада...» (Ода Мейерхольду)	3,	158
«Если б я был культом личности...»	1,	185
«Если вас когда-нибудь били ногами...»	3,	359
«Если вся рота идет не в ногу...»	2,	94
«Если иссякнут силы...» (Слова, слова)	2,	113
«Если слово «Нехорошо!»...» (Пока еще все ничего)	3,	77
«Если солдат пройдет по дороге...» (Солдат и дорога)	1,	35
«Если срываются с ниток шары...» (Судьба детских воздушных шаров)	2,	246
«Есть!»	2,	251
«Есть итог. Подсчитана смета...»	3,	304
«Есть ли люди на других планетах?..»	1,	461
«Ехал бог на белой кобыле...» (Край земли)	2,	329
«Еще все были живы...» (Давным-давно)	3,	17
«Еще играли старый гимн...» (Проба)	1,	428
«Еще неизвестно: вечность — чулан или океан...» (О вечности)	3,	38
«Еще скребут по сердцу мессера...» (Госпиталь)	1,	89
Жалею время, что оно прошло	3,	208
«Жалкие символы наши...»	2,	334
«Жалко молодого президента...»	2,	73
«Жалкой жажды славы не выкажу...»	1,	504
«Жгут архивы, К большим переменам...»	2,	328

	Том	Стр.
Желание	2,	420
Желанье поест	3,	320
«Жена умирала и умерла...» (Последний взгляд)	3,	385
Женская палата в хирургии	3,	211
«Женский рост — метр восемьдесят два!...» (Метр во- семьдесят два)	3,	444
«Женщина заплакала. У нее...»	2,	97
«Женщины, с которыми — ты...»	2,	80
«Жесткие пословицы Руси...»	2,	468
Жизнь	1,	473
«Жизнь окончена. Сверх программы...»	3,	113
«Жил я не в глухую пору...» (Неоконченные споры)	3,	206
«Жилец схватился за жилет...» (Внезапное воспомина- ние)	3,	312
Журавли	3,	11
«За маленькие подвиги даются...» (Высвобождение)	2,	121
«За привычку летать...» (Издержки прогресса)	3,	164
«За себя никогда никого не просил...» (Не за себя прошу)	2,	499
«За три факта, за три анекдота...»	2,	461
Заболоцкий спит в итальянской гостинице	2,	394
«Забытых поэтов забыли...» (Вечер забытых поэтов)	2,	285
Завершение	3,	432
Завещанное всем	3,	190
«Завьяловский хор стариков...» (Рабочая песня)	1,	117
«Завяжи меня узелком на платке...»	1,	505
Задача	1,	101
«Задачники без решебников...» (Бремя людей)	2,	256
Задумываясь о вечности	3,	415
Законные требования человечества	2,	70
Зал ожидания	3,	10
«Замполит батальона энского...» (9-го Мая)	2,	28
«Заняв на двух тележках перекресток...» (Не обойди!)	2,	435
«Запах лжи, почти неуследимый...»	3,	151
Запланированная неудача	2,	170
Заповедь самому себе	3,	67
«Застрять во времени своем...» (Дилемма)	3,	266
«Заступаюсь за городскую старуху...» (Городская старуха)	3,	439
Засуха	1,	108
«Засыпаю только лицом к стене...» (Сон об отце)	3,	42
Затесавшееся столетье	3,	292
«Заученный, зачитанный...»	2,	371
Захарова ко мне!	3,	218
«Захлопывается, закрывается, зачеркивается сто- летье...» (Между столетиями)	3,	302
«Зачем, великая, тебе...»	3,	149
Зашедший разговор	3,	353
Звездные разговоры	3,	215
«Звеню в цепи, звеню в цепи, звеню в цепи...»	3,	269
«Звон бубенца иль телефона...» (Пой, жаворонок)	2,	529
Звуковая игра	3,	222
Звуковое кино	1,	415

	Том	Стр.
«Звякнул электрон об электрон...» (Технари)	2,	351
«Земля, земля — вдова солдата...»	1,	391
Землянка	1,	42
Зеркальце	3,	251
Зимняя Ялга	2,	416
Златой запас	3,	140
«Зло можно простить, забыть-наплевать...» (Добро)	2,	36
«Зло, что преданно так и тщательно...» (Высокое чувство)	3,	83
Злые собаки	1,	159
«Знаете, что делали в Афинах...» (Предупреждение)	1,	315
Знаешь сам!	2,	503
«Знак был твердый у этого времени...»	2,	478
Знакомство с незнакомыми женщинами	3,	354
«Значит, можно гнуть. Они согнутся...»	1,	274
«Значит, нет ни оркестра, ни ленты...» (На финише)	3,	309
Золото и мы	1,	31
«Золотую тишину Вселенной...»	3,	331
Зоопарк ночью	1,	128
«Зубы крепко, как члены в президиуме...» (Первый овощ)	2,	177
«И без наглости...» (На всю жизнь)	3,	250
И гром и молния	2,	408
И дяди и тети	3,	253
«И логика беды...» (Подчинение логики)	3,	111
«И лучшие, и худшие, и средние...»	3,	337
«...И опять душа влекома...»	3,	129
«И печаль—это форма свободы...» (Обоснование элегии)	3,	362
«И положительный герой...»	1,	489
«И при виде василька...» (Хорошая смерть)	2,	344
И пух и перо	3,	461
И срам и ужас	3,	428
«И хвала и хула...» (Хвала и хула)	3,	452
«И это тоже было пережито...» (Воспоминание о военной игре)	2	236
Иезанихи	3,	242
Иваны	1,	365
Игра в кирпичи	3,	311
«Игра не согласна...»	2,	194
Идеалисты в тундре	1,	254
«Идет словесная, но честная...»	1,	267
«Иду домой с собрания...»	2,	509
Из «А» в «Б»	3,	80
«Из буфета пахло — избуфетным...»	2,	52
«Из метро, как из мешка...» (МошкА)	1,	420
Из нагана	1,	256
«Из парка вытащена вся война...» (Парк и музей ЦДСА)	1,	241
Из плена	1,	208
«Из поселка выскоблили лагерное...» (Дальний Север)	1,	264
Издержки прогресса	3,	164
«Излет говорят, где бы прежде сказали — закат...» (Возраст авиации)	2,	229
«Иллюзия давала стол и кров...»	2	325
Инвалиды	1,	26
«Иностранные корреспонденты...»	2,	61

	Том	Стр.
Институт	2,	185
«Интеллигентнее всех в стране...»	2,	381
«Интеллигентные дамы плачут, но про себя...»	2,	358
«Интеллигенты получали столько же...»	1,	411
«Интеллигенция была моим народом...»	2,	132
«Интеллигенция — русское слово...»	3,	88
«Интересные своеобразные люди...»	2,	200
«Инфаркт, инсульт, а если и без них...»	2,	60
Информация и интуиция	3,	235
«Исключите нас из правила...»	3,	94
Искусство	1,	196
Испанцы в изгнании	2,	283
Историки былых веков	2,	66
«Историческую необходимость...»	3,	275
«История. А в ней был свой Христос...» (Павел-продол- жатель)	3,	293
«История мучит людей...»	3,	130
«История над нами пролилась...»	3,	156
«История утомила природу...»	2,	471
«Истощенный нуждой...» (Блудный сын)	1,	132
«Итак, остается надежда...»	3,	360
«Итак, происходит гашение скоростей...» (Гашение ско- ростей)	3,	74
Итальянец	1,	102
«Итог истории: осколки...»	3,	76
«Иудина осина...» (Угрюмый ноктюрн)	3,	132
«Июнь был зноен. Январь был зябок...»	2,	47
«К бухгалтерам приглядываюсь издавна...» (Счетные ра- ботники)	1,	194
К дискуссии об Андрее Рублеве	2,	15
К пересмотру военной истории	3,	447
«К югу — выше полета орла...» (Угловатая Родина)	3,	106
«Кадровую армию: Егорова...» (РККА)	1,	381
Кадры — есты!	1,	311
«Каждое утро вставал и радовался...»	3,	386
Каждый день	3,	200
«Каждый заработок благороден...» (Осенний отстрел собак)	3,	239
«Как бы ни была расположена...» (Удачник)	3,	188
«Как бы чувства ни были пылки...»	3,	343
«Как важно дерево в окне...»	2,	226
«Как выглядела королева Лир...»	2,	361
«Как говорили на Конном базаре?...»	1,	398
«Как дерево стареет и устает металл...» (Сон)	1,	438
«Как жалко он умирал! Как ужасно...»	2,	345
«Как залпы оббивают небо...»	1,	239
«Как искусство ни упирается...» (Памятник Достоев- скому)	1,	281
«Как испанцы — к Америке...»	1,	490
«Как лица удивительны...»	1,	317
«Как лучше жизнь не дожить, а прожить...»	1,	268
Как меня не приняли на работу	2,	35
Как меня принимали в партию	1,	95

	Том	Стр.
Как мог	1,	488
«Как незасыпанный окоп...»	1,	481
«Как ни взвесьте, как ни мерьте...»	3,	460
Как проехать к воздушному замку	2,	530
«Как пушкинский рисунок на полях...»	2,	372
«Как разведенные супруги...»	3,	125
Как растаскивается пробка?	2,	423
«Как свои почти два метра...» (Все условия)	2,	234
Как сделать революцию	3,	279
Как только взяться	1,	451
«Как только стали пенсию давать...» (Иванихи)	3,	242
«Как тоскливо в отдельной квартире...» (Петровна)	3,	248
«— Как ты смеешь? Как ты можешь? Что ты хочешь?...»	2,	532
Как убивали мою бабу	2,	29
Как я снова начал писать стихи	1,	474
Какие лица у поэтов	2,	451
«Какие мы грешницы?...» (Грешницы)	2,	493
«Какие они, кто моложе меня...»	2,	500
«Какие случаи случались...» (О стихах на случай)	3,	321
«Какие споры в эту зиму шли...»	2,	257
«Какие тени налагает старость...» (Энергия старости)	3,	271
«Какие цитаты...» (Читатель)	3,	144
«Какую войну мы выиграли...»	3,	122
«Капитан уехал за женой...» (Бухарест)	1,	138
Кариатиды	2,	143
«Категориальное мышление...»	2,	169
Квадратики	1,	148
Кельнская яма	1,	85
«Кесарево кесарю воздал...»	3,	112
Климат не для часов	3,	332
Ключ	1,	158
Кнопка	2,	180
«Ко мне на койку сел сержант-казах...»	1,	199
«Когда в деревне голодали...» (Деревня и город)	3,	45
«Когда велик, когда и невелик...» (Объективная эпитафия)	3,	324
«Когда война скатилась, как волна...» (Месяц-май)	1,	394
«Когда кино заговорило...» (Звуковое кино)	1,	415
«Когда маячишь на эстраде...»	2,	211
«Когда мы вернулись с войны...»	1,	410
Когда мы пришли в Европу	1,	202
«Когда, наконец, докажется...» (Мы с богом)	2,	216
«Когда отвалили плиту...» (Вскрытие мощей)	2,	164
«Когда откажутся от колеса...»	2,	112
«Когда отступает пехота...» (Солдатам 1941-го)	1,	360
«Когда ругали мы друг друга...»	2,	510
«Когда русская проза пошла в лагеря...» (Прозанки)	1,	251
«Когда совались между зверем...»	1,	396
«Когда ухудшились мои дела...»	3,	462
«Когда человек выбирал псевдоним Веселый...» (Псевдонимы)	2,	105
«Когда эпохи идут на слом...»	1,	436
Колокола	2,	280
«Колочая проволока...» (Высокомерие)	2,	133

	Том	Стр.
Коля Глазков	3,	245
Командиры	3,	315
«Комиссар приезжает во Франкфурт-на-Майне...» (Комиссары)	1,	45
Комиссары	1,	45
Комиссия по литературному наследству	1,	182
«Комната кончалась не стеной...»	1,	354
«Кому же вы достались...» (Наследство)	2,	339
«Кому мене жить, кому боле...»	3,	67
Конец (Абрам Шапиро)	1,	29
«Конец сороковых годов...»	2,	322
«Конечно, обозвать народ...»	3,	300
Консультант в городском саду	1,	244
Концерт в глубинке	3,	350
«Концерт для скрипки и гобоя...»	3,	433
«Кончилось мое пока...» (Начинается...)	2,	443
Коридоры судьбы	3,	375
«Короткая — как у газеты — жизнь...» (Воспоминание о журналисте)	1,	231
«Косолинейная — в стиле дождя...» (Косые линейки)	2,	387
Косые линейки	2,	387
«Которые историю творят...»	2,	290
Край земли	2,	329
Красавица	2,	436
Краткосрочный отпуск	2,	524
«Крепко надеясь на неудачу...» (Запланированная неудача)	2,	170
«Крестьянская ложка-долбленка...»	3,	297
Критерии	2,	528
«Критики меня критиковали...»	2,	64
«Кроме крыши рейхстага, брянских лесов...» (Кропотово)	2,	116
Кропотово	2,	116
«Круги на воде...»	2,	342
Кругосветный путешественник	2,	95
Крылья	1,	206
Ксения Некрасова	1,	340
«Кто дает, кто берет...» (Разные судьбы)	3,	98
«Кто еще только маленький...»	3,	58
«Кто же поедет в Ялту зимой?...» (Зимняя Ялта)	2,	416
«Кто-то рядом слово сказал...»	1,	59
«Куда стекает время...»	1,	322
«Куда-то в детство поезда ушли...»	2,	366
«Куда-то голос запропал...»	3,	379
Кузьминишна	3,	349
Кульчицкий («Васильки на засаленном вороте...»)	1,	405
М. В. Кульчицкий («Одни верны России — потому-то...»)	1,	156
«Кучка праха, горстка пепла...»	3,	392
«Лакирую действительность...»	1,	247
Легенды и факты	2,	233
«Легкие легенды и тяжелые...» (Легенды и факты)	2,	233
«Легкое покалыванье совести...» (Сам встаешь)	2,	521
«Лезвий бритвенных в Пуле нету...»	2,	149

	Том	Стр.
Ленинская жилищная норма	1,	79
Ленка с Дунькой	2,	431
«Лето сорок шестого года...» (Засуха)	1,	108
Летом	1,	222
«Летят над нами журавли...» (Журавли)	3,	11
Линии железных дорог	2,	293
Лирики и физики	2,	58
«— Листок поминального текста!..» (Просьбы)	2,	104
«Ложка, кружка и одеяло...» (Немка)	2,	318
«Ложные классики...» (Черная икра)	2,	302
«Лозунг времени «Надо так надо!»...» (Товарищ)	1,	364
Лопаты	1,	253
Лошади в океане	1,	126
«Лошади умеют плавать...» (Лошади в океане)	1,	126
Любимая обида	3,	341
«Любитель, совместитель, дилетант...» (Шестое небо)	1,	484
«Люблю антисемитов, задарма...»	2,	311
Любовь к старикам	3,	217
«— Люди! Любите друг друга!..»	2,	469
«Люди сметки и люди хватки...»	2,	330
Мадонна и Богородица	2,	333
«Маленькие государства...»	3,	116
«Мало было строчек у меня...» (О книге «Память»)	3,	14
«Мало я ходил по костелам...» (Месса по Слуцкому)	3,	176
«Маловато думал я о боге...»	1,	493
«Мальчик в поезде...» (Сила слова)	2,	496
Мальчишки	1,	110
«Малявинские бабы уплотняют...» (Самодвижение искусства)	1,	299
Мама!	3,	409
«Мариэтта и Маргарита...»	2,	165
«Мартынов знает, какая погода...» (О Л. Н. Мартынове)	1,	338
Маршал Толбухин	2,	125
«Маска Бетховена на ваших стенах...»	1,	331
«Математик кипятился...» (Возбужденный математик)	3,	411
«Мать пестует младенца — не поэта...»	3,	139
Медлительность философов	3,	91
Медные деньги	1,	130
Между столетиями	3,	302
Мелочь под ногами	3,	352
Менки	3,	398
«Меня не обгонят — я не гонюсь...»	1,	503
«Меня отсюда выгнали за проф...» (Музшкала имени Бетховена в Харькове)	2,	21
«Меняю комнату на горницу...»	1,	195
«Мера наказания пророку...»	3,	361
Месса по Слуцкому	3,	176
«Местный сумасшедший, раза два...» (Слава)	2,	502
«Место государства в жизни личности...»	1,	282
Месяц-май	1,	394
Метод	2,	445
Метр восемьдесят два	3,	444
Мещанское счастье	2,	313

«Минуя свое прямое начальство...» (Обращение к читателю)	2,	167
«Мир абстракций, тот, что рядом, рядом...» (Метод)	2,	445
«Мир, какой он должен быть...»	3,	157
«Мировая мечта, что кружила нам голову...»	2,	458
Младшим товарищам	3,	325
«Мне кажется, когда протянут шнур...»	2,	138
«Мне легче представить тебя в огне, чем в земле. Мне легче...»	3,	389
«Мне не хватало широты души...» (Немецкие потери)	1,	367
«Мне первый раз сказали: «Не болтай!»...»	1,	478
«Мне показалось, что кто-то стучится...» (Ночные стуки)	3,	430
«— Мне-то дело какое до Марьи Стюарт!...»	3,	60
«Много лет, как вырвалась Мадонна...» (Мадонна и Богородица)	2,	333
«Много псевдонимов у судьбы...»	2,	514
«Много сапожников было в родне...» (Очень много сапожников)	3,	230
Многовариантность истории	2,	67
«Многого отец не понимал...» (Это правда)	1,	485
«Может, этот молодой...»	2,	501
«Можно обойтись и без меня...» (Без меня)	3,	401
«Мозги надежно пропахали...» (В углу)	3,	421
«Мои друзья не верили в меня...»	2,	299
Мои молодые товарищи	3,	318
Мои первые театральные впечатления	3,	120
«Мои старые юные фотографии...»	2,	44
Мои товарищи	2,	103
«Мои товарищи по школе...»	1,	384
Мой дождь, мой день	2,	419
«Мой товарищ сквозь эту потерю прошел...»	3,	391
«Молодая была, красивая...»	3,	356
Молодость	1,	402
Молодость и старость	2,	439
«Молодцеватые философы...»	3,	90
Молодята	2,	401
«Молча, как придорожные столбики...»	3,	399
Молча смотрю на солнце	2,	409
Молчащие	3,	166
Моральный износ	1,	433
Мороз	3,	20
Московские рабочие	2,	92
Мост нищих	1,	234
«Мотается по универмагу...» (Наглядная судьба)	3,	220
Мошкá	1,	420
Моя средняя школа	2,	430
«Мужья со своими делами, нервами...»	3,	388
Музшкола имени Бетховена в Харькове	2,	21
Музыка будущего	3,	133
«Музыка на вокзале...»	1,	135
Музыка над базаром	1,	220
Музыка с прибрежных кораблей	2,	411
«Мы бы не доползли бы...» (Двести метров)	2,	122
Мы в Эдинбурге	3,	54

	Том	Стр.
«Мы все ходили под богом...» (Бог)	1,	170
«Мы въехали в дождь и выехали...» (Дождь)	3,	33
«Мы выкрасили их, отремонтировали...» (Возвращаем лендлиз)	1,	46
«Мы должны друг другу. Я — за колбасу...» (Долг)	3,	187
«Мы как белые журавли...» (Поэты)	3,	372
«Мы, пациенты, мы, пассажиры...»	1,	271
Мы с богом	2,	216
«Мы связываем связь времен...» (Историки былых веков)	2,	66
«Мыслить лучше всего в тупике...» (Где лучше всего мыслить)	3,	420
«Мягко спали и сладко ели...»	2,	54
На белеющем в ночи листе	3,	405
«На войну билетов не берут...» (Военный уют)	2,	248
На всю жизнь	3,	250
На выставке детских рисунков	1,	325
«На выставке, что привезли поляки...» (Фотографии картин, сожженных оккупантами)	1,	142
«На двадцатом этаже живу...»	1,	356
На «диком» пляже	2,	413
«На земле и на голых досках...» (Удобства)	2,	438
«На историческую давность...»	3,	406
«На краю у ночи, на опушке...»	1,	425
«На Монмартре есть дом, на другие дома не похожий...» (Инвалиды)	1,	26
«На первый заработок, первую деньгу...» (Годовая стрелка)	2,	225
«На площади Маяковского...» (Силуэт)	2,	231
«На полфразе, нет, на полуслове...» (Завершение)	3,	432
«На похоронах не смеются...»	3,	376
«На пророка бывает проруха...»	2,	314
«На рассвете с утра пораньше...» (Лопаты)	1,	253
«На русскую землю права мои невелики...»	2,	519
«На словопрении обычном и привычном...» (Какие лица у поэтов)	2,	451
На смерть Асеева	2,	18
«На спину бросаюсь при бомбежке...»	1,	380
«На стремительном перегоне...»	2,	137
«На строительстве был перерыв...» (Перерыв)	1,	112
«На том пути в Москву из Граца...»	1,	373
«На том стоим!...»	1,	460
На финише	3,	309
«На фронте, в штабах месяц службы...» (Демобилиза- ция)	3,	449
«На харьковском Конном базаре...» (Председатель класса)	1,	397
«На что похожи рельсы, взрывом скрученные...» (1945 год)	1,	370
«На шинелке безлунной ночью...»	3,	265
«На экране — безмолвные лики...»	1,	483
«На этом кладбище простом...» (Сельское кладбище)	2,	324
«Наблюдатели с Марса заметят, конечно...»	3,	400
Набросок автопортрета	3,	40
Наглядная судьба	3,	220

	Том	Стр.
«Над нами вечный критерий — небо...» (Критерии)	2,	528
Надежды	2,	523
«Надо думать, а не улыбаться...»	1,	316
Надо, значит, надо	2,	241
«Надо привыкнуть к музыке за стеной...» (О борьбе с шумом)	2,	386
«Надо, чтобы дети или звери...»	1,	437
Названия и переименования	2,	479
«Называет себя: баба Маня...» (Баба Маня)	1,	489
Назым	1,	337
«Нам черное солнце светило...»	1,	413
«Нам черный хлеб по карточкам давали...»	1,	54
«Наплеvizм и спустярукaвствo...» (Профессия)	2,	517
«Народ за спиной художника...»	1,	494
«Нарушались правила драки...»	3,	329
«Нас было десять поэтов...» (Рубикон)	1,	249
«Нас было семьдесят тысяч пленных...» (Кельнская яма)	1,	85
«Нас выучили философии...» (Ошибки Гегеля)	2,	477
«Нас привезли, перевязали...» (Роман Толстого)	2,	117
Наследство	2,	339
«Настоящего леса не знал, не застал...» (Подлесок)	1,	258
Натягивать не станем удила	2,	139
«Нахал, шарлатан, горлопан...»	3,	50
Национальная особенность	2,	346
«Начата посмертная додача...»	3,	435
Начинается...	2,	443
«Начинается давность для зла и добра...»	2,	454
«Начинается длинная, как мировая война...»	1,	476
«Начинается новое время...»	1,	173
«Начинается повесть про совесть...» (Совесть)	2,	498
«Начинается полоса неудач...» (Полоса неудач)	2,	268
«Начинается расчет со Сталиным...»	2,	163
«Начинайся, страшная и странная...» (Каждый день)	3,	200
«Начинают вертеться слова...» (На белеющем в ночи листе)	3,	405
«Начну по порядку описывать мир...» (Как мог)	1,	488
Наши	1,	392
«— He!»	2,	303
«He безымянный, а безыменный...»	1,	44
«He боялся, а страшился...» (Паяц)	2,	48
«He ведают, что творят...»	3,	153
«He верю в величие величины...»	2,	331
«He верю, что жизнь — это форма...»	2,	86
He винтиками были мы	2,	20
«He воду в ступе толку...»	3,	181
«He воевавшие военные...»	1,	387
He выбрал времени	2,	442
«He грозный оклик палача...»	3,	270
«He гром гремит на счет скончанья мира...» (Конец) (Абрам Шапиро)	1,	29
«He домашний, а фабричный...»	2,	504
«He дрогнула рука!...» (Рука и душа)	3,	334
«He естся хлеб и песни не поются...» (1942)	1,	36

Не за себя прошу («За себя никогда никого не просил...»)	2,	499
Не за себя прошу («Седой и толстый. Толстый и седой...»)	3,	48
«Не машинами — моторами...» (Затесавшееся столетье)	3,	292
«Не на кого оглядываться...»	3,	393
Не обойди!	2,	435
«Не особый талант пророчества...»	1,	492
«Не покоряйся, товарищ...»	3,	68
«Не помеченные на карте...» (Переправа)	2,	119
«Не пробиться к рабочим, крестьянам...»	3,	109
«Не пуля была на излете, не птица...»	1,	169
«Не сказано — сказать хотелось...»	3,	229
Не совсем	3,	68
Не так уж плохо	3,	301
«Не то чтобы попросту шлюха...» (С нашей улицы)	1,	133
«Не тратьте ваши нервы...»	3,	143
«Не тристии, а жалобы...» (Просто жалобы)	3,	395
«Не умел созерцать. Все умел: и глядеть, и заглядывать...» (Непривычка к созерцанию)	3,	225
«Не хочу быть ни дубом, ни утесом...» (Желание)	2,	420
Не цифрами, а буквами	3,	459
«Не чувствую в себе силы...» (Орфей)	1,	406
«Небольшая синица была в руках...»	3,	387
«Небрежение жизнью: молча...» («Ничего!»)	2,	484
«Небытие — разлетелось вдрызг...» (В рифму)	2,	506
«Неверующее государство...»	3,	282
Негритенок	2,	399
Недодача	2,	490
«Недоспало, недоело...» (Законные требования человечества)	2,	70
«Недостойно бежит старичок...»	3,	169
Неинтересно	2,	266
«Немедленная справедливость!..»	2,	527
Немецкие потери	1,	367
«— Немецкий пролетарий не должен!..» (Баллада о догматике)	2,	158
Немка	2,	318
«Ненависть! Особый привкус в супе...» (Семейная ссора)	3,	351
«Необходима цель...»	2,	186
Необходимость горя	2,	522
Необходимость забвенья	3,	172
Необходимость пророка	2,	365
Неоконченные споры	3,	206
Непривычка к созерцанию	3,	225
«Несподручно писать дневники...»	2,	460
«Несчастья — были. Умирали други...»	2,	221
«Нет, все не сунешь в схему...» (К дискуссии об Андрее Рублеве)	2,	15
«Нет, не телефонный — колокольный...»	2,	276
Неудача в любви	3,	137
Неужели?	3,	189
«Неустройство сосудов, сумятица жил...» (Дыхание в затылок)	3,	340

	Том	Стр.
«Неча фразы подбирать...»	2,	343
Нечаевцы	3,	367
«Ни за что никого никогда не судили...»	1,	180
Ни к чему!	2,	281
«Ни ненависти, ни зависти...»	3,	326
«Ни пуха не было, ни пера...» (И пух и перо)	3,	461
«Ни тучки. С утра — погода...» (Гора)	1,	87
Никифоровна	3,	298
«Никоторого самотека!...»	3,	151
«Никто не доказал, что впереди...»	3,	278
«Ничего!»	2,	484
Новая квартира	1,	422
Новые чувства	3,	35
Новый тип	3,	72
«Ночной вагон задымленный...» (Длинные разговоры)	1,	388
«Ночной снегопад еще не примят...» (В сорок лет)	1,	312
Ночной таксист	3,	451
Ночные стуки	3,	430
«Ну что же, я в положенные сроки...»	3,	434
«Нынешние студенты...» (Отрочество)	2,	130
О борьбе с шумом	2,	386
О вечности	3,	38
«О, волосок! Я на тебе вишу...»	2,	222
«О земля! Я тебя узнавал постепенно...» (Кругосветный путешественник)	2,	95
О книге «Память»	2,	14
О Л. Н. Мартынове	1,	338
«О, первовпечатленья бытия!...»	2,	407
О погоде	1,	105
О прямом взгляде	1,	443
О смертности юмора	3,	336
О стихах на случай	3,	321
«О счастливые и невозвратимые...» (Все четыре времени жизни)	3,	236
Обгон	3,	216
«Обгоняйте, и да будете обгоняемы!...» (Обгон)	3,	216
Обе стороны письменного стола	2,	475
«Обжили ад: котлы для отопленья...»	3,	458
Обои	2,	173
Обоснование элегии	3,	362
«Образовался недосып...»	2,	136
Обращение к читателю	2,	167
Объективная эпитафия	3,	324
Объявление войны	3,	154
Объяснение	2,	57
«Обязательна, всеобща и бесплатна...» (Музыка с прибрежных кораблей)	2,	411
«Ограничивало. Смиряло...» (Суровая нитка)	3,	103
«Огромная, как белуга...» (Певвица)	3,	24
Ода Мейерхольду	3,	158
Ода случаю	1,	471
«Один — укажет на резон...» (Темпераменты)	1,	269
Одиннадцатое июля	3,	221
Одиссей	3,	14

	Том	Стр.
«Одни верны России потому-то...» (М. В. Кульчицкий)	1,	156
Одногодки	1,	183
Однофамилец	1,	118
«Ожидаемые перемены...»	3,	427
«Оказывается, возможно строительство замков воздушных...» (Как проехать к воздушному замку)	2,	530
«Оказывается, война...»	3,	47
Окраина	1,	352
«Он дышал тяжело от шубы...» (Старик)	2,	253
«Он просьбами надоедал...»	1,	382
«Определю, едва взгляну...»	1,	238
«Опубликованному чуду...»	3,	288
«Ордена теперь никто не носит...»	1,	80
Орфей	1,	406
Осенний лес	1,	214
Осенний отстрел собак	3,	239
«Оскорбить, отскоблить с него глянец...»	3,	69
«Осознавать необходимость...»	1,	176
«Остановился на бегу...»	1,	233
«Остроумие вымерло прежде ума...» (О смертности юмора)	3,	336
«От имени коронного суда...» (Разные измерения)	1,	378
«От копейной свечи Москва сгорела...»	1,	304
«От нашего любимого...»	3,	102
«От отчаяния к надежде...»	2,	297
«От Старой Руссы и до старой Рузы...» (Глаза детей)	2,	428
«От ужаса, а не от страха...» (И срам и ужас)	3,	428
«От человека много сору...»	3,	272
«От эпатирования буржуазии...»	3,	135
«Отбиваться лучше в одиночку...»	2,	296
«Отбиваюсь от мысли о смерти...»	3,	402
«Отбывайте, ребята, стаж...» (Советы начинающим поэтам)	1,	347
«Ответственные повествования...»	2,	111
«Ответы пока получены только на второстепенные...»	3,	127
«Отвоевался, отшутился...» (Герой)	1,	278
Отец	2,	405
«Отец мой никогда не разумел...» (Складно!)	3,	41
Отчество и отчество	2,	525
«Откроются двери, и сразу...» (На выставке детских рисунков)	1,	325
«Отлежали свое в окопах...»	2,	326
Отложенные тайны	1,	265
«Отпуск дал себе на отчаяние...» (Краткосрочный отпуск)	2,	524
Отрочество	2,	130
«Оттрепетали те тетерева...» (Послевоенное беспитчье)	2,	426
«Отцы еще молодые...»	3,	57
Отцы и сыновья	3,	231
«Отчего же ропщется обществу?...» (Перспектива)	3,	93
«Стягощенный родственными чувствами...»	1,	390
«Официальная общественность...»	3,	288
«Охажую крестов, на спину взваленных...»	3,	174
«Охладеваем, застываем...» (Постановление зеркал)	3,	424

«Очень долго прения длились...» (Как меня не приняли на работу)	2,	35
«Очень древний — двадцатилетней...» (Моральный износ)	1,	433
«Очень крепкие ноги, вбитые...» (Новый тип)	3,	72
Очень много сапожников	3,	230
«Очень просто: полюбишь и все...» (Неудача в любви)	3,	137
«Очень сбивчив...» (Поэт)	2,	289
«Очередь стоит у сельской почты...» (В деревне)	1,	240
Очки («Все на свете успешно сводивший к очкам...»)	3,	357
Очки («— Подкеросинь ему пивко...»)	2,	38
Ошибки Гегеля	2,	477
«Ошущая последнюю горечь...» (Претензия к Антокольскому)	3,	224
«Павел Коган, это имя...» (Воспоминание о Павле Когане)	2,	203
Павел-продолжатель	3,	293
«...Паек и водка...» (Ведро мертвецкой водки)	2,	160
Палата	3,	437
«Палатка под Серпуховом. Война...»	1,	379
Памяти одного врага	2,	495
Памяти товарища	1,	134
Памятник	1,	83
Памятник Достоевскому	1,	281
Памятник старины	3,	163
Память	1,	143
Память старых женщин	3,	44
«Память — это остаток соли...» (Хвастовство памятью)	3,	263
Парк и музей ЦДСА	1,	241
«Парторг вылетает четвертым...»	1,	174
Паяц	2,	48
Певица	3,	24
Первый век	1,	463
Первый день	3,	46
Первый день войны	2,	238
«Первый доход: бутылки и пробки...»	1,	400
«Первый образ сошедших с круга...» (Вася с Булей)	1,	430
Первый овощ	2,	177
Первый снег	2,	415
«Переводчик со всех языков...» (Со всех языков)	2,	397
Перевозку Брехта	2,	390
«Перевозку с монгольского и польского...»	1,	335
Перед вещанием	1,	40
«Перед войной я написал подвал...» (Памяти товарища)	1,	134
«Переехало, раздавило...»	2,	151
«Перематывает обмотку...» (Одиннадцатое июля)	3,	221
Перемена судьбы	3,	49
Перемены	3,	171
Переобучение одиночеству	3,	390
Перепохороны Хлебникова	2,	286
Переправа	2,	119
Перерыв	1,	112

	Том	Стр.
Пересуд («Ворошат слезавшиеся вороха. Уже...»)	2,	69
Пересуд («Даже дело Каина и Авеля...»)	1,	259
«Перешитое, перелицованное...» (Без претензий)	1,	466
Перспектива	3,	93
«Песню крупными буквами пишут...»	1,	427
Песня	1,	375
Петровна	3,	248
«Пирамиды достигли цели?...»	3,	126
«Писали по-сверхчеловечьи...»	2,	368
Писарь	3,	78
Писаря	1,	99
«Писатели успели умотать...» (Медлительность философов)	3,	91
«Пишите, как следует...»	2,	11
«Пишут книжки, мажут картинки...» (Полвека спустя)	3,	247
«Плакал старый сановник, узнав про инфаркт...» (Выдержка)	2,	156
Пластинка	2,	100
Платон	3,	27
Плебейские генеалогии	3,	61
«Плохие времена тем хороши...»	2,	175
«Пляшем, как железные опилки...»	2,	217
«По базару тачка ехала...» (Из плена)	1,	208
«По кругу Дома творчества...»	1,	501
«По мартовскому гололеду...» (Испанцы в изгнании)	2,	283
«— По отчеству! — учил Смирнов Василий...» (Отчество и отчество)	2,	525
По рассказу Л. Волынского	2,	321
«По Сеньке шапка была, по Сеньке...» (Сенькина шапка)	3,	333
По теченью и против течения	3,	183
Поверка	2,	444
«Пограмотней меня и покультурней!..»	2,	447
«Под эту музыку можно и вешать, и танцевать...»	3,	86
«— Подкеросинь ему пивко...» (Очки)	2,	38
Подлесок	1,	258
«— Подобрать троих для операции!..» (Задача)	1,	101
Подполковник	2,	402
«Подумайте, что звали высшей мерой...»	1,	449
Подчинение логики	3,	111
Подшивки	2,	421
«Поезд двигался сразу в несколько тупиков...»	3,	303
Поезда	1,	219
«Пожилой художник, воскресный...» (Блик)	2,	391
Пой, жаворонок	2,	529
Пока еще все ничего	3,	77
«Пока меня за руки держат...»	2,	178
«Пока на участке молекулы...»	3,	417
«Пока столичные ценители...» (Концерт в глубинке)	3,	350
«Покатился гривенник по желобу...» (Автомат)	2,	275
«Поколению по имени-отчеству...»	3,	170
«Покорение поколения...»	2,	456
«Покуда грядущее время...» (Седые брови)	2,	497
«Покуда еще презирает Курбского...»	2,	462
«Покуда над стихами плачут...»	2,	46

	Том	Стр.
«Покуда полная правда...»	2,	210
Полвека спустя	3,	247
Полезное дело	2,	71
«Ползет обрубок по асфальту...» (Песня)	1,	375
Политрук	2,	27
«Полиция исходит из простого...»	2,	32
Полное отчуждение	3,	289
Полный поворот	3,	87
Полный поворот дивизии	2,	244
«Половина лавины...»	2,	476
Полоса неудач	2,	268
Полуночное шоссе	2,	417
«Полуподвал, в котором проживал...» (Послевоенные выставки)	2,	487
Полуторка	3,	12
«Полутьма и поля, в горизонты оправленные...» (Старые церкви)	3,	162
«Получаю всю жизнь зарплату...» (Чаевые)	2,	255
Польза привычек	2,	273
Польза чтения	1,	456
«Польский гонор и еврейский норв...»	3,	178
«Полюбил своей хладной душой...»	2,	78
Помета под стихотворением	3,	195
Понимание славы	3,	52
«Поправляй меня, Родина! Я-то...»	3,	73
«Пора заканчивать стихи...»	2,	19
Порядок	2,	214
«Поскольку мне достались...» (Молча смотрю на солнце)	2,	409
После двоеочия	1,	187
«После лагеря ссылку назначили...»	2,	51
После реабилитации	1,	178
Послевоенное беспитчие	2,	426
Послевоенные выставки	2,	487
Послевоенный шик	3,	22
Последнее поколение	2,	274
«Последнюю усталостью устав...»	1,	93
«Последний был в отмену предпоследних...»	2,	483
Последний взгляд	3,	385
Последний подарок судьбы	2,	145
«Последнюю в жизни шубу строит пенсионер...» (Шуба)	2,	441
Последняя необходимость	3,	373
Постановление зеркал	3,	424
«Постарел мой товарищ!..» (Товарищ)	3,	104
«Постепенно ослаблены пять основных...» (Новые чувства)	3,	35
«Постепенно становится нас все больше...» (Горожане)	2,	491
«Потомки разберутся, но потомкам...»	1,	499
«Потребности, гордые, словно лебеди...»	3,	152
«Поумнели дураки, а умники...»	2,	201
Похвала средним писателям	3,	244
«Похож был на Есенина. Красивый...» (Нечаевцы)	3,	367
«Похожее в прозе на ерунду...»	1,	348

	Том	Стр.
Поцелуй в темноте	2,	385
«Почему люди пьют водку?..»	1,	72
«Почти столетний Розанов...» (Не выбрал времени)	2,	442
«Пошуми мне, судьба, расскажи...»	2,	190
Пощечина	1,	470
«Поэзия — кураж...» (Златой запас)	3,	140
«Поэзия — не мертвый столб...»	1,	480
Поэт	2,	289
«Поэт не телефонный...»	1,	344
«Поэта подбирают...»	2,	108
«Поэтический язык — не лютеранская обедня...»	1,	343
Поэты	3,	372
«Поэты малого народа...»	1,	446
«Поэты подробности...»	3,	192
«Поэты потрясали небеса...»	1,	500
«Поэты похожи на поэтов...»	3,	364
Поэты «Правды» и «Звезды»	1,	328
«Правдивые пропорции, которым...» (Правильное отношение к традициям)	1,	345
Правильное отношение к традициям	1,	345
Правота	2,	467
«Пред наших танков трепеща судом...»	1,	140
Пределы разумного	2,	335
«Председатель земного шара...»	2,	16
Председатель класса	1,	397
Предупреждение	1,	315
Преимущества и недостатки объема	2,	470
Преимущества старости	1,	314
«Прекрасные, как цветы, грибы...» (Осенний лес)	1,	214
Преодоление головной боли	3,	255
Претензия к Антокольскому	3,	224
«Преуспевали восточные мудрецы...» (Восточные мудрецы и восточные умники)	2,	463
«Привычка записывать сны...»	3,	223
«Привычка привыкать...» (Терпенье)	2,	260
«Привычки необходимы...» (Польза привычек)	2,	273
«Привычный шум смешался с тишиной...» (Выбор)	3,	267
Привязчивая мелодия	2,	384
«Приемы ремесла...» (Везучая кривая)	3,	436
Приметы	2,	364
«Пристальность пытлиую не пряча...»	1,	144
«Приступим к нашим ямбам...» (Ямбы)	2,	452
Причины одной любви	2,	304
«Пришла пора, брады уставя...»	2,	68
«Про безымянных, про полузабытых...»	1,	66
Про евреев	1,	165
«Про меня вспоминают и сразу же — про лошадей...»	2,	446
Про очереди	1,	53
Проба	1,	428
Проверка	3,	28
«Проводы правды не требуют труб...»	1,	418
Продленная история	3,	410
Продленный полдень	3,	32
«Проживал трудяга в общаге...» (Дом в переулке)	1,	189
Прозанки	1,	251

	Том	Стр.
Происхождение	2,	505
«Пропускайте детей до шестнадцати лет...»	1,	454
«Пророк — про Рок, меж тем как прогнозист...» (Пророки и прогнозисты)	2,	263
Пророки и прогнозисты	2,	263
«Прорывающая ткань покрывала...»	2,	300
«Просматривается детство...» (Проступающее детство)	2,	494
Просто жалобы	3,	395
«Просторечие. Просто речь...»	2,	63
Проступающее детство	2,	494
«Просыпаясь не от холода — от свежести...» (Гурзуф)	1,	320
Просьбы	2,	104
Профессиональная надменность	3,	322
Профессиональное раскаяние	3,	202
Профессия	2,	517
«Прохладные стены старинных больниц...» (Два года в больницах)	2,	278
Прощание («Добро и Зло сидят за столом...»)	1,	263
Прощание («Уходящая молодость...»)	3,	207
«Прощаю всех...»	3,	148
«Прощая неграмотность и нахрап...» (Читательские оценки)	1,	482
Прощение	3,	234
«Прячет история в воду концы...» (Отложенные тайны)	1,	265
Псевдонимы	2,	105
«Психиатры считают, что плыть по течению...» (По течению и против течения)	3,	183
«Психика всегда стоящих в очереди...»	3,	291
«Психология перекрестка...»	3,	114
Пурга над асфальтом	2,	414
Пушкинская палка	1,	327
Рабочая песня	1,	117
Равнодушие к футболу	3,	198
«Радость радости не приносит...» (Необходимость горя)	2,	522
«Разговаривать неохота...»	1,	502
Разговор	2,	49
«Разговор зашел как гость...» (Зашедший разговор)	3,	353
Разговоры о боге	3,	416
«Разминировал». Подпись. Число...» (Слава саперов)	2,	243
Размол кладбища	2,	485
Разные измерения	1,	378
Разные судьбы	3,	98
«Разошлись по дальним далям близкие...»	3,	112
«Разрывы авиабомб напоминают деревья...»	2,	182
«Ракеты уже в полете, и времени вовсе нет...»	3,	305
Раннее утро	1,	209
«Распад созвездья с вызовом звезды...»	3,	308
«Распадаются тесные связи...» (Не так уж плохо)	3,	301
Рассвет в музее	3,	36
«Рассказывают, что вино развязывает...» (Иваны)	1,	365
«Расставляйте покрепче локти-ка...»	2,	82
«Расстреливали Ваньку-взводного...»	2,	320
«Расходимся по домам...» (Домой!)	3,	310

«Расхождение с ровесниками начиналось еще с футбола...» (Равнодушие к футболу)	3,	198
Ребенок для очередей	1,	287
«Регулировщица робко...» (Как растаскивается пробка?)	2,	423
Рейд	2,	114
Реконструкция Москвы	3,	7
Ремонт пути	2,	306
Реперунизация	2,	308
«Республика дозволила войти...» (Генерал Миаха, наблюдающий переход испанскими войсками французской границы)	1,	25
Ресторан	2,	23
Ритм	2,	513
РККА	1,	381
Ровно неделя до Победы	2,	250
Родственники Христа	3,	407
Рожон	3,	277
Роман Толстого	2,	117
«Романы для школьной программы...»	1,	298
«Россия увеличивала нас...»	2,	89
Ростовщики	1,	236
«Рубахи из чертовой кожи!..» (Молодость и старость)	2,	439
Рубикон	1,	249
Рука	1,	261
Рука и душа	3,	334
«Руки опускаются по швам...»	2,	258
«— Руки у Венеры обломает...»	2,	482
«Руку притянув к бедру потуже...»	1,	228
Русский спор	1,	458
Русский язык	1,	341
«Рядовым в ряду...»	3,	456
«С Алексеевского рavelина...»	1,	161
«С бытием было проще...»	3,	184
«С детства, в школе...» (Как сделать революцию)	3,	279
«С мостков, сколоченных из старой тары...» (Белые руки)	3,	15
С нашей улицы	1,	133
«С неловкостью перечитал...» (Профессиональное раскаяние)	3,	202
«С точки зрения Медного Всадника...» (Евгений)	2,	472
«С утра мне было ясно и светло...» (Жалею время, что оно прошло)	3,	208
«С юным Пушкиным все в полной ясности...»	3,	363
«Савелий Петрович Седов...» (С. П. Седов)	2,	8
Сам встаешь	2,	521
Самодвижение искусства	1,	299
Самодержец	3,	412
«Самоубийство — храбрость труса...»	2,	213
«Самоубийцы самодержавно...»	2,	215
«Самоутверждайся, человек!..»	2,	353
«Самые лучшие люди из тех, что я знал, не читали...»	2,	448
«Самые насущные законы...» (Тени костра)	2,	312
Самый старей долг	3,	210

«Сарьян — в хрестоматии нашего глаза...» (Холсты Акопа Коджояна)	2,	109
Сбрасывая силу страха	2,	240
Сверстникам	1,	218
«Свобода не похожа на красавиц...»	1,	276
«Свобода совести непредставима...»	1,	452
«Своим стильком плетения словес...»	2,	267
«Свою погибель сам сыскал...» (Самодержец)	3,	412
«Сгинь! Умри! Сводя во гневе брови...» (К пересмотру военной истории)	3,	447
«Сгорели в танках мои товарищи...» (Мои товарищи)	2,	103
Сдерживанье недовольства	2,	301
«Сдерживаю недовольно...» (Сдерживанье недовольства)	2,	301
Себастьян	3,	446
«Сегодня я ничему не верю...» (Говорит Фома)	1,	146
С. П. Седов	2,	8
«Седой и толстый. Толстый и седой...» (Не за себя прошу)	3,	48
Седые брови		497
«Сельвинский — брошенная зона...»	2,	207
Сельское кладбище	2,	324
Семейная ссора	3,	351
Сенькина шапка	3,	333
«Серый день, ни то ни се, обыденное...» (Мой дождь, мой день)	2,	419
Сжигаю старые учебники	3,	100
«Сидя на полу...»	2,	332
Сила слова	2,	496
«Силу тяготения земли...» (Сбрасывая силу страха)	2,	240
Силуэт	2,	231
«Сказавший «А»...» (Азбука и логика)	2,	507
«Скамейка на десятом этаже...»	2,	135
Скандал сорок шестого года	2,	425
Сквозь мутное стекло окна	2,	191
Складно!	3,	41
«Скользили лыжи. Летали мячики...»	1,	69
Сколько платят поэтам	2,	98
«Сколько помню себя, на рассвете...» (Газеты)	1,	318
«Сколько стоит фунт лиха?...» (Фунт хлеба)	1,	229
«Скоро высох, как дождь на асфальте...» (Досрочник)	2,	440
«Скорые поезда, курьерские поезда...» (Поезда)	1,	219
Слава («Газета пришла — про соседа...»)	1,	310
Слава («Местный сумасшедший, раза два...»)	2,	502
Слава («Слава — вырезки из газет...»)	3,	196
Слава («Художники рисуют Ленина...»)	1,	184
Слава Лермонтова	3,	138
Слава саперов	2,	249
Славная невяница	3,	243
«Сласть власти не имеет власти...»	2,	172
«Слепой просит милостыню у попугая...»	3,	426
«Слепые продавцы открыток...» (В Германии)	1,	43
Слишком много жизненного опыта	3,	182
«Слишком юный для лагеря, слишком старый для счастья...»	1,	260
«Словно в детстве — веселый...» (Назым)	1,	337

	Том	Стр.
«Словно ворот...»	1,	293
«Словно вход, словно дверь...» (Летом)	1,	222
«Словно именно я была такая-то мать...» (Политрук)	2,	27
«Словно луг запахов...» (Счастье)	1,	123
«Словно старый спутник, забытый...» (Старый спутник)	3,	233
Слова, слова	2,	113
«Слово было ранее числа...» (Лирики и физики)	2,	58
Слово «западник» и слово «славянофил»	3,	335
Слово на камне	3,	423
Случай («Торопливо взглядывая на небо...»)	2,	341
Случай («Этот случай спланирован в крупных штабах...»)	2,	516
«Слышу шелест крыл судьбы...»	2,	127
«Смерть вычеркивает, упрощает...»	3,	378
«Смерть — единственная управа...»	2,	515
«Смерть стояла третьей лишней...» (В самом конце войны)	3,	317
«Смешливость, а не жестокость...»	2,	393
«Смирно ждут автобус...» (Вечерний автобус)	3,	348
«Смолоду и сдуру...»	2,	198
«Смотрите! Вот они пирожные едят!...» (Взрослые)	1,	193
Смывка киноленты	2,	378
«Сначала звонил телефон...» (Телефон)	3,	165
«Сначала ценности только...» (Ценности)	3,	440
«Снова дикция — та, пропитая...»	2,	206
«Снова заскрипела ось земная...»	2,	264
«Снова много жизненного опыта...» (Слишком много жизненного опыта)	3,	182
«Снова нас читает Россия...»	1,	226
«Снова стол бумагами завален...»	1,	339
Со всех языков	2,	397
«Совершенно изолированно от двора, от семьи...» (Три столицы (Харьков — Париж — Рим))	2,	432
«Совершенно ооченелый...» (Мороз)	3,	20
Совесть	2,	498
«Совесть, как домашняя собака...»	2,	83
«Совесть ночью, во время бессонницы...»	3,	339
Советская старина	2,	455
«Советские люди по сути...» (Современник)	1,	424
Советы начинающим поэтам	1,	347
Современная теория баллады	1,	49
Современник	1,	424
«Современность, нынешность, сегодняшность...»	2,	81
Современные размышления	1,	167
«Сократились мои обязанности...»	3,	393
Солдат и дорога	1,	35
Солдатам 1941-го	1,	360
«Солдатская гимнастерка зеленовата цветом...» (Крылья)	1,	206
Солдатские разговоры	1,	38
«Солдаты говорят о бомбах...» (Солдатские разговоры)	1,	38
Солидно!	2,	277
«Соловьев заслушали разбойники...» (Соловьи и разбойники)	3,	290
Соловьев с Ключевским	2,	403
Соловьи и разбойники	3,	290
«Соломенная вдова...» (Баскетбольный рост)	3,	441

	Том	Стр.
«Солоно приходится и горько...»	3,	19
Солнечные батареи	2,	10
Сон («Как дерево стареет и устает металл...»)	1,	438
Сон («Утро брезжит, а дождик брызжет...»)	1,	97
Сон об отце	3,	42
«Сон после сновторного. Без снов...» (Сон — себе)	1,	186
«Сорок сороков сорокалетних...»	1,	432
«Сорокоградусный мороз...» (Дорога)	1,	39
Сороковой год	1,	403
«Сосредоточусь. Силы напрягу...»	1,	487
«Спасибо Вам за добрые слова...»	3,	185
«Сперва на синее небо не отрываясь глядят...»	3,	127
«Спешит закончить Эренбург...»	2,	153
«Списки расправ...»	1,	417
«Сплю в обнимку с пленным эсэсовцем...» (Себастьян)	3,	446
«Спокойней со спокойными, но все же...» (Статья 193 УК (воинские преступления)	1,	232
«Справедливости глухое чувство...» (Глухое чувство справедливости)	2,	360
«Справедливость — не приглашают...»	1,	277
«Среднее звено мечтает...»	3,	72
«Средние писатели...» (Похвала средним писателям)	3,	244
«Ссылки получают имя ссыльных...» (Время все уладит)	1,	453
«Ставлю на через одно поколение...»	1	465
«Стали много читать Платона...» (Платон)	3,	27
«Стали старыми евреями...»	3,	370
«Сталин взял бокал вина...» (Терпенье)	1,	412
«Стало быть, получается вот как...» (Ваша нация)	3,	92
«Старая записная книжка!...»	2,	84
Старик	2,	253
«Старики много думают: о жизни, смерти, болезни...» (Философия и жизнь)	2	349
«Старики обижаются, что старость хуже...» (Фреска «Злоба дня»)	3	8
Старинный сон	3,	254
Старое синее	3,	37
«Старость — равнодушие. Постепенно...»	2,	292
«Старух было много. Стариков было мало...» (Старухи и старики)	1,	353
Старуха в окне	2,	26
«Старуха говорит, что три рубля...» (Кузьминишна)	3,	349
Старухи и старики	1,	353
«Старухи, как черепахи...»	3,	63
«Старшему товарищу и другу...»	2,	434
«Старые обиды не стареют...» (Любимая обида)	3,	341
Старые офицеры	2,	316
Старые рифмы	2,	450
Старые церкви	3,	162
Старый дом	1,	355
Старый спутник	3,	233
«Старых офицеров застал еще молодыми...» (Старые офицеры)	2,	316
Статья 193 УК (воинские преступления)	1,	232
«Стесняюсь и путаясь...» (Разговоры о боге)	3,	416

	Том	Стр.
«Стих, как будто почвы Подмосковья...»	2,	375
«Стихи заводятся от сырости...»	2,	59
«Стихи, что с детства я на память знаю...»	3,	179
«Стихла эта огромная нота. Звучанье...» (Слово на камне)	3,	423
«Стокилометровый переход...» (Надо, значит, надо)	2,	241
Столб в окне	3,	273
Столетия в сравнении	3,	346
«Стоял вопрос про роток и платок...»	3,	75
«Стояли сосны тесно...»	1,	491
«Страдания людей и лошадей...» (Первый день)	3,	46
«Странная была свобода...» (Странности)	2,	141
Странности	2,	141
Страсть к фотографированию	3,	175
Страх	2,	93
«Страшно сохнет во рту...»	3,	392
«Строго было...»	2,	481
«Студенты жили в комнате, похожей...» (Рука)	1,	261
«Стыдились своих же отцов...»	3,	294
«Стюард в шотландском ресторане...» (Мы в Эдинбурге)	3,	54
«Суббота. Девки все разобраны...»	1,	426
Судьба («Где-то в небе летит ракета...»)	2,	183
Судьба («Судьба — как женщина судья...»)	2,	383
Судьба («Человекосеанс завершился...»)	3,	65
Судьба детских воздушных шаров	2,	246
Суровая нитка	3,	103
Счастье («Гривенники, пуговицы...»)	1,	192
Счастье («Словно луг запах...»)	1,	123
«Счастье — это круг. И человек...»	1,	289
«Счастлице в готовом...» (Мещанское счастье)	2,	313
Счетные работники	1,	194
Сын негодяя	2,	76
«Сыновья стояли на земле...» (Отцы и сыновья)	3,	231
«Сытый — голодного, здоровый — больного...» (Полное отчуждение)	3,	289
Сэм Симкин	2,	13
«Та железная палка, что Пушкин носил...» (Пушкинская палка)	1,	327
«Та линия, которую мы гнули...» (Декабрь 41-го года)	1,	200
«Тайны вызывались поименно...»	2,	53
Такая эпоха	1,	462
Тане	3,	205
Татьяна, Наталья	2,	357
Творческий метод	1,	346
«Твоя тропа, а может быть, стезя...»	1,	479
«Те стихи, что вынашивались, словно дитя...»	3,	403
«Те стихи, что я написал и забыл...»	1,	248
«Тебя поставили политруком...» (Говорит комиссар полка)	1,	201
Тезки	2,	404
Телефон	3,	165
«Темницы двадцатого века...»	2,	362
«Темно. Темнее темноты...» (Внезапно)	3,	425
«Темный, словно сезонник...»	1,	291
Темп	3,	55

	Том	Стр.
Темпераменты	1,	269
Тени костра	2,	312
«Тень переходит в темь...» (Все-таки между тем...)	3,	258
«Теперь Освенцим часто снится мне...»	2,	134
Терпенье («Привычка привыкать...»)	2,	260
Терпенье («Сталин взял бокал вина...»)	1,	412
«Терплю свое терпенье...»	2,	526
Технари	2,	351
«Тик сотрясал старуху...» (Старуха в окне)	2,	26
«Тишина никогда...» (Звездные разговоры)	3,	215
«Ткал ковры. И продавал — внарез...»	3,	186
«То лето, когда убивали водителей многих такси...»	1,	423
«То ли дождь, то ли снег...» (Домой)	1,	141
«То ли мята, то ли рута...»	2,	466
То ли решать, то ли тянуть	3,	431
«То не станция Бологое...» (Человек)	1,	309
«То слышится крик...»	1,	217
«То, что было вверено, доверено...»	3,	387
Товарищ («Лозунг времени «Надо так надо!»...»)	1,	364
Товарищ («Постарел мой товарищ!..»)	3,	104
«Товарищ Сталин письменный...»	1,	442
«Товарищи и начальники...» (Перемена судьбы)	3,	49
«Толпа, как хор в трагедии греческой...» (Герой и толпа)	3,	281
«Толпа на Театральной площади...»	1,	136
«Толстовско-тургеневский, орловско-курский...» (Русский язык)	1,	341
«Только война закончится...»	1,	191
Тоня Калачева	2,	396
Тополя	1,	225
«Торопливо взглядывая на небо...» (Случай)	2,	341
«Тороплю эпоху: проходи...»	3,	380
«Тот воздух, что способствовал паренью...» (Воздух полета)	3,	209
«Тот день в году, когда летает...» (21 июня)	2,	7
«Тот день, когда я вышел из больницы...»	1,	52
«Трагедии, представленной в провинции...»	1,	286
«Трагедии редко выходят на сцену...»	3,	64
Трактора и автомобили	2,	382
Три сестры	1,	124
Три столицы (Харьков — Париж — Рим)	2,	432
Трибуна	3,	313
«Тривиальность: все люди смертны...»	3,	369
«Тридцатилетняя женщина...»	1,	56
Тридцатки	3,	295
Тридцатые годы	2,	34
«Трудоустроенный кровопийца...»	3,	71
«Туповатые лица этрусков...» (Многовариантность истории)	2,	67
«Туристам показываю показательное...»	1,	143
«Тушат свет и выключают звуки...»	1,	224
«Ты каждую из этих фраз...» (Тане)	3,	205
1942	1,	36
1945 год	1,	370
«Тяжело быть поэтом с утра до вечера...» (Профессиональная надменность)	3,	322

	Том	Стр.
«...Тяжелое, густое честолюбье...»	1,	67
«Тяжелые капли сидят на траве...» (Военный рассвет)	1,	91
«У Абрама, Исака и Якова...»	1,	71
«У археологов на лад идут дела...» (Чудеса)	1,	351
«У великих людей на могильных камнях...»	2,	62
«У времени вечный завод...»	2,	129
«У всех мальчишек круглые лица...»	2,	418
«У государства есть закон...»	1,	284
«У кавкорпуса в дальнем рейде...» (Рейд)	2,	114
«У каждого были причины свои...»	2,	144
«У людей — дети. У нас — только кактусы...»	1,	439
«У Малого театра, прозрачна как тара...» (Ксения Некрасова)	1,	340
«У маршала Толбухина в войсках...» (Маршал Толбухин)	2,	125
«У меня болела голова...» (Преодоление головной боли)	3,	255
«У меня был свой «Сезам, отворись!»...»	3,	262
«У меня была комната с отдельным ходом...» (Ключ)	1,	158
«У меня было право жизни и смерти...»	2,	56
«У меня еще дед был учителем русского языка...» (Происхождение)	2,	505
«У меня, по крайней мере, одно достоинство...» (Палата)	3,	437
«У офицеров было много планов...»	1,	137
«У пригласивших было мало денег...» (Заболоцкий спит в итальянской гостинице)	2,	394
«Убили самых смелых, самых лучших...» (В шесть часов вечера после войны)	1,	34
«Увидев в зеркале зеркало...»	3,	274
«Увидимся ли когда-нибудь?..»	3,	324
Угловатая Родина	3,	106
Углы	1,	468
Угрюмый ноктюрн	3,	132
Удачник	3,	188
Удобства	2,	438
«Уже давным-давно...» (Давай пойдем вдвоем)	3,	342
«Уже не холодно, не жарко...»	3,	271
«Уже хулили с оговоркой...»	2,	294
Улучшение анкет	1,	434
«Умелая рука гробовщика...»	3,	457
«Уменье памяти сопряжено...» (Необходимость забвенья)	3,	172
«Уменья нет сослаться на болезнь...»	1,	306
«Умер враг, который вел огонь...» (Памяти одного врага)	2,	495
«Умер человек, не собиравшийся...»	2,	212
«Умирают в своей постели!..»	3,	291
«Умирают добрые...» (Ритм)	2,	513
«Умирают мои старики...»	1,	334
«Умирают отцы и матери...»	2,	42
«Унижения в самом низу...»	3,	454
«Уничтоженный унижением...» (Не совсем)	3,	68
«Усталость проходит за воскресенье...»	1,	288
«Утверждают многие кретины...»	3,	377
«Утихомирились, угомонились...»	3,	374
«Утро брезжит, а дождик брызжет...» (Сон)	1,	97

	Том	Стр.
Утро, которое мудренее	3,	39
«Уходящая молодость...» (Прощание)	3,	207
Уходящее время	3,	167
«Учитесь, дети, книги собирать...»	1,	455
«Учтя подручный матерьял...»	2,	298
Физики и лирики	1,	350
Физики и люди	1,	459
«Физики поднаторели...» (Солнечные батареи)	2,	10
«Физиков — меньшинство человечества...» (Физики и люди)	1,	459
Философия и жизнь	2,	349
«Философов высылали...» (Идеалисты в тундре)	1,	254
«Философской лирики замах — рублевый...»	3,	141
Философы сегодня	3,	241
«Философы — это значит: продранные носки...» (Философы сегодня)	3,	241
Фотографии картин, сожженных оккупантами	1,	142
Фотографии моих друзей	2,	427
«Фотографии стоили денег...» (Фотографии моих друзей)	2,	427
«Фотографируются во весь рост...» (Страсть к фотографированию)	3,	175
Фреска «Злоба дня»	3,	8
Фунт хлеба	1,	229
Футбол	1,	376
«Хан был хамом, большим нахалом...»	2,	336
Харьковский Иов	3,	442
Хвала вымыслу	3,	283
Хвала Гулливеру	2,	348
Хвала и хула	3,	452
«Хвалить или молчать!...»	3,	286
Хвастовство памятью	3,	263
«Хватило на мой век...»	2,	457
«Хватит ли до смерти? Хватит...»	3,	338
«Хитрый лис был Улисс...» (Одиссей)	3,	14
Хлеб	1,	47
«Хлеба — мало. Комнаты — мало...»	1,	358
Хозяин	1,	171
«Холодная душа...» (Более или менее)	3,	371
Холсты Акопа Коджояна	2,	109
«Хороша ли плохая память?...»	3,	173
«Хорошая рифма, словно старинное...» (Старые рифмы)	2,	450
Хорошая смерть	2,	344
Хорошо!	2,	453
«Хорошо будет только по части жратвы...»	3,	84
«Хорошо бы, жив пока...»	3,	328
«Хорошо было на войне!...»	3,	448
«Хорошо было уезжать...» (Хорошо!)	2,	453
«Хорошо заработать деньги...» (Мелочь под ногами)	3,	352
«Хорошо или плохо...»	1,	302
«Хорошо, когда хулят и хвалят...»	1,	342
«Хорошо найти бы такое «я»...» (Знаешь сам!)	2,	503
«Хорошо ушел. Не оглянулся...»	2,	259

	Том	Стр.
«Хотелось есть...» (Желанье поесть)	3,	320
«Хотелось ко всему привыкнуть...» (Молодость)	1,	402
«Хочется перечислить несколько...» (Углы)	1,	468
«Хочу умереть здесь...»	3,	105
«Хранители архивов (и традиций)...»	1,	332
Художник	1,	329
«Художники от слова «худо»...» (Чердак и подвал)	1,	300
«Художники риеуют Ленина...» (Слава)	1,	184
«Художнику хочется, чтобы картина...»	1,	445
«— Хуже всех на фронте пехоте!...»	1,	94
Царевич	3,	413
«Царь природы, венец творенья...» (Человек)	1,	77
Цветное белье	3,	29
«Целый класс читает по слогам...»	2,	91
«Целый народ предпочел стихи...»	3,	141
«Цель оправдывала средства...»	2,	338
Ценности	3,	440
Цепная ласточка	3,	227
Чаевые	2,	255
Частушки	1,	252
«Чашки бьются чаще, чем блюда...» (Память старых женщин)	3,	44
«Чего боится человек...» (Страх)	2,	93
Человек («То не станция Бологое...»)	1,	309
Человек («Царь природы, венец творенья...»)	1,	77
«Человек живет только раз. Приличия...»	3,	384
«Человек на развилке путей...»	2,	150
«Человек поверяется холодом или жарой...» (Поверка)	2,	444
«Человек подсчитал свои силы...»	2,	155
Человек с книгой	1,	313
«Человек состоит из способности и потребности...»	2,	352
«Человек умирает дважды...»	3,	169
«Человека лишили улыбки...» (Демаскировка)	1,	175
«Человека нора кочевая...»	1,	55
«Человекосеанс завершился...» (Судьба)	3,	65
«Человеческую жизнь (с деталями)...»	2,	228
«Человечество делится на две команды...»	1,	497
«Человечеству любо храбриться...»	3,	422
«Чем хорош Гулливер? Очевидным, общепонятным...» (Хвала Гулливеру)	2,	348
Чердак и подвал	1,	300
Черная икра	2,	302
Черные брови	2,	355
Черта меж датами	3,	232
«Черта под чертою. Пропала оседлость...»	2,	340
«Честный человек...» (О прямом взгляде)	1,	443
«Четыре верблюда на улицах Граца!...» (День Победы в Альпах)	2,	123
«Читали, взглядывая изредка...»	3,	119
Читатель	3,	144
Читатель отвечает за поэта	1,	349
Читательские оценки	1,	482

	Том	Стр.
«Читая параллельно много книг...»	3,	464
«Что бояться?..»	3,	276
«— Что вы, звезды?..»	3,	327
«Что думает его супруга дорогая...»	2,	359
«Что же они сделали...» (Родственники Христа)	3,	407
«Что за комиссия, создатель?..» (Комиссия по литературному наследству)	1,	182
«Что за необычная зима!..»	2,	72
«Что значила молния, перечеркнувшая...» (И гром и молния)	2,	408
«Что нужно на дожитие тирану...»	2,	192
Что почем	2,	309
«Что-то дробно звенит в телефоне...»	2,	219
«Что-то физики в почете...» (Физики и лирики)	1,	350
Чудеса	1,	351
«Чужие люди почему-то часто...»	1,	64
Чужой дом	2,	291
«Шаг вперед!..»	2,	55
«Шел фильм...» (Броненосец «Потемкин»)	1,	347
«Шел человек по улице зеленой...» (Амнистированный)	1,	74
«Шел я по улице и менялся...» (Менки)	3,	398
«Шестнадцать лет на станции живу...» (Захарова ко мне!)	3,	218
Шестое небо	1,	484
«Широко известен в узких кругах...»	1,	330
«Широкоплечие интеллигенты...» (Сверстникам)	1,	218
Школа войны	3,	214
Школа для взрослых	1,	121
«Школа многому не выучила...» (Школа войны)	3,	214
Шуба	2,	441
«Шуба выстроена над калмыком...»	1,	447
«Щенок гоняется за воробьем...» (Проверка)	3,	28
«Щенок, отведавший пинка...»	3,	51
«Электричка стала. Сколько...» (Ремонт пути)	2,	306
Энергия старости	3,	271
«Эпоха закончилась. Надо ее описать...»	2,	199
«Эрудит, но без знания языков...» (Без дураков)	3,	70
«Эта женщина молода. Просто она постарела...»	2,	265
«Это же прошло давно...»	3,	168
«Это — зал ожидания. Скамейки узки, тверды...» (Зал ожидания)	3,	10
«Это Коля Глазков. Это Коля...» (Коля Глазков)	3,	245
«Это — мелочи. Так сказать, блохи...»	2,	327
«Это не беда...»	3,	343
«Это носится в воздухе вместе с чадом и дымом...»	3,	101
«Это — ночью написалось...»	1,	58
«Это очень богатый мертвец...»	3,	66
Это правда	1,	485
«Это — старое общество...»	3,	85
«Это я, господи!..» (Анализ фотографии)	3,	25
«Этот гений пишет слабо...» (В порядке исключения)	3,	194

	Том	Стр.
«Этот климат — не для часов...» (Климат не для часов)	3,	332
«Этот случай спланирован в крупных штабах...» (Случай)	2,	516
«Эшафот — моровая страда...»	3,	124
«Юность — аванс. Дается всем...»	2,	45
«Я беру краткосрочный отпуск...» (Верил?)	1,	177
«Я Брехта грузно перевозжу...» (Перевозжу Брехта)	2,	390
«Я был кругом виноват, а Таня мне...»	3,	383
«Я был молод в конце войны...» (Молодята)	2,	401
«Я был молод. Гипотезу бога...»	2,	227
«Я был плохой приметой...»	2,	189
«Я был проверен и допущен...»	3,	145
«Я был росую...»	3,	161
«Я был умнее своих товарищей...»	1,	477
«Я был учеником у Маяковского...»	1,	37
«Я был человек его века...»	3,	23
«Я в ваших хоровах отплясал...»	2,	196
«Я в двадцать пятый раз после войны...» (Новая квартира)	1,	422
«Я в комнате, поросшей бытием...» (Чужой дом)	2,	291
«Я в первый раз увидел МХАТ...»	1,	301
«Я в Харькове опять. Среди аллей...» (Тополя)	1,	225
«Я в этот сельский дом заеду...» (Обои)	2,	173
«Я вам глаз не мозолю и на мозоли...»	3,	107
«Я вам помогал...» (Младшим товарищам)	3,	325
«Я вдруг заметил, что рассказы...»	2,	202
«Я, великого только чающий...» (Консультант в городском саду)	1,	244
«Я вернулся из странствия, дальнего столь...» (Возвращение)	3,	418
«Я вывернул события мешок...» (Творческий метод)	1,	346
«Я вырос на большом базаре, в Харькове...» (Музыка над базаром)	1,	135
«Я говорил от имени России...»	1,	107
«Я даже не набрался...» (Национальная особенность)	2,	346
«Я делал все, что мог. Не смог...»	3,	97
«Я других людей — не бедней...»	3,	262
«Я думаю, что следует начать...»	1,	60
«Я жил над музыкальной школой...» (Второй этаж)	1,	131
«Я зайду к соседу, в ночь соседа...»	2,	230
«Я засветло ушел в политотдел...» (Как меня принимали в партию)	1,	95
«Я заслужил признательность Италии...» (Бесплатная снежная баба)	1,	385
«Я знаю, что «дальше — молчанье»...»	3,	404
«Я к Третьяковке шел в обход...» (Рассвет в музее)	3,	36
«Я кипел тяжело и смрадно...» (В январе)	1,	166
«Я когда был возраста вашего...»	1,	457
«Я любил стариков и любви не скрывал...» (Любовь к старикам)	3,	217
«Я люблю стариков, начинающих снова...»	1,	319
«Я на медные деньги учился стихам...» (Медные деньги)	1,	130

	Том	Стр.
«Я на палубу вышел, а Волга...» (Воспоминание)	1,	371
«Я, наверно, моральный урод...»	3,	110
«Я не искал виновника...»	3,	81
«Я не любил стола и лампы...»	1,	212
«Я не могу доверить переводу...»	1,	155
«Я не раз, и не два, и не двадцать...» («Есть!»)	2,	251
«Я не хочу ни капли потерять...»	1,	324
«Я носил ордена...» (Память)	1,	113
«Я ночной таксист. По любому...» (Ночной таксист)	3,	451
«Я обучен одиночеству...» (Переобучение одиночеству)	3,	390
«Я отстраню ночные страхи...» (Утро, которое мудренее)	3,	39
«Я очень мал, в то время, как Гомер...»	1,	496
«Я перевел стихи про Ильича...»	1,	336
«Я перед ним не виноват...» (Вместо некролога)	2,	511
«Я переехал из дома писателей...»	1,	292
«Я пожизненный, даже посмертный...»	3,	147
«Я пока за стихи получаю вперед...» (Сколько платят поэтам)	2,	98
«Я помню квартиры наши холодные...» (Деревья и мы)	1,	359
«Я помню отца выключающим свет...» (Отец)	2,	405
«Я помню парады природы...» (О погоде)	1,	105
«Я помню твой жестоковыйный норов...»	2,	369
«Я посмотрел Сикстинку в Дрезденке...» (Искусство)	1,	196
«Я приручил своих чертей...»	3,	131
«Я притворялся танковой колонной...» (Звуковая игра)	3,	222
«Я работал и воевал...» (Жизнь)	1,	473
«Я разобрал рязанскую игрушку...» (Три сестры)	1,	124
«Я ранняя пташка...»	3,	330
«Я родился в железном обществе...» (Золото и мы)	1,	31
«Я, рожденный в сорочке, сорочку...»	2,	373
«Я роздал земли графские...» (Не винтиками были мы)	2,	20
«Я рос в тени завода...» (Гудки)	1,	129
«Я рос и вырос в странной стране...»	2,	363
«Я рос при Сталине, но пристально...»	1,	414
«Я с дисциплиной завязал...»	3,	96
«Я с той старухой хладновежлив был...»	2,	370
«Я связан со временем...»	2,	220
«Я сегодня два новые слова слышал...» (Два новых слова для нового дня)	3,	142
«Я сегодня — шучу...»	1,	76
«Я слишком знаменитым не бывал...»	2,	374
«Я слышу звон и точно знаю, где он...» (Цепная ласточка)	3,	227
«Я строю на песке, а тот песок...»	1,	162
«Я судил людей и знаю точно...»	1,	145
«Я теперь не прошедшее — давно прошедшее...»	2,	531
«Я учитель школы для взрослых...»	1,	362
«Я целые годы свои забыл...»	2,	152
Я это я	3,	455
Ямбы	2,	452
«Ohne mich!..» (Без меня)	2,	271

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОДЛЕННЫЙ ПОЛДЕНЬ (1975)

Реконструкция Москвы	7
Фреска «Злоба дня» (Фрагменты)	8
Зал ожидания	10
Журавли	11
Полуторка	12
Одиссей	14
Белые руки	15
Грязная чайка	16
Давным-давно	17
«Солоно приходится и горько...»	19
Мороз	20
Послевоенный шик	22
«Я был человек его века...»	23
Певица	24
Анализ фотографии	25
Платон	27
Проверка	28
Цветное белье	29
Выбор («Выбор — был. Раза два. Два раза...»)	31
Продленный полдень	32
Дождь	33
Новые чувства	35
Рассвет в музее	36
Старое синее	37
О вечности	38
Утро, которое мудренее	39
<hr/>	
Набросок автопортрета	40
Складно!	41
Сон об отце	42

Память старых женщин	44
Деревня и город	45
Первый день	46
«Оказывается, война...»	47
Не за себя прошу («Седой и толстый. Толстый и седой...»)	48
Перемена судьбы	49
«Нахал, шарлатан, горлопан...»	50
«Шенок, отведавший пинка...»	51
Понимание славы	52
Мы в Эдинбурге	54
Темп	55
«Отцы еще молодые...»	57
«Кто еще только маленький...»	58
«В общем, сколько мешков с бедою...»	59
«— Мне-то дело какое до Марьи Стюарт!..»	60
Плебейские генеалогии	61
«Старухи, как черепахи...»	63
«Трагедии редко выходят на сцену...»	64
Судьба («Человекосеанс завершился...»)	65
«Это очень богатый мертвец...»	66
«Кому мене жить, кому боле...»	67
Заповедь самому себе	67
Не совсем	68
«Не покоряйся, товарищ...»	68
«Оскорбить, отскоблить с него глянец...»	69
Без дураков	70
«Трудоустроенный кровопийца...»	71
Новый тип	72
«Среднее звено мечтает...»	72
«Поправляй меня, Родина! Я-то...»	73
Гашение скоростей	74
«Стоял вопрос про роток и платок...»	75
«Итог истории: осколки...»	76
Пока еще все ничего	77
Писарь	78
«Анекдоты о Сталине лет через много...»	79
«Доколе, доколе?...»	79
Из «А» в «Б»	80
«Я не искал виновника...»	81
«Где небитые? Не осталось...»	81
«В раннем средневековье...»	82
Высокое чувство	83
«Вогнутый выпуклого не поймет...»	84
«Хорошо будет только по части жратвы...»	84
«Это — старое общество...»	85

«Под эту музыку можно и вешать, и танцевать...»	86
Полный поворот	87
Алчба	87
«Интеллигенция — русское слово...»	88
«Всем было жалко всех, но кой-кому...»	89
«Молодцеватые философы...»	90
Медлительность философов	91
Ваша нация	92
Перспектива	93
«Исключите нас из правила...»	94
«А если вы не поймете...»	95
«Я с дисциплиной завязал...»	96
«Я делал все, что мог. Не смог...»	97
«Двадцать лет я жил на том же уровне...»	97
Разные судьбы	98
«Даже думать об этом не хочется...»	99
Сжигая старые учебники	100
«Это носится в воздухе вместе с чадом и дымом...»	101
«От нашего любимого...»	102
Суровая нитка	103
Товарищ («Постарел мой товарищ!...»)	104
«Хочу умереть здесь...»	105
Угловатая Родина	106
«Я вам глаз не мозолю и на мозоли...»	107
«В страхе божьем анкету заполнил...»	108
«Не пробиться к рабочим, крестьянам...»	109
«Я, наверно, моральный урод...»	110
Подчинение логики	111
«Кесарево кесарю воздал...»	112
«Разошлись по дальним далям ближние...»	112
«Жизнь окончена. Сверх программы...»	113
«Психология перекрестка...»	114
«Были деньги нужны...»	115
«Маленькие государства...»	116
«Древнейший из видов системы...»	118
«Читали, взглядывая изредка...»	119
Мои первые театральные впечатления	120
«Какую войну мы выиграли...»	122
«В тот день, когда окончилась война...»	123
«Эшафот — моровая страда...»	124
«Как разведенные супруги...»	125
«Пирамиды достигли цели?...»	126
«Ответы пока получены только на второстепенные...»	127
«Сперва на синее небо не отрываясь глядят...»	127
Деревянная сказка	128

«...И опять душа влекома...»	129
«История мучит людей...»	130
«Я приручил своих чертей...»	131
Угрюмый ноктюрн	132
Музыка будущего	133
«От эпатирования буржуазии...»	135
Вам нравится чахоточный	136
Неудача в любви	137
Слава Лермонтова	138
«Мать пестует младенца — не поэта...»	139
Златой запас	140
«Философской лирики замах — рублевый...»	141
«Целый народ предпочел стихи...»	141
Два новых слова для нового дня	142
«Не тратьте ваши нервы...»	143
Читатель	144
«Я был проверен и допущен...»	145
«Большинство — молчаливо...»	146
«Я — пожизненный, даже посмертный...»	147
«Прощаю всех...»	148
«Зачем, великая, тебе...»	149
Величие души	150
«Никоторого самотека!..»	151
«Запах лжи, почти неуследимый...»	151
«Потребности, гордые, словно лебеди...»	152
«Не ведают, что творят...»	153
Объявление войны	154
«Во-первых, он — твоя судьба...»	155
«История над нами пролилась...»	156
«Мир, какой он должен быть...»	157
Ода Мейерхольду	158
«Гамлет этого поколения...»	160
«Я был росую...»	161
Старые церкви	162
Памятник старины	163
Издержки прогресса	164
Телефон	165
Молчашие	166
Уходящее время	167
«Это все прошло давно...»	168
«Недостойно бежит старичок...»	169
«Человек умирает дважды...»	169
«Поколению по имени-отчеству...»	170
Перемены	171
Необходимость забвенья	172

«Хороша ли плохая память?..»	173
«Охажую крестов, на спину взваленных...»	174
Страсть к фотографированию	175
Месса по Слуцкому	176
«Польский гонор и еврейский норов...»	178
«Стихи, что с детства я на память знаю...»	179
Добавка	180
«Не воду в ступе толку...»	181
Слишком много жизненного опыта	182
По течению и против течения	183
«С бытием было проще...»	184
«Спасибо Вам за добрые слова...»	185
«Ткал ковры. И продавал — внарез...»	186
Долг	187
Удачник	188
Неужели?	189
Завещанное всем	190
«В драгоценнейшую оправу...»	191
«Поэты подробности...»	192
«В двадцатом веке дневники...»	193
В порядке исключения	194
Помета под стихотворением	195
Слава («Слава — вырезки из газет...»)	196
«Гром аплодисментов подтверждал...»	197
Равнодушие к футболу	198
Каждый день	200
Профессиональное раскаяние	202

НЕОКОНЧЕННЫЕ СПОРЫ (1978)

Тане	205
Неоконченные споры	206
Прощание («Уходящая молодость...»)	207
Жалею время, что оно прошло	208
Воздух полета	209
Самый старый долг	210
Женская палата в хирургии	211
Днем и ночью	213
Школа войны	214
Звездные разговоры	215
Обгон	216
Любовь к старикам	217
Захарова ко мне!	218
Наглядная судьба	220
Одиннадцатое июля	221

Звуковая игра	222
«Привычка записывать сны...»	223
Претензия к Антокольскому	224
Непривычка к созерцанию	225
Цепная ласточка	227
Все три измерения совести	228
«Не сказануть — сказать хотелось...»	229
Очень много сапожников	230
Отцы и сыновья	231
Черта меж датами	232
Старый спутник	233
Прощение	234
Информация и интуиция	235
Все четыре времени жизни	236
Боязнь страха	238
Осенний отстрел собак	239
Философы сегодня	241
Иванихи	242
Славная невнятица	243
Похвала средним писателям	244
Коля Глазков	245
Полвека спустя	247
Петровна	248
Выпадение из отчаяния	249
На всю жизнь	250
Зеркальце	251
И дяди и тети	253
Старинный сон	254
Преодоление головной боли	255
Все-таки между тем...	258
Большие монологи	259
«В этот вечер, слишком ранний...»	260
«Делайте ваше дело...»	261
—	
«Я других людей — не бедней...»	262
«У меня был свой «Сезам, отворись!»...»	262
Хвостовство памятью	263
«На шинелке безлунной ночью...»	265
Дилемма	266
Выбор («Привычный шум смешался с тишиной...»)	267
«В одинокой его судьбе...»	268
«Звеном в цепи, звеном в цепи, звеном в цепи...»	269
«Не грозный оклик палача...»	270
Энергия старости	271

«Уже не холодно, не жарко...»	271
«От человека много сору...»	272
Столб в окне	273
«Увидев в зеркале зеркало...»	274
«Историческую необходимость...»	275
«Что бояться?..»	276
Рожон	277
«Никто не доказал, что впереди...»	278
Как сделать революцию	279
Герой и толпа	281
«В графе «преступление» — епископ...»	282
«Неверующее государство...»	282
Хвала вымыслу	283
«Вырабатывалась мораль...»	284
«Вдох и выдох...»	285
«Хвалить или молчать!..»	286
«Государственных денег не жалко...»	287
«Опубликованному чуду...»	288
«Официальная общественность...»	288
Полное отчуждение	289
Соловьи и разбойники	290
«Психика всегда стоящих в очереди...»	291
«Умирают в своей постели!..»	291
Затесавшееся столетье	292
Павел-продолжатель	293
«Стыдились своих же отцов...»	294
Тридцатки	295
«Крестьянская ложка-долбленка...»	297
Никифоровна	298
«Конечно, обозвать народ...»	300
Не так уж плохо	301
Между столетиями	302
«Поезд двигался сразу в несколько тупиков...»	303
«Есть итог. Подсчитана смета...»	304
«Ракеты уже в полете, и времени вовсе нет...»	305
«Все кончается травой...»	306
«Будущее футуристов — Сад Всеобщих Льгот...»	307
«Распад созвездья с вызовом звезды...»	308
На финише	309
Домой! («Расходимся по домам...»)	310
Игра в кирпичи	311
Внезапное воспоминание	312
Трибуна	313
Командиры	315
В самом конце войны	317

Мои молодые товарищи	318
«А в общем, ничего, кроме войны!..»	319
Желанье поест ,	320
О стихах на случай	321
Профессиональная надменность	322
«Все труднее глаз на глаз с листом...»	323
Объективная эпитафия	324
«Увидимся ли когда-нибудь?..»	324
Младшим товарищам	325
«Ни ненависти, ни зависти...»	326
«— Что вы, звезды?..»	327
«Хорошо бы, жив пока...»	328
«Нарушались правила драки...»	329
«Я ранняя пташка...»	330
«Золотую тишину Вселенной...»	331
Климат не для часов	332
Сенькина шапка	333
Рука и душа	334
Слово «западник» и слово «славянофил»	335
О смертности юмора	336
«И лучшие, и худшие, и средние...»	337
«Хватит ли до смерти? Хватит...»	338
«Все калечится и увечится...»	339
«Совесьть ночью, во время бессонницы...»	339
Дыхание в затылок	340
Любимая обида	341
Давай пойдем вдвоем	342
«Как бы чувства ни были пылки...»	343
«Это не беда...»	343
«Век вступает в последнюю четверть...»	344
«Говорят, что попусту прошла...»	345
Столетия в сравненье	346
Вечерний автобус	348
Кузьминишна	349
Концерт в глубинке	350
Семейная ссора	351
Мелочь под ногами	352
Зашедший разговор	353
Знакомство с незнакомыми женщинами	354
«Молодая была, красивая...»	356
Очки («Все на свете успешно сводивший к очкам...»)	357
«Если вас когда-нибудь били ногами...»	359
«Итак, остается надежда...»	360
«Мера наказания пророку...»	361
Обоснование элегии	362

«С юным Пушкиным все в полной ясности...»	363
«Поэты похожи на поэтов...»	364
«Все примазываются к Ренессансу...»	365
«Выпив квасу из холодильника...»	366
Нечаевцы	367
«Тривиальность: все люди смертны...»	369
«Стали старыми евреями...»	370
Более или менее	371
Поэты	372
Последняя необходимость	373
«Утихомирились, угомонились...»	374
Коридоры судьбы	375
«На похоронах не смеются...»	376
«Утверждают многие кретины...»	377
«Смерть вычеркивает, упрощает...»	378
«Куда-то голос запропал...»	379
«Тороплю эпоху: проходи...»	380

СТИХОТВОРЕНИЯ 1977 ГОДА

«Я был кругом виноват, а Таня мне...»	383
«Человек живет только раз. Приличия...»	384
Последний взгляд	385
«Каждое утро вставал и радовался...»	386
«Небольшая синица была в руках...»	387
«То, что было вверено, доверено...»	387
«Мужья со своими делами, нервами...»	388
«Мне легче представить тебя в огне, чем в земле...»	389
Переобучение одиночеству	390
«Мой товарищ сквозь эту потерю прошел...»	391
«Кучка праха, горстка пепла...»	392
«Страшно сохнет во рту...»	392
«Не на кого оглядываться...»	393
«Сократились мои обязанности...»	393
Вот какое намерение	394
Просто жалобы	395
Вопросы к себе	396
Доигрывание после домашнего анализа	397
Менки	398
«Молча, как придорожные столбики...»	399
«Наблюдатели с Марса заметят, конечно...»	400
Без меня («Можно обойтись и без меня...»)	401
«Отбиваюсь от мысли о смерти...»	402
«Те стихи, что вынашивались, словно дитя...»	403

«Я знаю, что «дальше — молчанье»...»	404
На белеющем в ночи листе	405
«На историческую давность...»	406
Родственники Христа	407
Мама!	409
Продленная история	410
Возбужденный математик	411
Самодержец	412
Царевич	413
Все теории судьбы	414
Задумываясь о вечности	415
Разговоры о боге	416
«Пока на участке молекулы...»	417
Возвращение	418
«Время кружит меня по кругу...»	419
Где лучше всего мыслить	420
В углу	421
«Человечеству любо храбриться...»	422
Слово на камне	423
Постановление зеркал	424
Внезапно	425
«Слепой просит милостыню у попугая...»	426
«Ожидаемые перемены...»	427
И срам и ужас	428
«Господи, больше не нужно...»	429
Ночные стуки	430
То ли решать, то ли тянуть	431
Завершение	432
«Концерт для скрипки и гобоя...»	433
«Ну что же, я в положенные сроки...»	434
«Начата посмертная додача...»	435
Везучая кривая	436
Палата	437
Городская старуха	439
Ценности	440
Баскетбольный рост	441
Харьковский Иов	442
Метр восемьдесят два	444
Себастьян	446
К пересмотру военной истории	447
«Хорошо было на войне!..»	448
Демобилизация	449
Ночной таксист	451
Хвала и хула	452
«Унижения в самом низу...»	454

Я это я	455
«Рядовым в ряду...»	456
«Умелая рука гробовщика...»	457
«Обжили ад: котлы для отопленья...»	458
Не цифрами, а буквами	459
«Как ни взвесьте, как ни мерьте...»	460
И пух и перо	461
«Когда ухудшились мои дела...»	462
«Господи, Федор Михалыч...»	463
«Читая параллельно много книг...»	464
Примечания	467
<i>Алфавитный указатель стихотворений</i>	493

Слуцкий Б. А.

С 49 Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. Стихотворения. 1972—1977/Сост. с науч. подгот. текста, коммент. Ю. Болдырева. — М.: Худож. лит., 1991.— 542 с.

ISBN 5-280-01617-9 (Т. 3)

В настоящий, третий том Собрания сочинений Бориса Слуцкого (1919—1986) включены стихотворения, созданные поэтом в период с 1972 по 1977 год, — из книг: «Продленный полдень» (1975), «Неоконченные споры» (1978), стихотворения, не входившие в прижизненные издания.

С 4702010202-263 Подписное
028(01)91

ББК 84Р7

**Борис Абрамович
СЛУЦКИЙ**

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ТРЕТИЙ**

Заведующая редакцией *В. Канунникова*

Редактор *В. Пальчиков*

Художественный редактор *Е. Ененко*

Технический редактор *Л. Витушкина*

Корректор *Г. Ганапольская*

ИБ № 6297

Сдано в набор 21.01.91. Подписано в печать 21.08.91. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 28,56. Усл. кр.-отт. 28,56. Уч.-изд. л. 20,13. Тираж 50 000 экз. Изд. № III-3933. Зак. 725. Цена 3 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Владимирская типография Госкомпечати СССР,
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.

